

N. ZHORDANIA

Н. ЖОРДАНИЯ

MY LIFE

МОЯ ЖИЗНЬ

THE HOOVER INSTITUTION

HOOVER INSTITUTION FOREIGN LANGUAGE PUBLICATIONS

Н О Й Ж О Р Д А Н И Я

МОЯ ЖИЗНЬ

Перевод с грузинского
Инны Жордания

N O A H Z H O R D A N I A

MY LIFE

**Translated from the Georgian
by
Ina Zhordania**

**THE HOOVER INSTITUTION
ON WAR, REVOLUTION AND PEACE
STANFORD UNIVERSITY
STANFORD, CALIFORNIA
1968**

21. 333.1-29 + 325.2 (= 333.1) + 31(479.22) // 1910.03
+ 94(479.22) // 1921.02 + 325147(479.22)

The Hoover Institution on War, Revolution and Peace, founded at Stanford University in 1919 by the late President Herbert Hoover, is a center for advanced study and research on public and international affairs in the twentieth century. The views expressed in its publications are entirely those of the authors and do not necessarily reflect the views of the Hoover Institution.

ქართული ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედიაში ხელნაწილი
საქართველოს ფილიალის ხელნაწილი
საქართველოს სამეცნიერო-ენციკლოპედია
საქართველოს სამეცნიერო-ენციკლოპედიაში

T 3. 783
4

© 1968 by the Board of Trustees of the Leland Stanford Junior University
All rights reserved
Library of Congress Catalog Card Number 68-14736
Printed in West Germany

P R E F A C E

Noah Zhordania* embarked upon his political career in the mid-1890's and almost immediately became the most prominent and influential figure in Georgian Social Democracy. He was president of the independent Georgian republic from May 1918 until the republic's conquest by Soviet troops in 1921. With the publication of the present volume, the Menshevik Project, in cooperation with the Hoover Institution, makes available to the Russian-reading public an edited and annotated version of Zhordania's memoirs as translated into Russian by his widow, Ina Zhordania. Although the manuscript was completed in France in 1939, it did not appear in print until after the author's death, when it was published in the original Georgian under the title *Chemu dsarduli, Mogonebani* (Paris, 1953).

The inclusion in the Project's Russian-language series of these reminiscences, and of a companion volume by Gregory Uratadze, hardly requires justification in view of the importance of the role of the Georgian Social Democrats in the councils of the RSDRP, and especially in the development of Menshevism, from the beginning of the century through the two revolutions of 1917. Most prospective readers of this volume will already be well aware of the influence the Georgians wielded in the Social Democratic factions in all four Dumas and at the various conferences and congresses of the RSDRP. Many will also be familiar with the part played by such figures as Tsereteli and Chkheidze in steering the course followed by the moderate socialist parties in 1917 during the precarious experiments of the *dvoevlastie* and of the Coalition ministries.

The historical prominence of the Georgian Social Democrats in the councils of the RSDRP was partly a tribute to their individual political talents and oratorical skills. But it was also a reflection of a broader political and social phenomenon which still invites systematic scholarly investigation: of all regions of the Russian Empire, it was in Georgia that Menshevism sank the deep roots that nurtured the growth of a truly national party.

The emergence of a Menshevik government in Georgia in 1918 was no historical accident. Beginning in the spring of 1905, with the mass meetings in city and countryside at which Zhordania and his followers debated with

---

* Sometimes spelled Noi Zhordaniia.

the Bolsheviks the differences that had arisen between the two factions at the Second Congress of the RSDRP, the Georgian variant of Menshevism gained a hold on the allegiance of vast strata of the Georgian working class, peasantry, and intelligentsia. This hold never really loosened until the Georgian Mensheviks officially assumed the reins of power in 1917. No true analogue can be found in the annals of the RSDRP for the success of the Georgian Social Democrats in mobilizing so broad and steady a national following. Not even the role of the Bund in the organization of Jewish workers in Poland and the Pale, nor the influence the Bolsheviks gained on the eve of the War over the workers of Petersburg province and the Central Industrial region, can be compared to the infrastructure of political and social organization and effective authority built by the Georgian Social Democrats and maintained by them through even the most difficult years of the Stolypin era.

It may be useful to mention here some of the clues Zhordania's memoirs provide for an understanding of this extraordinary strength, and at the same time to comment more generally on the contribution these writings make to our knowledge of the history of Georgian Social Democracy. In weighing this contribution, two preliminary observations appear equally in order. One is that these reminiscences should be approached with the scholarly caution appropriate to the reading of all memoirs, particularly those recorded at an advanced age by an author whose political values crystallized fully only after the events he sought to recall. Conversely, it is equally important to emphasize that this volume provides some important corrections — overcorrections, on occasion — of the picture drawn of the development of Georgian Social Democracy in much of the literature, especially in Russian, published on the subject both before and after the Revolution of 1917.

One important correction appears at the beginning of Zhordania's account. Most existing treatments of the early years of Georgian Social Democracy have laid their main emphasis on the spread of industrial unrest and the organization of Social Democratic circles among the Georgian working class, especially in Tiflis and Batum, and on the catalytic role played in this process by Russian Social Democrats who influenced the Georgian workers. This thread in the early development of Georgian Social Democracy — as reflected, for example, in the growth of revolutionary unrest during the late 1890's among the workers at the Tiflis railroad yard and railroad shops — can hardly be ignored. But neither can the quite distinctive line of development emphasized in Zhordania's account — the crucial role played during the same period by *Mesamedas* in the conversion

to Marxism of significant elements of the younger generation of the Georgian intelligentsia. To be sure, a few of the Georgian intellectuals who were drawn into the ranks of Social Democracy during this period had been directly exposed to the influence of Russian and European socialist thought during their student years at various universities of the Empire (Moscow, Petersburg, Warsaw, and especially Derpt). But most of them, including many of the students at the Georgian theological seminaries which proved such fertile recruiting grounds for the Social Democrats, were drawn into camp by the propaganda activities of *Mesamedas*, and especially through its spread of the Marxist word in Georgian legal journals such as *Moambe* and *Kvali*.

Considering the role members of the intelligentsia played in the development of Social Democracy in other regions of the Russian Empire, their prominence in the early, as indeed in the later, history of Georgian Social Democracy hardly appears a singular phenomenon. What is noteworthy, however, is the remarkable ability the Georgian Social Democratic intelligentsia demonstrated — especially from 1905 onward — to divest itself of the halter of ideological dogmas and keep in tune with the mood and aspirations of the masses of Georgian workers and peasants.

This ideological adaptability seems all the more striking if we consider that many of the most prominent figures in *Mesamedas*, and in the councils of Georgian Social Democracy throughout its history, were nominally of gentry origin. This quasi-legal definition of their status tends, however, to obscure the fact that the generally impoverished gentry families that gave them birth — and with which most of them remained in close contact throughout their lives — were all but indistinguishable in their economic position, their mores, their economic, social, and political aspirations from the peasant population of their native villages.

Such intimate ties to the village were even more conspicuously characteristic of the Georgian workers who, from the late 1890's onward, were drawn in increasing numbers to Social Democracy. Especially at the beginning of the century, these were still, in the main, first-generation workers who had been recruited into industry from the countryside and periodically returned to it. The political significance of their presence on the scene may be assessed from the fact that the impetus for organization of the peasant movement that emerged in Georgia in 1903-1905 originated largely with industrial workers who had been deported back to their native villages by the czarist authorities for participation in revolutionary disorders.

Moreover, the close psychological and social bonds that united the Georgian intelligentsia, working class, and peasantry unquestionably assisted the

growth of Georgian Social Democracy into a truly national party. It enabled its leaders to recognize that one great potential appeal for the Georgian peasantry of Marxism, as against other radical doctrines, lay in the Marxian justification of the legitimacy (if only for a limited historical period, to be sure) of the principle of private ownership of the land. Above all, as Zhordania's memoirs suggest, their closeness to the "grass roots" impelled Georgian Social Democratic leaders to perceive that another powerful point favoring acceptance of their program would be its stress on internationalism. For they knew that to a people steeped in a historical tradition of isolation and insecurity — oppressed by the Russian autocracy, yet looking to Russia for protection against hostile neighbors — a vision of union with the Russian masses and a powerful European proletariat, in one common titanic struggle for freedom and social justice, would be alluring indeed.

It was at least in part because of their awareness of the strength of these sentiments among their constituents that the leaders of Georgian Social Democracy resisted so vigorously the nationalist appeals which proved so irresistible, after the turn of the century, to radical parties of other minorities of the Empire, and to certain groups in the Georgian intelligentsia as well. Until 1918, the "national" program of the Georgian Social Democrats went no farther than to advocate cultural autonomy for the Georgian people and the establishment of a degree of local self-government for the Transcaucasus as a whole. In the councils of the RSDRP, the Georgians remained to the last firm opponents of the organization of national parties, especially in the Caucasus.

All this is not to suggest that the history of Georgian Social Democracy was quite as unmarred by social stresses and conflicts as some official Georgian accounts of it suggest. One of the most notable developments in the early years, which the official accounts record with understandable pride, was the emergence in Georgian cities as far back as the 1890's of independent workers' organizations, financed by the workers' own membership dues and run by democratically elected worker leadership. But this pattern of organization, and the spirit of self-reliance and independence among the Georgian workers it reflected, did not become accepted in Georgian Social Democracy without travail.

Most important, after the turn of the century the spread of *Iskra's* influence, and its efforts to establish a centralized, all-nation underground organization to direct the fight against absolutism, gave rise to a series of disputes over the emphases to be laid in the "political" as against the "economic" struggle. In Georgia, as in other regions of the Empire, the disputes came into focus largely through a conflict over party organization: were the

leaders of the lower party organization to be democratically elected, or were they to be “coopted” by higher party organs to insure both the concentration on the political struggle and the degree of secrecy and centralization in its direction that were considered necessary by the advocates of *Iskra*'s line? Due to the democratic traditions that had become established in some of the Georgian working-class organizations, notably in Tiflis, the conflict over *Iskra*'s program turned inevitably into a struggle between intelligentsia and workers. Even so, the lines were not as clearly drawn in Georgia as in some other regions of the Empire: some of the Georgian workers, especially in the oil fields, rallied to the militant tactics, if not the organizational principles, favored by the *Iskra* camp, while many of the Social Democratic intelligentsia who had been associated with the propaganda activities of *Mesamedas* recoiled, more or less vocally, from these same tactics. The conflict, marked by some early victories for advocates of “cooptation,” was not finally resolved until the sweeping victory that carried the Georgian Mensheviks into control of Georgian party organizations in 1905. It is notable that the Mensheviks won this victory largely by stressing — with appropriate references to Lenin's *What Is To Be Done* — that the underlying issue in their conflict with the Bolsheviks was the latter's insistence on upholding in the Party organization the indefinite tutelage of a “conscious” intelligentsia elite over the supposedly “unconscious” masses of the working class. The Menshevik argument may have incorporated oversimplifications, but, as the Bolsheviks soon discovered to their chagrin, it proved enormously effective.

In contrast to these early conflicts between intelligentsia and workers, the difficulties which the Georgian Social Democrats had to surmount in their dealings with the peasantry were rooted in some of the tenets originally absorbed from Marxist doctrine. For example, in Zhordania's own writings of the late 1890's, with their emphasis on the superiority of city over countryside and on the leading role of the bourgeoisie and proletariat in the modernization of contemporary Georgian life, we can find a reflection of the jaundiced view, characteristic of orthodox Marxism, of the political and social “backwardness” of the peasantry and of the “idiocy” of rural life¹. Zhordania himself soon outgrew these early prejudices, and indeed he discerned the revolutionary potential of the peasant movement that had emerged in Georgia by 1905 immediately upon his return from Western Europe. Yet, despite their great personal prestige, he and Sylvester Dzhibladze ran

---

¹ For a particularly striking example of these early views, see Zhordania's article “Economic Prosperity and Nationality,” published in the journal *Moambe* in 1894. The article is reprinted in the selection of Zhordania's articles published in Georgian in 1911.

into considerable resistance in winning other Georgian Menshevik leaders over to the view that the peasants should be treated as legitimate partners of the workers in the organization and political councils of Georgian Social Democracy². What matters, however, is that despite its roots in Marxist orthodoxy, this opposition was eventually overcome, and as a result the Georgian Mensheviks won, from 1905 onward, the active support of the Georgian peasantry.

I have already referred to the pragmatic spirit that marked, from this point, the Georgian Social Democrats' handling of the agrarian question. Fully aware of the importance the Georgian peasants attached to the ownership of their land in full title, they generally omitted in their agrarian appeals any qualifications to the principle of peasant ownership, ignoring without a qualm the plank calling for "municipalization" of the land that had been adopted at the Stockholm Congress as official Menshevik doctrine. Such pragmatism distinguished the approach of the Georgian Mensheviks to the various tactical and organizational issues that so gravely beset, and divided, other groups in the RSDRP during the prewar years.

One of the striking features of Zhordania's memoirs, which may come as a surprise to many readers, is the severity of his indictment of the political judgment and stature of the Menshevik leadership in Russia and in the emigration. It is obviously difficult to assess to what extent the tone of these criticisms reflects attitudes that Zhordania had already come to entertain during the prewar period as against the antagonisms that emerged between Georgian and Russian Mensheviks only after the Revolution, as the result of the Georgian declaration of independence. What may be safely stated, however, is that even in the prewar years certain differences in political style, in approach to political problems, indeed in the very conception of the responsibilities of political leadership, had already developed between the Georgian and Russian Menshevik leaders. Surely these differences go far to explain the character, if not the sharpness of tone, of Zhordania's criticisms.

Most of the Russian Menshevik leaders during these years — including many of those who became involved in the effort to organize an open labor movement — were first and foremost ideologues, men whose approach to political problems was dictated largely by broad, abstracted, and relatively rigid conceptions of Russia's development. The long periods of exile many

---

² For further details on this point, see the memoirs of Gregory Uratadze published in this series.

of these men had to endure, and their ideological disputes with Bolshevik opponents after 1905, tended to accentuate these natural proclivities. By contrast, the Georgian Mensheviks, as the leaders of a national party in close contact with the mood of its constituents, developed during precisely these same years a far more down-to-earth approach to politics. They came to view political issues and choices largely in terms of their practical consequences, their eyes focusing on the advantages or circumstances of any particular course of action.

From the very outset, the Georgians manifested none of the reluctance that characterized the early response of the Russian Bolsheviks and even Mensheviks to the opportunity of participating in the new representative institutions. (Indeed, they were the only group in the RSDRP to endorse, in the summer of 1905, participation in the so-called Bulygin Duma despite the severe restrictions within which this institution was to operate under terms of the Imperial Rescript that announced this abortive project.) Broad visions of the "perspectives" of Russia's revolutionary development, not to speak of analogies with the history of Western Europe, carried little weight with the Georgian Social Democrats in reaching decisions on issues of this kind. They considered it obvious that they should participate in representative or even pseudo-representative institutions, not only because of the platform such institutions would provide for political agitation, but also because they saw it as their duty to promote, to represent wherever they could, the interests of their constituents, and by same token the interests of their party.

The examples I have offered of the practical spirit with which the Georgian Social Democrats approached political problems are not meant to suggest that they refrained from looking for guidance toward broad diagnoses of the political situation. They, too, sought periodically to peer into the future, but they did so with a psychological readiness to revise their judgments, and alter their course, when the winds they detected in the political atmosphere appeared to gather momentum or change direction.

Some examples from Zhordania's own political career may serve to illustrate this point. In 1908, at the height of the Stolypin "reaction" and the disintegration of the revolutionary movement, we find him calling on the Social Democrats to repudiate without qualification their earlier conception of "proletarian hegemony in the bourgeois revolution" now that the Russian bourgeoisie had clearly emerged as an independent political actor. This new political fact, Zhordania concluded, suggested not only that the Social Democrats should concentrate their efforts on the economic and political organization of the working class, but also that they should adjust

their political strategy and tactics to the proposition that the bourgeoisie would be the chief political actor in the making of its own revolution³.

At this point, Zhordania's tactical and organizational views seemed closely in accord with those of the Menshevik "Liquidators" in Russia. By 1914, however, with the apparently accelerating spread of revolutionary unrest among the masses of the Russian working class — against the background of a growing political crisis within and outside the Duma — we see Zhordania joining with Trotsky in criticizing the Menshevik "Liquidators" for the excessive moderation of their tactics, and for their failure to appreciate the revolutionary potential of the workers' movement⁴.

Even more strikingly, in the spring of 1917, Zhordania and the Menshevik leaders in Georgia would be among the first in the councils of the Menshevik party to oppose the experiment at coalition with the representatives of "bourgeois" parties and to demand the establishment of an "odnoradnoe sotsialisticheskoe pravitel'stvo" — a government in which the socialist parties would assume all the prerogatives and responsibilities of power. Only such a government, Zhordania would then insist, could carry out, in time, the decisive social and economic reforms — particularly on the land question — without which "Revolutionary Democracy" would inevitably lose the support of the masses of the working class and peasantry, and run into political catastrophe. These precepts, which Zhordania sought to apply in Georgia with the support of local Social Democratic organizations, brought him into conflict with the leaders of the Menshevik party in Russia, including his own compatriot, Irakli Tsereteli. It may be argued that the criticisms of Tsereteli offered in these memoirs, like Zhordania's indictment of the Russian Mensheviks, reflect in part antagonisms that fully emerged only after the October Revolution. The undeniable element of truth in this observation should not be allowed to obscure the significance of the differences that had already arisen between the two men during the decisive months of the spring and summer of 1917.

While these sketchy introductory remarks are no substitute for the close examination of other available sources that any serious student of the history of Georgian Social Democracy will have to make in checking the impressions he may draw from this volume, I hope they may suggest to the more casual reader some of the points of special interest that Zhordania's reminis-

---

³ See writings of that year entitled "Urgent Questions of the Day" in the collection of his articles published in 1911.

⁴ Cf. the articles published by Zhordania in *Bor'ba* in 1914, under the pseudonym An.

cences present, as well as the care that should be observed in interpreting them. To a greater or lesser degree, these cautions should be observed in the use of all the memoir materials that are being included in the Russian-language series of the Menshevik Project.

It should be noted, in this connection, that the ad hoc committee of American scholars who launched this project in the fall of 1959, in collaboration with representatives of the then already fast dwindling Menshevik emigre community in Western Europe and the United States, assigned themselves a twofold objective:

First, to assemble as systematically as possible all available data on the history of Menshevism, with particular emphasis on those aspects of the history that were likely to remain unrecorded unless an effort to study them was undertaken without delay.

Second, to give the survivors of the various political tendencies represented in Menshevism the opportunity to express their views about the course their party followed, especially during those periods of its history in which they had been most actively engaged.

It is hardly necessary to observe that the American scholars who were associated with the Project, and the institutions which came to their support, did not necessarily share many of the historical judgments that were rendered in the conduct of this second aspect of the Project's work. But they considered their formulation important for the Project's purpose of reconstructing the outlook and values of groups in Russian political and cultural life whose voices were so largely muffled in the aftermath of the October Revolution. It may well be recalled that the historiographies of the English and French revolutions have drawn much of their vitality not merely from the ready availability of a vast fund of source materials, but also from the persistent confrontation of the conflicting views which were represented in these two revolutions — views which, even as they underwent periodic transformations as they were passed by one generation to the next, became integral components of the English and French cultural traditions.

For the past six years the Menshevik Project has pursued the twofold objective I have discussed above. The fruits of its efforts have been:

1. The establishment at Columbia University of an archive on the history of Menshevism, in which the Project has deposited a collection of documents and publications of the Menshevik party, records of interviews with some of its survivors, and transcripts of seminar discussions in which were joined conflicting views about the aspects of the history of Menshevism treated in the Project's studies.

2. The preparation by survivors of the Menshevik party of works of a memoir or semi-memoir character. To date, seventeen of these works have been issued, in multilith form, and copies of them deposited in major libraries in the United States and Western Europe. Some of the lengthier and historically more important of the works in this category, such as these memoirs of Noah Zhordania, were reserved for publication in Russian in the Hoover Institution Foreign Language Publications Series.

3. A series of monographic, bibliographic, and documentary studies, some of which have been conducted by American scholars, others by the Project's Menshevik associates. A few of these studies are to appear in the foreign language series; others are being published in English jointly by the Hoover Institution and the University of Chicago Press.

I cannot close this summary of the activities of the Menshevik Project without acknowledging the generous assistance received since the Project's inception. This assistance has included an initial grant by the Ford Foundation, and subsequent support by the Rockefeller and Atran Foundations, the American Council of Learned Societies, and the Hoover Institution. Just as vital has been the aid and counsel so generously rendered by individual faculty members and programs of Russian studies at the Hoover Institution and at the Universities of California, Chicago, and Washington, as well as at Columbia and Harvard Universities, without which the Project could not have been conceived and started on its way.

LEOPOLD H. HAIMSON

МОЯ ЖИЗНЬ

ГЛАВА I

В поисках мировоззрения

Я родился в Ланчхутах, Озургетского уезда, Кутаисской губернии, 2 января 1868 года. Я совершенно не знал русского языка, когда поступил в Ланчхутскую школу. И в первый период моего ученичества как в этой школе, так и в Озургетском духовном училище (с 1877 по 1884 г.), у меня было только два руководства: грузинское «Деда ена» («Родное слово») и русское «Родное слово». Я слышал, что существует еще один учебник «Двери природы» («Бунебис кари»), но нигде его не видел и о содержании его ничего не знал.

Помню один раз в 1879 году на улице, около казармы грузинской милиции, вдруг слышу свое имя и вижу, что меня зовет мой родственник Кондратий Жордания (милиционер) и говорит: «Иди, иди сюда! Я дам тебе ‚Бунебис кари‘».

Я обрадовался, перескочил через забор, подбежал к нему и вижу: стоит перед ним большой поднос с вареной говядиной. Кондратий взял большой кусок, подал его мне со словами: «Вот тебе вместо ‚Бунебис кари‘». Я был очень огорчен, бросил на пол мясо и убежал.

Прошел еще год. Читаю внимательно «Родное слово» и боюсь, как бы со мною не случилась такая же беда, как с моим товарищем Хилашвили, которого исключили из училища, потому что он не мог выучить наизусть русского стихотворения под заглавием «Пчелки на разведках».

Такие трудности для нас объяснялись тем, что население Грузии совершенно не знало русского языка. Поэтому уроки на нем для детей были в высшей степени мучительными.

Однажды учитель русского языка заболел и вместо него пришел учитель-грузин. «Чтобы вас занять, — сказал он, — я вам

кое-что прочту из грузинской книги». Эта книга оказалась «Бундис кары». Мы слышали описание разных местностей Грузии и грузинские стихи! Когда он кончил и хотел уйти, я подбежал к нему и попросил одолжить мне эту книгу на несколько дней. Он согласился и я, обрадованный, побежал домой.

Я сейчас же начал ее читать. Она меня поразила; особенно меня заинтересовало объяснение естественных явлений: дождя, ветра, грома . . . Я не хотел верить тому, что читал; несколько раз перечитывал одно и то же. Я был убежден, что все эти явления происходят от Бога. Когда он хочет дождя, будет дождь, когда он желает хорошую погоду, будет хорошая погода. И вдруг, тут Бог ни при чем! Бога не видно, его заменяют силы природы . . . Я был раньше убежден, что гром — это бег коня святого Георгия по небу, а теперь выходит, что ни св. Георгий, ни его конь никакого отношения к этому не имеют. И тут я задал себе в первый раз вопрос: существует ли Бог, и где он?

С этого дня я почувствовал себя не в своей тарелке, и эти сомнения мучили меня и не давали покоя.

Один раз, из-за дождя, во время перемены мы остались в классе. Я встал и обратился к детям: «Слушайте меня, я вам скажу новость». Дети сразу прекратили шум, окружили меня, просили: «Скажи, скажи!». И у меня вдруг вырвалось: «Знаете ли вы одну вещь: Бога-то нет». Все, со всех сторон начали кричать: «Что ты сказал? Что ты сказал! Бог накажет тебя! Раскайся сейчас же!». Мне стало стыдно, я испугался Бога, но я скрыл это от детей и говорил самому себе: «Боже, прости меня, не наказывай меня за то, что я это взболтнул!». И несколько раз ударил себя кулаком по губам.

Но мое душевное беспокойство не кончилось этим инцидентом. Проклятые сомнения не покидали меня, и я продолжал интересоваться явлениями природы. Непременно хотел знать, существует ли Бог. В то же время ходил в церковь на все службы, был верным сыном церкви, соблюдал все посты и два раза в год причащался. Но мои сомнения точили меня и толкали мой ум на искание истины. С этого дня я видел, что оторвался от общепринятых понятий и как птенец упал из своего гнезда, остался один, ползал без дороги и без направления.

Я не мог ни к старому вернуться, ни найти новое, и с этим состоянием не так-то было легко свыкнуться. Я видел, что все знакомые и незнакомые люди живут и думают по одному шаблону, они друг от друга не отличаются ни привычками, ни моралью, ни мировоззрением. Посреди них я чувствовал себя чу-

жим и хотел бы стать одним из них, но из моего старания ничего не выходило; я не мог убежать от самого себя, не мог освободиться от своих сомнений. Озургеты¹⁾ меня не удовлетворяли, и в найденных мною книгах я не находил ответа на свои сомнения. Поэтому, как только я окончил духовное училище, объявил родителям, что хочу продолжать свое образование в Тифлисе.

Мать рассердилась: — «Как? Он у меня единственное дитя, и я его должна потерять!» Отец молчал, но видно было, что он не против моего желания, если только ему удастся покрыть расходы по семинарии и пансиону.

Я подослал к матери нашего священника Барамидзе, который умел подходить к людям. «Ваш сын будет священником, он будет молиться за Вас и спасет Вашу душу. Что же может быть лучше этого?» — говорил он ей. И этим разбил ее сопротивление.

А отец сказал наоборот: «Он, дворянин, и будет священником? . . . Это у нас неслыхано».

Отцу удалось продать участок земли за 80 рублей и мы поехали в Тифлис. Я поступил в семинарию и устроился в частной семье за десять рублей в месяц. Это было в 1884 году.

***

Однажды, когда я гулял по Тифлису, чтобы с ним ознакомиться, я натолкнулся на старые книги, которые продавались на улице. Подбежал к ним и вдруг заметил большую книгу под названием «Бог в природе». Автора не помню. Я ее берег и оставил в Ланчхутской домашней библиотеке.

Я прочел ее несколько раз с помощью словаря Чубинашвили и пришел к убеждению, что Бог — сама природа. Отдельно, как личность с белой бородой, сидящий на троне, он не существует.

Я успокоился и в таком настроении провел первый год в семинарии.

На второй год опять у меня начались сомнения: если хозяин природы — сама природа, то кто должен быть хозяином народа? Вообще же тогда думали, что хозяин народа — царь, а сам

---

¹⁾ Озургеты — уездный город бывшей Кутаисской губернии.

царь поставлен Богом. А если Бога нет, то кем, чьею властью, посажен царь на трон? Не мог я этого понять. Я почувствовал, что опять «падаю из гнезда». Я старался не думать и освободиться от своих сомнений.

Я читал все, что мне попадалось. В это время я познакомился с Захарием Чичинадзе²⁾ и он обещал мне одалживать книги. В самом деле, я нашел у него массу книг. Он спросил, какие книги меня интересуют. Я не мог ему этого объяснить, не мог открыть своих сомнений, но не мог их и скрыть; я рассказал ему в общем, что меня интересует, что беспокоит. Когда я уходил он дал мне два номера какого-то старого русского журнала, посоветовав не открывать их по дороге: «Как только прочтешь, верни мне их сейчас же».

Я не утерпел, открыл их по дороге домой и прочитал название — «Колокол»³⁾. Этот журнал рассеял все мои сомнения. Царь такой же выдуманый авторитет как и Бог, я их поставил на один уровень. Атеизм, как и республиканизм, стали в моем представлении близнецами.

У меня всегда было в характере, — как только я узнавал что-нибудь новое, я должен был этим поделиться с другими. Особенно любил я разговаривать на эту тему в деревне.

Помню, как один раз я приехал в деревню из Озургет, после того как прочел «Бунебис кари», и пошел на полянку перед нашим домом, где на горке (под названием «Горка дум») собирались все Жордания⁴⁾, споря о землях, и где останавливались все гуляющие и любящие поговорить. Я взошел на горку; понемногу вокруг меня собрались соседи и прохожие и стали беседовать на разные темы.

А я стал говорить им о явлениях природы и объяснять причины их. Молодежь этим не интересовалась, пожилые же слушали с большим вниманием.

Когда я кончил, один из них сказал: «Слава тебе, Господи! Как он распределил все свои дела; если бы он вмешивался во все мелочи, какой же он был бы Бог». И он продолжал говорить на эту тему. Теперь, когда я об этом вспоминаю, я нахожу, что это было гениальное решение вопроса: это было примирение Бога с законами природы. Это произвело на меня впечатление, но не настолько, чтобы рассеять мои сомнения.

---

²⁾ Бывший повар, ставший журналистом; либерал, демократ.

³⁾ Речь идет о герценовском «Колоколе» (1857—1867). [Ред.]

⁴⁾ В Ланчхутах было несколько семейств Жордания, родственников и однофамильцев Ноя Жордания. [Ред.]

***

Я познакомился с борьбой против царя и его правительства и хотел этот вопрос тоже поднять на «Горке». Но уже труднее было говорить об этом, чем о дожде и громае.

Один раз в газете «Иверия»⁵⁾ был напечатан фельетон об изобретении Эдиссоном электрической лампы, которой можно внезапно осветить целый сад. Как только я вернулся в Ланчхуты, я сейчас же рассказал об этом собравшимся на «Горке». Все были очень удивлены. Наконец, один воскликнул: «Слава тебе, Господи! Чего только не выдумает русский царь!» Я удивился: я совсем не упоминал ни о России, ни о царе, а говорил об Америке и об Эдиссоне...

Потом выяснилось, что народ считает все хорошее, что делается, — это благодаря русскому царю.

Эта вера в царя усилилась в связи со следующим обстоятельством: в 1886—1890 гг. управляющим государственными лесами был некий Кикодзе; этот чиновник объявил все леса спорными и потребовал передачи их государству. Началось несколько процессов. И в этом спорном деле крестьяне стали на сторону государства и дали согласие на решение Кикодзе. Вышло так, что гурийские крестьяне объединились с правительством против грузинских помещиков.

Агенты Кикодзе очень ловко распространяли слухи, что если правительство выиграет эти процессы, то леса перейдут в руки крестьян. Началась настоящая пропаганда за русского царя. И при наличии такой заинтересованности у населения никто не мог поднять голос против правительства.

Поэтому наши новые идеи были доступны только интеллигенции и учащейся молодежи. Я не мог выступать против царя и правительства на «Горке», так как у всех Жордания были споры на этой почве с крестьянами, и эти последние могли бы принять мои слова за защиту интересов родственников.

Если по русской литературе я знакомился с революционными идеями, то грузинская пробудила во мне национальные и патриотические стремления.

Я предлагал, что смогу говорить на эту тему на «Горке дум», но у завсегдаева «Горки» не было охоты вести разговор об этом.

---

⁵⁾ «Иверия» — грузинский журнал либерально-националистического направления. На страницах журнала «Квали», ставшим марксистским журналом под редакцией Н. Жордания, развернулась продолжительная дискуссия по национальному вопросу (см. главу III). [Ред.]

Только в стихах Акакия Церетели⁶⁾ чувствовалось, что Грузия должна быть свободна, стать независимым государством. Все остальные требования относились к ежедневным запросам жизни — грузинской школы, грузинской литературы, местного самоуправления и т. д.

В Гурии в те времена национальное движение не имело почвы. Все мечтали изучить русский язык и, окончив двухклассное училище, найти службу.

Грузинский язык считался домашним языком, служил для переписки с родными и друзьями; никто не мог зарабатывать на жизнь знанием этого языка; он не имел никакого значения в администрации. К тому же Грузия, расположенная на границах Турции, находилась под вечным страхом турецкого нападения и уничтожения. Поэтому все гурийцы были довольны защитой России, которая стояла на опасной границе. Недовольны были только князя Гуриели⁷⁾, власть которых заменила русская администрация.

Мои знакомые по Озургетам, которые лично знали князей Гуриели, говорили, что они мечтали о возвращении старых порядков при помощи ахалцыхских и ахалкалакских беков. Это было их личное желание, которое резко противоречило желаниям народа. Народ до сих пор страдал от ужасного обычая этих помещиков силой забирать юношей и девушек и отправлять их в Турцию через Чолоки⁸⁾. Особенно хорошо продавались девушки, и цены за них были высокие.

Я жил в семье, которая занималась продажей этих «пленных», и так как глава этой семьи был мой родственник, я не боялся попасть в положение таких пленных. Это происходило в 1876 году, и до объявления русско-турецкой войны было несколько случаев продажи молодежи через Чолоки.

Я был в страхе, как бы меня не схватили. Этот страх уменьшился после того, как вспыхнула русско-турецкая война, когда Озургеты были полны русских войск, и на границе начались военные действия.

Вспоминаю случай, который подтвердил участвовавший в этом деле милиционер Кондратий Жордания. После боев на Чолоки, русские войска вошли в Аджарию-Кобулеты. Отряд гурийской милиции во главе с Антоном Карцивадзе расквартировался в

---

⁶⁾ Знаменитый грузинский поэт и писатель (1840—1915).

⁷⁾ Прежние правители Гурии.

⁸⁾ Чолоки — река на границе Грузии и Турции.

Артвине⁹⁾). Антон получил приглашение от одной греческой семьи вместе с его маленькой частью. Гостей встретила молодая красивая хозяйка, которая устроила настоящий грузинский обед. Мужа хозяйки дома не было. Когда сели за стол, Антон внимательно смотрел на хозяйку, потом побледнел и в обмороке упал под стол. Товарищи его подняли, вынесли в другую комнату, думая, что он много выпил. Но хозяйка сразу же поняла в чем дело, зашла к нему и начала его утешать: «Я уже давно забыла прошлое. Видите, что Бог меня не обидел. Я так рада, что мне пришлось увидеть гурийцев».

Выяснилось, что эта дама, дочь гурийского крестьянина, была схвачена и продана как раз Антоном Карцивадзе. Когда Кондратий Жордания описывал детально эту сцену, у меня глаза наполнялись слезами, и я всегда повторял: «Какую прекрасную душу имеет грузинская женщина».

Гурийцы, выросшие в этой атмосфере, даже представить себе не могли свободную Грузию. Они не имели представления о единой грузинской нации. Грузия была для них «Картли»¹⁰⁾, а грузины — картлийцы, иногда кахетинцы.

Они всегда думали о защите от турок. Только русских чиновников они недолюбливали, потому что они с ними не могли объясняться и не имели к ним никакого доверия, но имели уважение к русским военным, офицерам и солдатам, а последних даже жалели. Сколько раз я видел гурийцев, стоящих у ворот и звавших: «руссо, руссо!» и дававших им продукты. Солдаты тоже очень вежливо обращались с населением, и я не слышал, чтобы между жителями и войсками были какие-нибудь недоразумения. Зато часто происходили столкновения населения с русской полицией.

Помню хорошо такой случай: у нас в Ланчхутах назначили русского пристава. На одном сходе пристав матерно обругал одного крестьянина по-русски. Толпа схватила пристава, стоявшего на балконе. Его избили до полусмерти. На этой почве поднялась целая буря. Приехал уездный начальник, вице-губернатор и судебный следователь; были посланы телеграммы, что в Ланчхутах начался бунт и т. д. Но все быстро уладилось: пристав перевели на другое место, все русские чиновники получили циркуляр с запрещением ругать грузин, а те, кто избил пристава,

---

⁹⁾ Артвин отдан Турции большевиками.

¹⁰⁾ От XV до XIX века другие народы иногда давали Грузии название «Сакартвело», включавшее только Карталинию и Кахетию.

никакого наказания не получили. Я думаю, это дело замяли в Тифлисе.

В общем я должен сказать, что у меня получилось такое впечатление от Гурии: народ не любил русских чиновников и их обычаи, но желал присутствия русских войск, питая к ним уважение.

Таким образом, подойти к народу с социальной, политической и национальной пропагандой было невозможно. Это очень меня угнетало, и летом, будучи принужден жить в деревне, я чувствовал себя чужим, как бы гостем, а в Тифлисе, наоборот, в атмосфере ученических кружков я имел возможность учиться и распространять свои идеи. Вначале я был членом одного такого нелегального кружка, а впоследствии я сам их организовывал и руководил ими.

Предметом наших занятий были социальные и политические вопросы. Доктрина народников стала моей доктриной, но я внес в нее маленькие изменения. Я зарылся в книги; семинарские учебники не давали мне никакого удовлетворения, а также и семинарская библиотека. Я любил историю, а казенный учебник Иловайского¹¹⁾ не давал никакого представления ни о России, ни о Европе. В семинарии изучали русскую литературу только до Пушкина, а что происходило потом, никто ничего не знал. О грузинской литературе — ни слова, за исключением проповедей епископа Габриеля, которые читал и объяснял учитель Тедо Жордания, и то на русском языке. Из библиотеки нам выдавали только учебные книги, остальные были запрещены. За чтение запрещенных книг семинаристы получали наказание, а я как раз все свое время отдавал чтению этих запрещенных книг. В выборе их я совершенно не признавал беллетристику; не любил книг, где была фантазия, читал только научные книги. Единственный роман, прочитанный мною, это «Что делать?» Чернышевского, и это только потому, что он был авторитетом в революционной среде, и потому, что в этой книге описывалась жизнь революционеров.

***

Такая односторонность моего образования объяснялась еще одним обстоятельством: это была реакция на фантастически-суеверную атмосферу, в которой я провел свое детство. Стоит оста-

---

¹¹⁾ Иловайский говорил только о войнах; имя Грузия им не упоминалось.

новиться на этом. Все ланчхутские жители и, наверное, все гурийцы имели тогда сказочное представление о мире; были убеждены, что мир населен невидимыми существами, которые постоянно находятся в борьбе с людьми и запутывают их пути. Кто же они? — Черти, колдуны, людоеды, ведьмы и прочие. С детьми боролись чертенята, а со взрослыми — все остальные.

Я думал все время о чертенятах и боялся их. Я не был никогда спокоен. Один мой товарищ, всегда игравший со мною, вдруг исчез. На мой вопрос, где он пропал, он ответил: «Моя мама послала меня на мельницу, было темно; как только я туда вошел, я услышал шум и крики. „Кто пришел?“ — закричал кто-то и схватил меня. И вдруг из всех углов мельницы выскочили чертенята и напали на меня. Я успел стать в угол, вынул нож, начал им размахивать и отбиваться от них. Язык у меня не повернулся, чтобы прочитать молитву, хотя мама мне говорила, чтобы я не забыл помолиться, потому что на мельнице всегда бывают чертенята. Потом прошло, я не помню, сколько времени. Мама стала беспокоиться и пришла за мною со свечою. Как только чертенята увидели свет, сразу исчезли. Потом молитвою меня привели в себя и поставили на ноги».

Как только услышал я этот рассказ, бросил игру, побежал к матери, рассказал ей все и просил ее не посылать меня на мельницу. «Да нет, детка, как пошлю я тебя одного на мельницу? Даже днем не пущу, — ответила она. — Эти проклятые чертенята любят мельницу и скрываются в жолобах и в колесах, хотя света они очень боятся».

Однажды мы, четыре мальчика, возвращались из Озургет в Ланчхуты домой. У нас была только одна лошадь, и мы по очереди садились на нее. Уже доехали до реки Натанеби, когда солнце зашло. Я и другой мальчик, мой родственник, чтобы сократить дорогу, пошли по полю, а двое продолжали ехать верхом по дороге. Дошли мы до речки и как только вступили на мост, услышали голос: «Не перейдете», — и кто-то прыгнул в воду. «Чертенята нам встретились», — закричали мы и с испугом побежали обратно. Встретили товарищей, которые были на лошади, рассказали им, и мы решили вернуться обратно в Озургеты. Идем все пешком, испуганные и задумчивые. Вдруг встречаем крестьянина с мотыгою на плече. «Куда вы идете? — спросил он. — Вы же шли к речке». Мы всё ему рассказали, и он нам ответил: «Вы правы, эти проклятые чертенята любят быть около этого места. Пойдемте со мною, я вас проведу через мост; я этим чертенятам мотыгою проломаю головы, если они посмеют на нас напасть». И мы пошли за ним, но с большим сердцебие-

нием от страха. Дошли до моста, но боялись идти дальше через него. Крестьянин так на нас рассердился, когда мы пятились назад, что чуть не ударил своею мотыгой. Как только мы перешли мост, мы бросились бежать, без остановки до самых Ланчхут.

После этого мать в продолжение двух недель водила меня к одной старухе, которая молитвами лечила меня от испуга.

В Ланчхутах прошел слух, что местная жительница Натлис Цеме садила на шакале. Это было несомненным признаком, что она ведьма. Устроили сход, и тридцать женщин и мужчин уверяли, что они собственными глазами видели, как она сидела на шакале; по приговору схода ее выслали из деревни. Все эти слухи распространял хитрый и умный крестьянин Иофан Болквадзе.

Прошло больше десяти лет, я приехал из Тифлиса в Ланчхуты. Как раз к отцу пришел этот Иофан и мой отец в моем присутствии спросил его по поводу этой старухи: «Это старое дело, но скажи, правда ли, что эта старуха сидела на шакале?» Иофан рассмеялся и ответил: «Нико¹²⁾), ты умный человек, как ты спрашиваешь меня о таких глупостях? Где ты слышал, чтобы человек мог сидеть на шакале? Эта женщина была моя соседка. Она мне надоела; все время меня проклинала, и я решил как-нибудь от нее отделаться. Один раз встал я очень рано, был туман, и вижу, что эта старуха идет по дороге; я начал ей кричать, что она сидит на шакале. Она испугалась и побежала от меня. И я все время кричу, что она сидит на шакале. Соседи вышли на шум и издали всем показалось, что она действительно скачет на шакале». Я, услышав этот рассказ, рассмеялся (как раз в это время я познакомился с явлениями массовых галлюцинаций), но десять лет тому назад я твердо верил вместе с народом в действительность этого события.

Я знал одного охотника, который жил в Ланчхутах и всегда из леса возвращался с добычей. В народе говорили: «Почему бы ему не возвращаться с добычей? Ему ведь покровительствует ведьма, царица леса. Кого ведьма полюбит, она собирает зверей и гонит к охотнику». А ведьмой должна быть женщина, потому что она ищет среди людей любовников.

Отец мне рассказывал, что он имел когда-то одного парнишку-крепостного, который всегда ночевал в отдельной сакле. Ночью там слышался крик и шум от бросаемых камней. Все

---

¹²⁾ Николай.

вставали и бежали к сакле, и видели дрожавшего от страха подростка и набросанные камни. На вопрос, что с ним случилось, он отвечал: «Что делать, барин? Преследует меня ведьма; если я не иду с ней, забрасывает меня камнями, но камни отскакивают так, что не пробивают стен». Такие явления повторялись несколько раз. Взяли парня к себе в дом и заставили лечь в соседней комнате. Он спал до утра и ночью ничего не случилось, а как только он возвращался в саклю, это опять повторялось. После отмены крепостного права он ушел от нас, и впоследствии женился. В один прекрасный день он пришел к нам в гости и сознался, что всю комедию с ведьмами устраивал он сам: собирал камни и ночью их бросал.

Вот в такой атмосфере я провел свое детство. То, что было реальностью, на меня впечатления не производило, а все фантастическое, неведомое меня волновало, сильно на меня действовало, и я эту фантастику принимал за реальность. Поэтому легко себе представить, как я был рад найти книги, где все это было описано и объяснено.

А до этого случайно я нашел книгу под названием «Караманяни». Прочитав ее, я был совершенно поражен: какие вещи происходят в мире, а я об этом не знал! Разыскивал я подобные фантастические книги, я в них верил и с удовольствием их читал. Только после того как я прочитал «Бунебис Кари», которая разрушила мою религиозную веру, а также веру в такие книги, я удивлялся самому себе, каким я был глупым, веря в эти сказки. Вот в таком настроении я приехал в Тифлис и начал подбирать строго реалистическую литературу. Естествоведение и социологическая история совершенно завладели мною. Через два-три года я окончательно выбрал для изучения социальные науки и оставил в стороне естественные. Но я варился в собственном соку, не имея возможности с кем-нибудь поделиться своими мыслями. Было только одно место, где я встречал публику, которая могла бы меня слушать, — это «Горка дум» в Ланчхутах. Но там-то меня останавливали большие затруднения: к народу невозможно было подойти с новыми идеями.

В 1889 году, Великим постом, ученикам семинарии — бурсакам надоело есть одну фасоль и они объявили забастовку, перестали ходить в классы на уроки и потребовали улучшения пищи. Я был приходящий, в семинарии не столовался и никаких общих интересов с бурсаками не имел. Но тут собрались мы трое — я, Т. Киквадзе и Ф. Махарадзе (впоследствии видный большевик) и решили придать забастовке семинаристов националь-

ный характер и предъявить следующие требования: введение в семинарии преподавания грузинского языка, истории Грузии и грузинской литературы. Бурсаки поддержали наши требования, нашу программу и началась борьба. Семинария была закрыта на неделю. Пока заместитель экзарха, епископ Александр, не дал обещания об удовлетворении наших требований, занятия не возобновились. Это была единственная борьба, которую я провел во время моего пребывания в семинарии...

Мы выпускали рукописный журнал «Свет», «Цветок». В первом номере была моя статья, а во втором Филипп Махарадзе выступил с критикой моей статьи. Но моя статья не была закончена, продолжение было во втором номере, рядом со статьей Махарадзе, что вызывало насмешки над Махарадзе. Я не помню содержания этих статей. Одним словом я стал народником, но идеи народников меня не вполне удовлетворяли. В России существовала община, а у нас частное владение; крестьяне были монархисты, мы не могли к ним подойти, и из этого тупика мы выхода не находили. Народники стремились к революции, но не демократической, а сразу к социалистической. Все переходные ступени были ими вычеркнуты. Это вызывало у меня сомнения. Введение социализма в невежественную массу — мне казалось сомнительным делом. Несмотря на это, я все же следовал по этому пути и никакого другого революционного направления или соответственной литературы я не находил и даже о них не слышал. У меня не было другого выбора: или идти по этому пути или стать священником.

Последнее было совершенно недопустимо: как может неверующий быть служителем Бога? Осталась первая дорога. Мать моя очень надеялась, что сын ее будет священником, будет служить обедни и спасет ее душу.

ГЛАВА II

Студенческие годы в Варшаве и политическая эмиграция

В 1890 году я окончил семинарию. Только немногие семинаристы занимались политикой. Среди них я был настроен бунтарски. Думал, что если устроить бунт в каком-нибудь городке или селении, то это пробудит народ. Но не находил подготовленной почвы.

В таком смутном настроении, сомневаясь в социальных доктринах, тактике и без надежды разрешить свои сомнения, я в 1891 году летом уехал в Варшаву, чтобы поступить в ветеринарный институт¹³). Меня совершенно не интересовала карьера ветеринара, и я туда поступил только потому, что туда принимали семинаристов, да еще только окончивших ее в числе первых. Я хотел воспользоваться случаем, чтобы получить высшее образование, к которому стремился.

По приезду в Варшаву я организовал две группы: для грузин по-грузински, а для грузин и русских — по-русски. Для первой я написал доклад «Что такое прогресс» (и передал его Петру Гелейшвили). Этот реферат написан под влиянием народников и там были выражены мысли, которые я усвоил, знакомясь с русским социализмом¹⁴). В 1892 году начался для меня перелом и в этой сфере. Русский кружок посещали только русские студенты, среди них был только один я — грузин. В этом кружке я познакомился с книгой Карла Каутского «Экономическое учение К. Маркса» в русском издании (1-й том). Она не про-

---

¹³) В то время грузинских семинаристов не принимали в русские университеты.

¹⁴) Очевидно, Жордания для своего доклада взял название у Н. Михайловского — «Что такое прогресс? Борьба за индивидуальность». Спб., 1883 г. [Ред.]

извела на меня впечатления и не рассеяла моих сомнений. После этой книги, один из членов этого кружка, Виткинд¹⁵⁾, принес книгу того же автора на немецком языке, где излагалась теория исторического материализма. Виткинд читал нам ее по-немецки и сразу же переводил по-русски. И с этого дня во мне произошла быстрая эволюция: со стула народников я пересел на стул марксистов. Я в первый раз увидел, что русский социализм — это настоящая утопия, что он реакционный. Если этот социализм будет проведен в жизнь, мы попадем в варварство. Осуществление европейского социализма — это задача промышленных рабочих. Доктрина европейского социализма требует большого образования.

В Тифлисе я знал, что рабочий является агентом революции, но в Тифлисе все считали (и я с ними) рабочими только куртанщиков¹⁶⁾. Однажды около Сионского собора я вошел в полуразрушенные сараи, где жили эти рабочие-айсоры. Мое намерение было поведи среди них революционную пропаганду. Увидел я полуголодных рабочих, которые не понимали ни русского, ни грузинского языка. Я вынужден был уйти из этого барака ни с чем. Теперь легко можно представить себе мое удивление, когда в Варшаве я узнал, что такое рабочий класс, его социальную доктрину и его историческую миссию.

Но, что еще я узнал в Варшаве, — это то, что в отсталых странах прежде всего необходима политическая революция, организация демократии и только после этого — индустриальное, экономическое развитие доведет нас до социальной революции. Эти теории вырвали у меня с корнем народнический социализм, который провозглашал: «прямо к социализму, долой политику». Эти новые познания совершенно убили во мне теорию русского социализма, которую я годами носил в своей душе. И мне стало ясно, почему интеллигенция не могла подойти к крестьянам, а рабочие могли бы сблизиться с ними, вдохнуть в них, навести их на новые мысли. Ознакомившись с теорией марксизма, я сра-

---

¹⁵⁾ Виткинд, Яков Мойсеевич (род. в 1872) — вместе с И. Пескиным-Сомовым и Ф. Махарадзе входил в первую русскую социал-демократическую группу в Варшаве. Он был принят в Варшавский университет в 1892 году, после его исключения из Московского университета за участие в демонстрации по поводу панахиды по Шелгунове. Через Виткинда держала связь с Варшавой виленская еврейская социал-демократическая организация в начале 90-х гг. (Т. Копельзон, Ю. О. Мартов-Цедербаум и др.). [Ред.]

¹⁶⁾ Куртани — носильщики, переносившие всякие тяжести на спине (например, пианино и т. п.).

зу начал искать и изучать подходящую литературу. Большое впечатление произвела на меня брошюра Плеханова — «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова» (1889 г.). Конечно, о всех этих открытиях я писал Игнатию Ингороква¹⁷⁾, Игнатию Ниношвили¹⁸⁾ и Сильве Джибладзе¹⁹⁾ и посылал им регулярно русскую нелегальную литературу.

Варшава произвела на меня большое впечатление и в национальном отношении. Как только поезд, в котором я ехал, приблизился к Варшаве, в вагон вошел кондуктор и начал проверять билеты. Рядом со мною сидел поляк и кондуктор попросил у него билет по-польски. Услышав это, сидевший сзади меня русский жандарм вскочил, подошел к кондуктору и составил протокол, так как последний говорил по-польски. Я ничего подобного у нас в Грузии не видел. Наши кондуктора-грузины всегда по-грузински обращались к грузинам. Приехав в Варшаву я устроился в одной польской семье. На второй день я пошел в город, вошел в один магазин, чтобы купить бумагу, ручку и перья. Говорю по-русски, но никто мне не отвечает; сказали только «но кописко», не понимаем. Я по-польски не говорил, в других магазинах получил тот же ответ. Вернулся домой и пожаловался на свою неудачу студенту-поляку. Он начал громко смеяться: «Идите со мною и вы увидите, что они лучше вас говорят по-русски». Повел я его в тот же магазин, откуда я вышел с пустыми руками. Мой спутник что-то сказал им по-польски; я догадался, что он им объяснил, что я грузин, и продавец начал со мною говорить на прекрасном русском языке; узнал я

---

¹⁷⁾ Беллетрист из народной жизни. Один из основателей партии с.-д.

¹⁸⁾ Ниношвили, Игнатий (1859-1894) — грузинский писатель-беллетрист; в своих произведениях, главным образом, изображал быт крестьян Западной Грузии, их конфликты с помещиками и чиновниками и процесс расслоения деревни под влиянием города. Был одним из организаторов первой социал-демократической организации в Грузии, которая получила название «Месаме-даси». У его могилы Сильвестр Джибладзе произнес знаменитую речь, которая была первым публичным программным выступлением «Месаме-даси». [Ред.]

¹⁹⁾ Джибладзе, Сильвестр — один из основателей первой грузинской с.-д. группы. «Месаме-даси» в 90-х гг. После Второго съезда РСДРП один из руководителей меньшевистской партии в Грузии. В период после первой русской революции проповедывал концентрирование работы социал-демократии в открытых легальных организациях и поддерживал аксельродовскую идею Рабочего съезда. В годы независимости Грузии — депутат парламента и Учредительного собрания в Грузии. Был много раз арестован при царизме. Большевистская власть арестовала его и освободила больного перед смертью в 1922 году. Он умер 17 февраля 1922 г. [Ред.]

от них, что если они будут говорить по-русски, то потеряют свою польскую клиентуру; и что существует широкая нелегальная организация, которая ведет пассивную борьбу против России и русских, поэтому Варшава осталась и по внешности и духовно настоящим польским городом. Возможность такой национальной организации была для меня настоящей новостью.

Конечно, я сразу начал изучать национальный польский вопрос. Но по-польски я не говорил, а русской литературы по этому вопросу не существовало. Обратился я к студентам полякам, чтобы они меня ознакомили, как в настоящий момент обстоит национальный вопрос. Через три месяца занятий с ними выяснилось для меня, что вопрос о независимости Польши после восстания 1863 года совершенно снят, и борьба на этой почве прекратилась. Его место заняло требование польской автономии, как со стороны буржуазных партий, так и соц.-демократической.

Борьба велась на культурном фронте: выставлялись требования — полноправия польского языка, польских школ и польской администрации — словом все, что давала автономия.

Это положение напоминало наше собственное: у нас все писали и пропагандировали необходимость грузинского языка и грузинских школ; для этого у нас не существовало специальных организаций, подобно польским; общее было только одно: ни поляки, ни грузины не требовали независимости, но зато варшавские студенты-грузины выставляли идею независимости; для них это было легче, так как это требование носило только платонический характер. Вокруг них не существовало никакой общественной организации, и широкие массы не принимали в этом участия. Здесь же нужно указать, что только одна польская партия ставила вопрос о польской независимости — это была Польская социалистическая партия (ППС), но основание этой партии произошло в 1893 году за границей, после моего отъезда из Варшавы, и на нас она не могла иметь никакого влияния. По болезни я вынужден был вернуться на родину в августе 1892 года.

Польские националисты и социалисты думали получить автономию, если в России будет перемена режима. Русское либеральное правительство даст им автономию. Буржуазия думала, что она этого добьется в оппозиции вместе с русскими либералами против русского правительства, а социалисты стремились достигнуть ее в объединении с русскими революционерами. Такая

тактика была приемлема для такого маленького народа, как грузины. Одни грузины ни в коем случае не могли вести борьбу против такого колосса, как Россия; для нас необходимо было найти союзников в борьбе, чтобы не быть изолированными.

***

Когда я попал, после приезда из Варшавы, на «Горку дум» в Ланчхутах, я поделился некоторыми моими мыслями с крестьянами, но они меня не понимали и не сочувствовали. Сельчане оставались глухими к этим вопросам, в них еще господствовал культ прощений к властям и тяжбы за свои земли.

Учащаяся же молодежь меня встретила с энтузиазмом, но ее было не больше 7-8 человек.

К сожалению, непонимание и несочувствие этим взглядам проявилось на первой партийной конференции в Квирилах в декабре 1892 года, где восторжествовали народнические идеи.

Народники говорили: — «по-вашему, сначала надо дать образование рабочим и они потом познакомят с этими идеями крестьян, после этого они объединятся и устроят революцию. Но это длинная дорога, а мы горим нетерпением...» Вопрос как будто был решен, но я присоединился к Сильвестру Джигладзе и Игнатию Ниношвили, чтобы устроить снова конференцию. Начали готовиться к ней и писать доклады.

Мой доклад был напечатан и известен всем. Скажу только одно: в нем были поставлены два главных вопроса: национальный и тактический. Я должен был найти такую ось, которая перевернула бы старое общество. Пионерами этой тактики и кадром для осуществления этих идей я считал рабочих, но только их я должен был найти в нашей среде, в нашем обществе.

Что касается национального вопроса, то я и сам не могу объяснить, каким образом он стал перед мною. В книгах о нем я не читал; социалисты не выставляли его в своих программах; напротив, русские и поляки боролись против его постановки; а с европейской литературой я не был знаком.

Спустя два месяца поляки (ППС) устроили в Европе конференцию, на которой была принята резолюция о независимости Польши. Они не разделяли идеи о свободе всех наций, они довольствовались требованием польской независимости. А в своем докладе я выдвигал идею о свободе всех наций. В нем не было сказано конкретно о независимости Грузии, это вытекало само собою. Идея о свободе наций была одним из принципов демокра-

тии: если личность человека свободна, то и нация должна самоуправляться и иметь свое государство. И мы окончательно отошли от русских народников и от разных русских социалистических школ. Так в феврале 1893 г. на конференции в Тифлисе социалистические идеи приняли национальный характер. Это были идеи социалистов-интеллигентов, которые еще не были поняты ни рабочими, ни крестьянами, и с этой-то программой мы должны были подойти к крестьянской и рабочей массе и соединить их требования с этой программой.

Впоследствии, такая тактика дала свои плоды. Но в это время все мои товарищи, грузины и не-грузины, были арестованы. В Варшаве ожидали, что и я вместе с ними буду арестован, так как я переписывался с варшавскими социалистами. И надо было избежать как-нибудь этого ареста. В мае я уехал из Батума за границу. Таково было решение нашего кружка (Сильвы Джигладзе, Игнатия Ниношвили, Карло Чхеидзе²⁰), Исидора Рамишвили²¹), Арсена Цитладзе).

Через два месяца после моего отъезда из Ланчхут в Батум, а оттуда за границу, был получен приказ о моем аресте. Я успел вовремя скрыться и стал эмигрантом, хотя имел законный паспорт.

На второй же день по приезде в Женеву я попал на русское собрание. Я очень удивился, что все ораторы были народниками и все присутствующие им бурно аплодировали. Я не вытерпел и взял слово, высказал свое мнение и мне тоже аплодировали.

---

²⁰) Чхеидзе, Николай («Карло») — один из основателей с.-д. группы «Месаме-даси» в 90-х гг. После Второго съезда РСДРП один из руководителей меньшевистской партии. Депутат в 3-ю и 4-ю Государственные думы, избранный Тифлисской городской курией. В 1917 году первый председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, потом председатель Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов. По возвращении в Грузию после октябрьского переворота избирается председателем Закавказского Сейма. После объявления Независимой Грузии председатель Грузинского Учредительного собрания. В 1921 году, после завоевания Грузии большевиками, эмигрировал во Францию. Покончил жизнь самоубийством в 1926 году в Левиле (около Парижа). [Ред.]

²¹) Рамишвили, Исидор — бывший народник в 80-х гг., примкнул к социал-демократам в 90-х годах. Один из основателей социал-демократического движения в Батуме, где он организовал первые вечерние курсы для рабочих. Через эти курсы прошли многие будущие руководители Батумского рабочего движения. Депутат, член с.-д. фракции 1-й Государственной думы. В периоде независимости Грузии — депутат в Грузинском Учредительном собрании. Арестован после завоевания Грузии большевиками. Умер в ссылке. [Ред.]

После моего выступления, распространился в Женеве слух, что приехал какой-то марксист. На одном собрании подошел ко мне один из присутствовавших и спросил, кто я такой и сказал, что он тоже марксист по фамилии Блюменфельд²²).

На мой вопрос, сколько здесь марксистов, он ответил — пять человек, среди них Плеханов.

Я познакомился с Плехановым, с Верой Засулич, с Львом Дейчем, с Гуковским и с одним или двумя бундовцами²³). Только они были в Женеве марксисты, а народники насчитывались сотнями.

Начал я изучать литературу марксизма. Но главное, что меня интересовало, это политическая и социальная жизнь Европы.

Еще будучи в третьем классе семинарии я мечтал попасть в Европу. С этой целью я поступил в хор Агниашвили, участвовал в первом грузинском концерте в Казенном театре в 1887 году. Агниашвили обещал нам, если дела хора пойдут успешно, устроить концертное турне по Европе. Увы! Первый концерт кончился крахом, грузинскому обществу он не понравился. На нем присутствовала только интеллигенция, а на галерке — кинто, которые кричали: «Что за песни вы поете? Мы споем лучше вас».

Второй концерт не состоялся, но я получил тогда понятие о французском языке, уроки которого нам давал А. Мирианашвили. Изучение этого языка я не бросил и продолжал им заниматься сам.

Когда я приехал в Швейцарию, прежде всего я обратил внимание на то, как живет народ, особенно, крестьяне. Буржуазия меня не интересовала, так как этого класса у нас почти не существовало, а в Швейцарии не было дворянства, зато и здесь и у нас были крестьяне и рабочие. Вот эти два класса завладели моим вниманием.

О положении и влиянии рабочего класса я был очень хорошо знаком по марксистской литературе, а в ней говорилось, что крестьян ждет пролетаризация. Эта перспектива не удовлетворяла меня и я говорил себе, что капитал не так-то легко победит швейцарских крестьян. Об этом я писал в журнале «Квали» и теперь не буду повторять своих доводов.

---

²²) Блюменфельд — активный деятель группы «Освобождение труда». Главным образом занимался техникой издательства группы «О. т.». [Ред.]

²³) В то время Бунд еще не был основан. Повидимому речь идет об Иогихесе (Тышко) — представителе Виленской социал-демократической группы, который в то время жил в Женеве. [Ред.]

В 1895 году я поехал в Париж. Хотел обогатить здесь те знания, которые я получил в швейцарском университете; предо мною был выбор — Сорбонна или работа в Национальной библиотеке. Я выбрал последнюю, где с утра до вечера занимался три месяца. Тогдашний Париж был совершенно не похож на теперешний. В нем была настоящая красивая панорама; для передвижения существовали только фаэтоны и конка на лошадях. Двигались медленно; масса народу ходила пешком. Улицы были переполнены, на бульварах — океан людей. Я тоже каждое утро с бульвара Сан Мишель ходил пешком в Национальную библиотеку и вечером так же пешком возвращался домой. Конка тоже была хорошим способом ознакомления с городом: вы поднимались на второй этаж ее и за 15 сантимов объезжали весь город.

Во время моего пребывания в Париже я встречался с Жюлем Гедом, Полем Лафаргом и другими французскими социалистами. Большое впечатление произвел на меня Лафарг. Он любил говорить на социальные темы. Мы гуляли после обеда в окрестностях его деревни. Он всегда подробно отвечал на мои вопросы. Я провел с ним четыре-пять воскресных дней и многому от него научился.

Ознакомился я в Париже с программами разных социалистических партий и групп, но нигде не нашел ответа по национальному и крестьянскому вопросам. Здесь не выдвигали их. Нация была свободна. Вопрос шел только об Эльзас-Лотарингии, а крестьянин имел свою собственность и считался маленьким буржуем. Для меня стало ясно, что наше общество очень отличалось от швейцарско-французского. Между ними не было ничего общего, кроме одного: у нас и у них был рабочий класс, но его состав, происхождение совершенно отличались от нашего, и его отношение к другим классам было другое.

Здесь рабочий был настоящий пролетарий, никакого имущества он не имел, жил только заработной платой. Наш рабочий имел маленький клочек земли в деревне: во время безработицы возвращался домой и имел кусок хлеба. Социальная структура Европы очень отличалась от социальной структуры Грузии. Было бы опасно для меня, если бы революционная идеология Европы оказала на меня влияние, которое могло бы повредить моим личным взглядам на задачи революции.

Я прожил в Париже четыре месяца, вернулся в Швейцарию и оттуда поехал в Германию. Здесь была родина марксизма. Здесь жили лучшие его идеологи и для пополнения образования мне необходимо было здесь жить и учиться. Я поселился в Штутгарте по двум соображениям: здесь жил Карл Каутский и здесь

я не встречал ни грузин, ни русских, встречи с которыми помешали бы мне в изучении немецкого языка. Мои соображения оправдались: вскоре я познакомился с Карлом Каутским. Он хорошо говорил по-французски; по воскресеньям мы гуляли вместе в Тагельрахском лесу, с нами часто бывал Гельфанд (Парвус), и мы вели разговоры душевные, откровенные. Каутский произвел на меня огромное впечатление своею простотою, ясностью мысли и большой эрудицией. От него я научился многому; часто бывал у него в семье.

Меня все-таки интересовала немецкая деревня и ее жители, и летом я путешествовал по провинции. О своих впечатлениях я в свое время писал в «Квали» и здесь не буду повторяться. В общем, не скажу, что немецкая сельская жизнь отличалась от швейцарской и французской, и я окончательно убедился в однообразии европейской социальной жизни. Немецкий крестьянин — тот же маленький буржуа, как и остальные. И в Германии о крестьянском вопросе в социалистической прессе не писалось. Крестьянские требования не были видны, нигде социалисты их не выставляли, и крестьяне находились под влиянием аграрных партий. Моей целью было также познакомиться с не-марксистской политической экономией и поэтому я уехал в Мюнхен и с большим вниманием слушал профессора Brentano и подробно записывал его лекции; у меня набралось несколько тетрадей, которые я оставил в своей библиотеке в Ланчхутах. Из этих лекций я очень многому научился, но ни принципам, ни идеологии; идеи Brentano не имели ни либерального, ни социалистического направления, а, наоборот, были элитарные, кабинетные, — по тогдашней моде среди немецких профессоров. Эти идеи совсем не подходили к моим, которые совершенно отрицали государство царя Николая. Фундаментом моих идей было свободное общество и свобода его творчества.

***

В это время, в 1896 году, в журнале Каутского «Нейе цейт» началась полемика между польской социал-демократической партией (СДКПиЛ) и партией ППС. Первая отрицала независимость Польши и довольствовалась автономией, а вторая отрицала автономию, как утопию, и требовала независимость. В конце концов, в этой полемике принял участие сам Каутский и стал решительно на позицию ППС. Его аргументация, как мне помнится, была такова: автономия есть административное требова-

ние, а не политическое, и она не может разрешить национального вопроса. Нация, как единица, существует; когда она объединяется национальной психологией, тогда ставится вопрос о ее существовании как государства, как политически самоуправляющейся единицы, и форма этой единицы может быть только одна — государство.

Статья произвела на меня большое впечатление; я убедился, что марксизм вовсе не отрицает существования национального вопроса и борьбу за свободу наций.

Из Мюнхена я переехал в Берлин, где в продолжение года слушал профессоров Вагнера, Шмоллера, Зибеля. Среди них больше всего я почерпнул познаний у Шмоллера.

В это время я получил от отца следующее известие: «Пристав объявил мне, что дело моего сына прекращено по случаю восшествия на престол Николая II, и он может свободно вернуться домой». Это меня очень обрадовало. Я страшно соскучился по дому и решил вернуться в Грузию, но считал недопустимым уехать, не побывав в Англии. И в 1897 году, в марте, я поехал в Лондон, будучи уже уверен в одном: грузинский народ не мог получить удовлетворения только от политики — она давала ему много полезного, но ему важнее всего была культура. Грузины воспитались под влиянием турецко-персидским, а потом русским, хотя Грузия имела свои оригинальные традиции, которые она упорно защищала. Но она не имела представления о европейской культуре, которую мы хотели перенести к себе. Так как во время моего пребывания в Европе, в 1893-1897 гг., не было ни одного грузина, который описал бы ее, познакомил бы с нею, я взял на себя эту обязанность и по возможности служил этому делу.

Лондон произвел на меня большое впечатление; английская жизнь так отличалась от континентальной, что я решил поделиться своими впечатлениями с грузинским обществом. Половина этих статей была напечатана в Грузии, а другую половину я повез с собою домой, а там не имел времени перечитать и переписать ее, и так она и попала в руки жандармерии.

В Лондоне В. Черкезишвили поселил меня у одного фотографа, по фамилии Вильсон, который очень любил говорить и спорить о политике. Это принесло мне большую пользу — я очень хорошо понимал и читал по-английски. Потом я переехал в Сити, чтобы заниматься в Британском Музее, и специально знакомился со старыми грузинскими книгами и со старыми английскими источниками о Грузии. Никогда не забуду двух больших томов под заглавием «Путешествие в Туркестан в 15-ом

веке», где говорилось о Грузии. Я делал выписки из этой книги, но и эти мои тетради также попали в руки жандармерии, и мне их не возвратили.

Летом я уехал в деревню близ Ридинга. Фактически в Англии деревень не существует, есть только разбросанные фермы, хозяева которых сдают их в аренду. Эти фермеры в действительности маленькие капиталисты, а не крестьяне. Я жил как раз в семье такого фермера, быт которого не отличался ни обычаями, ни столом от моего лондонского пансиона. Английские селения совсем не похожи на европейские, а особенно на наши. Здесь нет крестьянства, есть землевладельцы (аристократы), фермеры и сельские рабочие — пролетарии; а социальный строй еще более отличается от нашего чем на континенте.

В Европе я провел четыре с половиной года и почти никакого отношения не имел к русским эмигрантам. Все они были народниками, и я ими не интересовался. Хотел идти своим путем и своими усилиями и размышлениями понять и проникнуть в социальный строй Европы и ближе ознакомиться с ее жизнью. Русские же не изучали ее и даже не интересовались ею и не верили в нее. Для них русский мужик стоял гораздо выше европейского рабочего и буржуа. Грузин было очень мало в Европе, и все они были разбросаны. Среди них не было ни одного, который разделял бы мои мнения. Я был одинок в сложных условиях европейской жизни, все время думая, какое имеет она отношение к нашей жизни.

ГЛАВА III

Возвращение на родину. Газета «Квали». Первый арест и побег за границу

Из Англии я прямо уехал в Грузию, куда прибыл в октябре 1897 года. Ознакомился с положением партии и нашел всех на своих местах, кроме бедного Игнатия Ниношвили, неожиданная смерть которого очень подействовала на меня. Ко мне пришел его дядя, его воспитатель, и мы долго вместе плакали.

У меня у Ланчхутах устраивались собрания товарищей и мы разрабатывали планы партийной работы. Положение было таково: в кругах «Иверии» ничего не переменилось, у них стояли те же культурные требования: распространение образования, грузинский театр, грузинская школа. Только культурные задачи, остальное — социальные, политические и национальные вопросы — их не интересовало.

В кругах «Квали» была совершенная неразбериха. В газете писали все, кто не находил места в «Иверии», но всё же они выражали более прогрессивные мысли. А в нашей среде я нашел большую перемену: марксисты проникли в рабочую среду; организовали там кружки, где объясняли социальные и политические вопросы, но здесь виден был узко-сектанский подход, отрицание всякой легальной работы. Марксисты довольствовались только нелегальной пропагандой, поэтому они противились участию в «Квали», где они могли бы выступать открыто перед общественным мнением.

Руководителями этой линии были новые социал-демократы: Васо Цабадзе, Посталевский, Кецховели и другие, а старые социал-демократы (в возрасте 29-30 лет), мои сверстники, больше поддерживали легальную работу.

Но, главное, дело все-таки шло вперед: началось пробуждение рабочего класса, росла организация и политическая подго-

товка. Это были железнодорожники, среди которых прежде всего основались кружки, где подготовлялись первые революционные кадры: организаторы и пропагандисты. Вслед за ними шли типографские рабочие, а потом уже все остальные. Большое впечатление на рабочих производили доктрины Маркса, особенно теория прибавочной стоимости. Один рабочий-гуриец с удивлением говорил мне: «Вот я так и состарился, все время думая, что хозяин меня кормит, а теперь я узнал, что я кормлю хозяина». Это был переворот в мышлении рабочих и неудивительно, что вся рабочая масса примкнула к марксизму.

Передовые рабочие-пропагандисты были довольны, что их пропаганда вызывает такой интерес среди рабочей массы. Эта первая стадия проповеди марксизма имела характер экономический. Говорилось исключительно о заработной плате. Все остальные вопросы были исключены, движению не доставало социалистической идеологии, и политическая борьба была заслонена таким методом работы. Мы, старые социал-демократы, принимавшие участие в нашей первой конференции в Квирилах, решили придать рабочему движению более широкий характер.

У меня в Ланчхутах я сделал доклад, как этот вопрос стоит в Европе и какую форму мы должны придать нашему рабочему движению. По всем вопросам собравшиеся были согласны со мной, кроме одного: в необходимости выдвижения национального вопроса. Разногласия были так глубоки, что мы решили созвать в Тифлисе более многочисленное собрание членов нашей организации на квартире М. Дарчияшвили, где жил его брат Ладдо, наш товарищ. Это было в ноябре. Со всех сторон, где только шла социал-демократическая работа, приехали товарищи: из Батума — Б. Мелия, Лузин и Карл Чхеидзе; из Кутаиса — Самсон Киладзе; от Тифлиса было до десяти человек, во главе с Сильвестром Джибладзе.

Прежде всего, приняли решение — противоположное подпольным — о необходимости к нелегальной работе прибавить легальную. Я принял на себя редакторство «Квали», а с этой целью мы уже начали переговоры с Анастасией Церетели — официальным, а также с фактическим редактором «Квали» — Георгием Церетели, ее мужем. Потом перешли к обсуждению характера журнала и его направления. Большие и резкие дебаты вызвал национальный вопрос; батумские делегаты требовали совершенно снять этот вопрос, тифлисские стояли на той же точке зрения, и никто не разделял моего мнения. Я остался в одиночестве.

«Наша тактика, — говорили они, — требует выдвигать такие вопросы, которые вызовут раскол между рабочими и господствующим классом, а национальный вопрос прокладывает мост между ними и этим ослабит рабочее движение. Мы должны довольствоваться тем, если сумеем, чтобы экономические требования перевести на политическую почву. Это наша главная задача; для грузинского народа еще непонятны национальные требования. Националисты выставляют этот вопрос, но далеко идти не смеют, потому что освобождение Грузии от России означает в глазах народа оказаться пленниками турок и персов. Такими лозунгами мы проиграем нашу борьбу, народ повернется к нам спиной и отвернется также от политических и социальных вопросов». Были выражены и такие соображения: «Дело социалистов касаться только социальных, а не национальных вопросов». Эти доводы защищали батумские делегаты и все русские делегаты во главе с Лузиным.

Собрание прервалось на несколько минут и я пошел к Георгию Церетели для переговоров относительно «Квали». Дебаты продолжались без меня. Когда я вернулся, Сильва Джибладзе взял слово и объявил постановление собрания: «Редактором 'Квали' избран Ной Жордания. Мы объявляем ему доверие во всех вопросах. Надеемся, что он примет во внимание все здесь высказанные мнения и будет действовать по этой линии». Соповещение было объявлено законченным.

В обществе распространились слухи, что «Квали» переходит в наши руки. Однажды ко мне пришел Александр Кипшидзе и передал, что Илья Чавчавадзе желает меня видеть и завтра ждет у себя на дому. Я очень удивился, никому об этом не сказал и пошел к нему. Он принял меня в своем рабочем кабинете; познакомился я с ним и сел. Он сказал: «Я вас беспокоил для того, чтобы предложить вам место ответственного редактора 'Иверии' со всеми правами. Но когда между нами будут большие разногласия, наши оба мнения должны быть напечатаны». Это предложение было для меня совершенно неожиданным и я сразу же решил отказаться. Из разговора выяснилось, что Ласхвиши, Кита Абашидзе и И. Накашидзе хотели взять редакторство газеты, но Илья Чавчавадзе не хотел им поручить свою газету, зная их убеждения. «А если вы возьметесь редактировать мою газету, я готов вам передать ее», — сказал он мне. На другой день я пошел к Илье Чавчавадзе и отказался, указав на причины отказа.

Он мне ответил: «Это ваше дело, надеюсь мы друг другу не помешаем». Я понял это так, что мы не будем друг на друга на-

падать и дал ему в этом обещание. Слово свое я сдержал. Для этого достаточно только посмотреть «Квали» за ноябрь 1898 года, чтобы убедиться, что не эта газета стала выступать первой против «Иверии».

***

Таким образом «Квали» с 1 января 1898 года стал первым легальным органом грузинских марксистов. Это был в то же время пример и для Российской империи: нигде социалисты не имели легального органа²⁴).

На Новый год я приехал в Ланчхуты и пошел на «Горку дум», начал говорить о национальном вопросе с собравшимися соседями. Все слушали меня очень внимательно и когда я поставил вопрос о независимости Грузии, один крестьянин дерзко возразил: «Мы не можем опять вернуться к продаже нашей молодежи». У меня язык не повернулся возражать, я не знал, что ему ответить. Я убедился, что независимость Грузии означала для крестьян возврат к старому времени. Вошел я в дом и сказал себе: «Товарищи правы, этот плод для них еще не созрел, надо разбудить народ на другой почве», и с таким решением я вернулся в Тифлис.

Значит, европейский социализм у наших рабочих принял чисто экономический характер и надо было вывести их на другую широкую дорогу и эту задачу должен был взять на себя «Квали», но прежде всего этот орган должен был завоевать доверие масс. Георгий Церетели целиком передал мне редакторство и совсем не вмешивался в дела. Если он что-нибудь писал, то передавал мне для ознакомления и разрешения печатать. Раньше я его не знал. Он оказался замечательным человеком, о себе лично совсем не думал и все свое приносил в жертву народу. Часто он говорил со мною об одном и том же: «Как ты знаешь, я не марксист, но я вижу, что можно пробудить народ этим путем, и я с вами». Никогда никаких недоразумений у меня с ним не было. Каждую субботу он приходил в редакцию, прочитывал весь номер («Квали» была еженедельной газетой) и восклицал: «Очень хороший номер!». Уже первые номера «Квали» нашли

---

²⁴) Это не совсем точно. В России уже существовали первые легальные марксистские журналы: «Новое слово» (1897 г.) и «Самарский вестник» (1895 г.) [Ред.]

широкое распространение среди железнодорожников и вызывали всеобщее сочувствие.

«Подполисты»²⁵⁾ начали беспокоиться: они в направлении «Квали» видели «разврат движения», стали бороться против «легализма» и хотели нас объявить «оппортунистами». Но их пропаганда против нас не дала результата: нелегальная работа и легальная являлись дополнением одна другой; наоборот, этому пониманию и торжеству этого метода способствовало то, что во главе тифлисской организации стоял Сильва Джибладзе, человек большого размаха, хороший оратор, и исключительный организатор. Вместе с ним были Власа Мгеладзе, М. Чодришвили, Чхедидзе, Окуашвили, в общем — все развитые и деловые рабочие. Среди руководителей был только один интеллигент — Сильва Джибладзе, а остальные были рабочие. Пропагандисты были исключительно интеллигенты и среди них была склонность к сектантскому пониманию марксизма. Я в нелегальных кружках и организациях не принимал участия, чтобы не скомпрометировать свое легальное положение, но главари организации каждый день приходили ко мне с докладами и спрашивали совета. Сильва ежедневно встречался со мною, или у меня на дому, или в Александровском саду, или в Агрономическом обществе, где он служил.

Работа партийная расширялась. Кружки и ячейки размножались и решено было организовать нелегальное празднование первого мая за городом. Мне было поручено написать первомайскую прокламацию и ее набрал Власа Мгеладзе²⁶⁾. Прокламация переходила из рук в руки. Все прошло так, что полиция ничего не узнала.

«Квали» печатались с разрешения цензуры. Мы всё печатали свободно, кроме прямых призывов к массам. Этому были две причины. Одна — та, что Цензурный комитет имел специальный циркуляр из Петербурга, с указанием обратить главное внимание на национальную пропаганду. Жертвами цензоров особенно становились поэты, а наша пропаганда носила характер экономический, социальный, исторический и цензура не обращала на это особого внимания. Второе, — цензором был молодой человек, приличного, любезного характера, настроенный либерально, Георгий Журули²⁷⁾. О марксизме он не имел никакого поня-

---

²⁵⁾ Социалисты, признававшие только нелегальную работу.

²⁶⁾ Рабочий-типограф, поэт, оратор.

²⁷⁾ В период независимости Грузии он был министром финансов в правительстве Ноя Жордания.

тия и не выходил из рамок циркуляра. Один раз он пожаловался: — «У меня из-за вас прибавилась работа — я должен изучать марксизм». Конечно, он ничего не изучил; так и продолжал исполнять циркуляр о цензуре.

Однажды у меня с ним вышло большое недоразумение: он не пропустил мою передовую. Я пожаловался в Цензурный комитет. Председатель его, Хакель, созвал собрание всех цензоров и пригласил меня; я дал им объяснение статьи и они разрешили напечатать ее. Это было для нас неожиданно. После этого Георгий Журули никогда не проявлял цензорской строгости и больше боялся патриотических стихотворений, чем экономических статей.

В Тифлисе движение усилилось. Организация стала сильной и свою работу перенесла в другие города, прежде всего в Баку, где никакой партийной работы до этого не было. Из Тифлиса мы послали в Баку опытного товарища. Но главный вопрос для нас был, как подойти к крестьянам. Марксизм признавал крестьянина, как человека, как гражданина, но как землевладельца не признавал своим и не защищал его. У нас в Грузии стояла задача решить вопрос о крестьянине-землевладельце, и многие рабочие входили в эту категорию крестьян.

Редакция «Квали» стала смело защищать интересы крестьян и требовать для них достаточного количества земли. Организация выдвинула лозунг аграрной реформы: отобрание земли у помещиков и передачу их крестьянам. В Гурии на этой почве сошелся социал-демократический крестьянский комитет. Но города боялись таких организаций, особенно Батум, требовавший их подчинения городским соц.-дем. организациям. Он этого достиг. Такой случай был с крестьянским комитетом местечка Хони, который зависел от Кутаисской организации. Одним словом, сельским организациям объявлено было недоверие. По этому вопросу началась большая дискуссия, в которой Батумская организация проявляла особенную приверженность «чистому» марксизму.

После больших споров и борьбы, Гурийский общекрестьянский комитет приобрел независимость. Таким образом, в этой сфере произошла национализация марксизма. Наш социализм понемногу приобретал народный характер.

В это время ни в России, ни в Европе у социалистов не поднимался вопрос о защите интересов крестьян. В России марксисты даже боялись крестьян: если их разбудить и двинуть, то они все разрушат, а самих марксистов сомнут.

Между «Квали» и «обществом» создавалась вражда: вся интеллигенция ушла от нас и перешла на сторону «Иверии». Это об-

стоятельство создало страх в наших кругах, что без интеллигенции «мы ничего не добьемся».

В ответ на это я опубликовал ряд своих статей под заголовком «Интеллигенция». Руководители немного успокоились, в рабочих кругах статьи вызвали энтузиазм, а в «обществе» вокруг «Иверии» возмущение. Если раньше я встречался с интеллигентами, например, с Цхветадзе, с Гогешаши, с Екатериной Габашвили, то теперь совершенно оторвался от них; я видел их только на Головинском проспекте.

Но я всегда придерживался мысли, что мы должны войти во все общественные организации и принимать в них энергичное участие. Драматическое общество выбрало меня секретарем; эту обязанность я честно выполнял в течение года. Я присутствовал на собраниях общества народного просвещения, представил проект реформы общества, который вызвал протесты против «новых фантазий»: я требовал выдачи бесплатных учебников для бедных детей. Чем дальше, тем больше мы отходили от грузинской интеллигенции.

В 1900 году скончался Георгий Церетели. Тифлисские рабочие устроили ему грандиозные похороны в благодарность за то, что он передал нам «Квали» и стал в наши ряды. Это были первые похороны общественного деятеля, на которых присутствовали рабочие массы. Но это не повлияло на интеллигенцию, которая все больше объединенно выступала против нас. Борьба дошла до кульминационного пункта в 1900 году, когда я опубликовал в «Квали» статьи «История прессы», которые впоследствии вышли отдельной книгой. «Иверия» сразу же выступила против, напечатав статью за подписью «Новоприбывший». Распространился слух, что автором был сам Илья Чавчавадзе. Но когда появилось продолжение этой статьи, вызвавшее всеобщий протест, тогда «иверийцы» отступили и заявили, что автор ее не Илья, а Хизанишвили, или Кипшидзе, или Ахназаров...

От рабочих в «Иверию» тоже поступили протестующие письма, которые иногда посылались за 100-500 подписями. Такой протест вызван был не содержанием, а тоном статей. Рабочие учили интеллигенцию вежливости...

Теперь ясно была намечена дорога, по которой должен был идти народ, а «Иверийцы» думали, что рабочие ни при чем, только Ной Жордания и его сотрудники подняли этот вопрос.

Лишь в 1901 году жандармерия заметила, что есть какое-то отношение между «Квали» и рабочим движением, но все-таки еще не понимала: личное ли это влияние автора или агитационный тон газеты.

С этого года мы стали ее собственниками, уплатив Анастасии Церетели 3.000 рублей. Редакция газеты переехала на Саперную улицу и там же я имел квартиру. На несколько дней я уехал в Ланчхуты, и по приезде меня известили, что в редакции был обыск и арестовали Сильву Джибладзе (он там ночевал). Меня лично не вызвали в полицию, но ясно было, что я нахожусь на подозрении. После известной первомайской демонстрации в центре города, начались массовые аресты в Тифлисе, тюрьмы были переполнены. Решено было отправить меня за границу, чтобы я мог временно скрыться. Деньги — 300 рублей — дал Д. Сараджишвили. Редакторство «Квали» я передал новым товарищам. Я взял свидетельство от врачей, что мне необходимо для поправления здоровья выехать за границу (были названы два курорта). Уехал я в Ланчхуты и начал хлопотать о паспорте. У нас тогда еще нельзя было уехать без паспорта. Озургеты не сразу дали нужное свидетельство. Я удивлялся и не понимал в чем дело. Но как-то вечером явилась многочисленная кутаисская жандармерия. Сделали обыск, меня арестовали и посадили в кутаисскую тюрьму, откуда после месячного пребывания, без всякого допроса, перевели в тифлисскую военную тюрьму, а потом в Метехи. Проходили месяцы, никто меня не допрашивал и никакого обвинения не предъявлялось; видно было, что у властей никаких доказательств против меня не было.

У Тифлисской организации было постановление о методе защиты арестованных товарищей: тот, кто был арестован в первый раз, должен стараться освободиться и отрицать все обвинения и не признаваться, что он социал-демократ, а тот, кто был арестован во второй или третий раз, должен был отказываться отвечать на вопросы; дело разбиралось в суде без показаний арестованных.

Я был в тюрьме в первый раз и поступал по инструкции организации, требовал допроса, представления обвинения или освобождения.

После восьмимесячного пребывания в тюрьме, меня допросили. Никакого обвинения против меня не было, кроме того, что я был социал-демократом. Ответить на это было очень легко: ничего нелегального я не делал: «Квали» выходило с разрешения цензуры и ничего незаконного не совершило. Но не подлежало сомнению, что полиция имела правильные данные. Когда я сидел в военной тюрьме в Тифлисе, рядом с моей камерой была одна свободная; однажды в нее зашел жандармский ротмистр

Рунич, которому поручено было мое дело. Он вызвал с нижнего этажа Власу Мгеладзе, об аресте которого я даже не знал, и начал его громко допрашивать. Я слушал через дверь, которая была между камерами. Рунич спрашивает Власу: «Ты же набрал прокламацию, написанную Ноем Жордания и распространял ее. Кто тебе помогал в этом деле?» Я немного испугался, как бы Власа не проговорился. Но Власа категорически заявил, что он никакой прокламации не набирал и от Ноя Жордания никогда ничего не получал. Одним словом, он от всего наотрез отказался.

Другой раз Рунич пришел ко мне с прокурором, допросили они меня. Прокурор настаивал, что все забастовки, демонстрации и рабочее движение — это вина «Квали», «а вдохновителем ее являетесь Вы!». Я очень легко от них отделался, требуя, чтобы они показали хотябы один номер «Квали», где была бы напечатана статья против правительства. Словом, я им дал «русский отказ» и они оставили меня в покое.

За время пребывания в тюрьме, я исправил один свой пробел: я начал серьезно читать беллетристику, которой было много в тюремной библиотеке. Большое впечатление произвели на меня Шекспир и Виктор Гюго. Вся тюрьма Метехи была полна товарищами и все были в восторге от Шекспира. Я здесь не буду описывать жизнь в тюрьме. Это не моя задача.

Социал-демократические организации Грузии работали независимо друг от друга, контакт они имели через отдельных лиц, но объединяющего органа не имели. Как раз мы работали над созданием такой организации и вдруг все главари оказались в тюрьме и этот план расстроился. Прокламации в Тифлисе выходили за подписью Тифлисского комитета. После массовых арестов народ остался без руководства. Никто не знал, что случилось. Распространялись разные ложные слухи. Интеллигенция испугалась и говорила, гуляя по Головинскому проспекту²⁸⁾: «Квали' нас погубит».

В это время я написал прокламацию, где объяснил значение демонстраций 18 апреля (1 мая) и выставленных нами требований. Передал ее нашему техническому аппарату, который сохранился в целости. Набрали, отпечатали и распространили ее, и общественное мнение успокоилось. Был избран новый комитет Тифлисской социал-демократической организации.

В начале 1902 года мы получили в тюрьме листок Тифлисского комитета, который вызвал наше удивление; в заголовке было

---

²⁸⁾ Главная улица Тифлиса.

напечатано «Российская социал-демократическая рабочая партия». Я удивился, при чем тут русская партия? Когда мы с нею объединились? На каких условиях? Никто ничего не знал. Было ясно, что мы попали в российскую партию. Задумался я, даже испугался; боялся как бы наши товарищи и идеологически не приняли бы российскую позицию, где не стояло ни крестьянского, ни национального вопроса согласно нашей точке зрения, ни организационного. Считаю нужным объяснить этот последний: наши организации состояли из рабочих; организаторы и руководители были они; пропагандисты были интеллигенты, но они не имели решающего голоса ни в комитетах, ни в районах. Вся материальная тяжесть лежала на рабочих, которые при каждой получке вносили партийный взнос; в России, наоборот, организацию составляли интеллигенты-пропагандисты, а рабочая масса шла за ними. Деньги доставали интеллигенты и приносили в организацию, рабочие ничего не платили. Одним словом, рабочая партия принадлежала интеллигентам с целью дать рабочим политическое развитие для борьбы против царизма. Значит, это была не партия рабочих, а была партия в пользу рабочих; принцип — диаметрально противоположный взглядам нашей партии. Хотя Российская социал-демократическая партия была марксистская, в действительности ее организация и работа велись по образцу народников.

Раз была такая разница между нами и русскими, я считал опасным такое объединение, но поскольку это случилось, надо сохранить нашу особенность. Для достижения этой цели надо было в первую очередь иметь влияние на самих русских. Прежде всего необходимо было создание грузинского центрального органа нашей партии. В это время я сидел в тюрьме, в июне меня освободили и местом жительства назначили Ланчхуты²⁰⁾ — до окончания дела Петербургским Департаментом полиции. В это время в Гурии было сильное крестьянское движение, которое имело в качестве руководителей членов социал-демократической организации. Начались опять массовые аресты, и опять арестовали и меня. Попал я в Кутаисскую тюрьму и находился там среди 200 гурийских крестьян. Здесь же я встретился в первый раз с Ноем Хомерики. Там же были Джигладзе и многие знакомые и друзья. Скоро нас, интеллигентов, перевели в Поты; оттуда меня в октябре освободили и назначили местожительством город Ганджа — под надзор полиции. Но я часто ездил неле-

---

²⁰⁾ Деревня, где родился Ной Жордания и имел свой дом с садом.

гально в Тифлис по делам партии, а также нередко ко мне приезжали по поручению Комитета — чаще всего Георгий Цулукидзе, член Комитета Сильва Джибладзе был уже в ссылке в Сибири. Мы решили собрать конференцию со всего Закавказья. Она состоялась в Тифлисе в 1902 году зимою в задней комнате ресторана Тилипучури под моим председательством³⁰).

Главным вопросом были выборы центра, которому дали название «Союзный комитет Кавказа». Здесь же мне поручили написать программу партии в местном (кавказском) и всероссийском масштабе.

По возвращении в Ганджу я приступил к работе и через несколько недель ее закончил. Программа была довольно широкая: демократическая республика, господство демократии; положения программы минимум — были разделены по параграфам; по национальному вопросу был такой параграф: самоуправление Закавказья с парламентом в Тифлисе. Далее этот параграф делился на подотделы: компетенция парламента и разграничение работы.

Союзный Комитет выпустил свой печатный орган «Брдзола» (Борьба), в первом номере которого напечатана моя передовица, а как только я переслал программу в Тифлис, из Петербурга пришел приказ отправить Н. Жордания в Вятку на три года, что и объявила мне ганджинская жандармерия и отобрала у меня подписку, что я поеду по назначению своими средствами. Слух об этом распространился по Грузии и отец с матерью приехали проститься со мною. Приехал ко мне в Ганджу Цулукидзе и объявил мне: «Организация постановила устроить вам побег за границу через Батум; деньги и все, что нужно, приготовлено». Я сообщил это матери, она очень обрадовалась и уехала домой. А отец остался до дня моего бегства, чтобы забрать мои вещи. Вечером я сел в поезд и уехал в Батум. На вокзале меня встретил товарищ и взял на конспиративную квартиру, рядом с нелегальной типографией. Здесь я скрывался десять дней, пока меня не устроили на одном английском нефтяном пароходе. Капитану было сказано, что я дезертир и убегаю от воинской повинности, потому что политического он не взял бы.

---

³⁰) Поскольку мне известно, эта конференция до сих пор не была упомянута в литературе. Советские источники датируют основание Закавказского социал-демократического союза на первой конференции закавказских социал-демократических организаций (накануне Второго съезда РСДРП в марте 1903 г.). [Ред.]

ГЛАВА IV

Второй съезд РСДРП и раскол грузинской социал-демократии. Первая русская революция. Стокгольмский съезд

После трехнедельного путешествия мы через Гибралтар приблизились по Атлантическому океану к Англии и через несколько часов я уже был в Лондоне. Я не имел никакого паспорта; ни на одной границе его не спрашивали. Нигде не нужно было иметь паспорта, кроме России. В Лондоне я не нашел ни одного знакомого и уехал в Париж, где пробыл некоторое время. Не встретив и здесь партийных товарищей, я поехал в Женеву, где первым долгом нанес визит Плеханову. Его жена сказала мне, что Георгия Валентиновича (Плеханова) нет в Женеве: «Зайдите дня через три-четыре, я буду знать его адрес». Ни одного ответственного социал-демократа я не встретил в Женеве, и это меня очень удивило. Когда я снова зашел к Плеханову, его жена — Розалия Марковна — секретно мне сообщила: «Теперь происходит съезд Российской социал-демократической партии. О вашем приезде я сообщила Георгию Валентиновичу и получила от него письмо, в котором он сообщает, что съезд постановил пригласить вас с совещательным голосом»; и дала мне адрес — Народный дом в Брюсселе. Мне было странно, как это могло случиться: я скрывался и путешествовал приблизительно два — два с половиной месяца и за это короткое время успели назначить, вызвать делегатов и устроить съезд, а я в Грузии об этом ничего не знал. Поехал я в Брюссель и встретил там трех делегатов из Грузии: Д. Топуридзе, Кнуньянца и Аршака Зурабова.

От них я получил подробную информацию. Приглашение на Конгресс пришло по телеграфу. Координационный Комитет выбрал их. Тот же Комитет обсудил мой проект программы и отклонил его, приняв другой проект, который в политической и

экономической части не особенно отличался от моего, но в национальном и крестьянском вопросе стал на русскую точку зрения. Так, Комитет принял проект разделения России на федеративные единицы по территориям, а не по национальностям. Эти части федерации, так сказать, представляли собой расширенные губернии с собственными управлениями. А в крестьянском вопросе он последовал проекту «Искры»: передача крестьянам «отрезков земли».

В это время в Координационный Комитет входили А. Зурабов, М. Цхакая, Кнуньянц (от Баку), А. Цулукидзе, Ф. Махарадзе — весь этот состав впоследствии примкнул к большевизму. Настоящие работники, главари и основатели рабочих организаций все были в ссылке или в тюрьмах, или скрывались.

Руководство движением попало в руки руссофильски настроенных интеллигентов, которые, кроме Ал. Цулукидзе, не принимали прямого участия в рабочих организациях. Этим самым уже подготовлялся перевод наших рабочих организаций на русские рельсы.

Я и Топуридзе жили вместе, но нам не удалось поговорить в Брюсселе: полиция, узнав о конгрессе иностранцев, запретила его. Через два дня мы переехали в Лондон. После долгих споров, Топуридзе перешел на мою точку зрения, а от армян (А. Зурабова и Кнуньянца) я ничего не мог добиться.

Открылся съезд, создалась такая атмосфера, что тифлисцы не только не смели представить свою программу, но даже побоялись ее показать. Большая часть делегатов склонялась к централизму, о федерации и слышать не хотели и в национальный вопрос не верили, — он для них не существовал, равно как и крестьянский вопрос.

Обсуждали и принимали по параграфам проект «Искры». Когда речь зашла об «отрезках», я взял слово и поставил аграрный вопрос в нашем масштабе. «Напрасно делегаты боялись крестьян» — утверждал я. «Если у них появится аппетит, они нас совершенно проглотят», — говорили они.

Поскольку таково было настроение съезда, мы решили заранее поговорить с некоторыми делегатами о национальном вопросе. С Мартовым мы добились соглашения по школьному вопросу и о местном самоуправлении; они едва-едва прошли. Не вызвав дебатов, прошел вопрос и о принципе самоуправления народов — согласно резолюции I Интернационала, но никто не понимал его значения. Съезд закончился расколом: появился большевизм и меньшевизм. На какой почве? По вопросу организационному: кто является хозяином в партии. Большевики под-

тверждали тот строй организаций, который существовал в России, а их противники (меньшевики) думали о его исправлении, политической же разницы тогда между ними не было видно. По окончании съезда я вернулся в Женеву, а делегаты поехали на родину: армяне перешли на сторону Ленина, а Топуридзе колебался. Через месяц или два я получил сведения из Тифлиса, что делегаты скрыли от организаций о происшедшем расколе и доложили об этом только Координационному Комитету, который целиком поддержал Ленина; Комитет также принял решение скрыть от организаций раскол и перевести в организационном порядке рабочую массу на сторону Ленина. Как только я узнал об этом, написал подробное письмо о том, что случилось на съезде и послал его Тифлисскому комитету. Впоследствии я узнал, что это письмо получил Координационный комитет, который тоже скрыл его от рабочих организаций, и они остались в полном неведении.

В Женеве я познакомился с эмигрантами-революционерами и обнаружил следующее: десять лет тому назад марксистов считали по пальцам, и все русские революционеры были народниками; теперь же было наоборот: последних было незначительное число, а марксисты преобладали. Марксисты разделялись на большевиков и меньшевиков, согласно тому, сколько голосов их фракция получила на Съезде.

На какой почве у них были споры? — По совершенно простому вопросу: о деталях организационного строя партии. Политические, тактические и организационные взгляды Ленина были выражены в его книге «Что делать?», которая вышла под редакцией «Искры», где группа Плеханова была в большинстве, а спорным стал только один параграф: согласно Ленину — руководителями партии являются профессиональные революционеры, т. е. интеллигенты. Различие начиналось с вопроса, кто управляет партией и кто ее хозяин, Должна ли она управляться диктаторским способом, по приказу сверху, или демократическим путем, методом соглашения?

Мартов рассказывал, что Ленин ввел «военное положение» в партии, и написал большую полемическую брошюру по этому поводу, т. е. спор был не о принципе организации, а об ее форме. Мне казалось, что это было толчение воды в ступе. Я большой разницы не видел между ними, поэтому не примкнул ни к одной группе и не вступил в «братскую борьбу», а начал организовать группу кавказцев, чтобы помочь нашему движению. Я нашел одного армянина и мы издали по-армянски «Манифест коммунистической партии», потом мы связались с Батумом и на-

чали посылать туда нелегальную литературу морским путем через Марсель. Между тем в Грузии, несмотря на репрессии, движение не только не уменьшилось, но выросло. Это явление произвело влияние на интеллигенцию, которая была враждебно настроена или стояла в стороне от социалистов. Часть ее выделилась и вместе с молодежью встала на новый путь. Они признали революционное движение, но хотели перевести его на свои рельсы. Их возглавлял Арчил Джорджадзе, Г. Ласхишвили и другие. Они начали выпускать на русском, грузинском и французском языках в Париже журнал «Сакартвело» (Грузия). К их инициативе я отнесся положительно и даже поместил в этом журнале несколько статей о движении у нас, но скоро выяснились их особые тенденции, и я сказал Ар. Джорджадзе, что я больше участия в их журнале принимать не буду. В том же году они устроили в Женеве конференцию, на которую в качестве гостей была приглашена группа социал-демократов: я, Ч. Джапаридзе, М. Орджоникидзе, всего 5-6 человек. Мы там же прочли наше заявление, чем дали знать собранию о нашем отрицательном отношении к конференции и покинули собрание. Потом началась между нами полемика.

В чем же было основное различие? — Конференция объявляла об основании социал-федералистической партии, основной доктриной которой она выставила два положения: борьба за автономию Грузии, для которой предлагалось объединение всех революционных и прогрессивных грузинских сил. Это должно было стать «платформой» для всех слоев и классов населения. Вот эта общая «платформа» была для нас неприемлема: это было восстановление старых идей Ильи Чавчавадзе: — «мы все варимся в одном соку, мы должны быть вместе, чтобы защищать родину». В 80-х годах грузинские народники были против этих лозунгов, их не принимали, а теперь, когда движение разросло, они были особенно неприемлемы. Почему? Да потому, что мы объединяли рабочее и крестьянское движение. Если первые были не только против грузинского капитала, а вообще против капитала (и с рабочими можно было бы договориться), то крестьяне боролись только против своих грузинских помещиков и общего языка между ними и грузинскими помещиками невозможно было найти. Если бы мы приняли позицию федералистов, то крестьяне отошли бы от нас, был бы снят крестьянский вопрос, и мы очутились бы в положении русской социал-демократической партии.

Отход крестьян разбил бы мораль малочисленного, но активного рабочего класса и открыл бы дорогу большевистской геге-

монии и грузинский марксистский социализм похоронен был бы навсегда.

К этим главным мотивам прибавились и другие: была объявлена борьба против русского самодержавия, а маленькая Грузия могла проявить инициативу и одержать победу только в том случае, если бы она была в союзе с другими народами и партиями, которые вели бы такую же борьбу. Всякий отход, идейный или тактический, вел нас к поражению и выбрасывал из движения. Против социал-федералистов я написал брошюру «Грузинские националисты» и переслал ее в Грузию, и полемика продолжалась там. Во всяком случае, одно было фактом — грузинское общество проснулось и начало искать новые пути, и наше положение стало серьезным: было опасно, как бы эти новые волны не разрушили наш новый революционный дом.

11 января 1905 года в женевских газетах появились петербургские телеграммы о демонстрациях рабочих во главе с Гапоном. Я решил, что революция началась и мне необходимо вернуться домой. За неделю достал паспорт на имя болгарина Игнатьева. Мой архив, рукописи, книги положил в ящик, запечатал и оставил в редакции «Дашнакцутюн» (которые потом я не получил). 18 января я поехал в Россию, прямо в Петербург, где жила моя жена Инна, урожденная Коренева, и работала в партии; она выехала из Женевы на несколько месяцев раньше. 25 января я прибыл в Петербург. Выяснилось, что движение Гапона было совершенно неожиданным для партийных организаций, они никакой роли в нем не играли. Наоборот, они стали игрушкой этой стихии. И когда волна революции упала, на месте остались районные организации, которые объединялись комитетом. Здесь уже господствовал центральный комитет Ленина.

Мы решили ехать в Грузию: жена легально, а я нелегально. Остановились в Баку. Инна осталась в одной русской семье. Мы нашли связь с социал-демократами, устроили собрание, где я прочел доклад о разногласиях большевиков и меньшевиков; первые выступили против меня и собрание никаких результатов не дало.

Я решил, что лучше работать по старому методу: прислать от тифлисской организации рабочих, которые и организуют здесь работу. Я уехал в Тифлис, Инна осталась в Баку³¹⁾.

---

³¹⁾ Инна сейчас же вступила в организацию и была арестована через три недели.

В Тифлисе атмосфера совершенно изменилась: старого правого сектора, во главе которого стоял Илья Чавчавадзе, уже не существовало; газета «Иверия» была в руках новых людей. Социал-федералисты были хозяевами газеты «Цнобис пурцели» (Листок новостей); вместо газеты «Квали» выходила газета «Могзаури» («Путешественник») под редакцией Филиппа Махарадзе. «Квали» было закрыто тифлисской администрацией. В рабочей массе развивалось революционное настроение. В организациях и комитетах никто не знал сущности разногласий, ни один делегат не сделал доклада о том, что произошло на съезде. Знал об этом только Центральный комитет, где почти все примкнули к большевикам. Мой неожиданный приезд им не очень понравился, попробовали заставить меня замолчать и с этой целью назначили собрание Центрального Комитета, на котором присутствовали Михо Цхакая, Ал. Цулукидзе, Ар. Зурабов и Филипп Махарадзе. При обсуждении выяснились новые их убеждения и решение не выносить в массы вопрос о разногласиях в партии, но перевести все организации на линию Ленина. Все руководящие органы должны быть назначены сверху. Мне стало ясно, что в Центральном комитете я ничего не смогу добиться и тут же я повидался со старыми знакомыми рабочими и от них узнал, что в организациях получен приказ от Центрального комитета: распоряжение о выходе в отставку всех членов старого Тифлисского комитета, о назначении нового состава Комитета и о передаче всего технического аппарата новому Тифлисскому комитету.

Этот приказ вызвал большое волнение среди рабочих и в первое же воскресенье было назначено собрание представителей от всех районных организаций Тифлиса, на котором должен был присутствовать член Центрального комитета. Собрание состоялось в Надзаладеви (Нахаловке). Присутствовало около двадцати человек. Я сидел в углу, никто меня не узнал (у меня была сбрита борода). Но когда я взял слово (под псевдонимом Андрея) и начал говорить, все с недоумением на меня смотрели. Я рассмеялся, все бросились ко мне, все они — старые знакомые, но сразу остановились, чтобы не выдать меня, сели и поставили двух караульных около дверей. Начались дебаты, которые окончились единогласным постановлением: не признавать требований Центрального комитета и продолжать работу по-старому. Но этот последний назначил новый комитет, а наш комитет объявил вне партии. Началась большая борьба во всех районных организациях, противники теряли позиции, рабочая масса обеими руками цеплялась за старый строй организации, за руко-

водство в них самими рабочими и за принцип выборов в руководящие органы. В это время я получил известие из Баку об аресте Инны и уехал туда. Официально хлопотать об ее освобождении я не мог, но встретился с доктором тюрьмы, И. Ельяшвили, моим старым знакомым, объяснил ему, что жена «в положении» и ждет ребенка через месяц, и спросил его — не может ли он по этой причине освободить ее из тюрьмы. Он обещал и свое обещание исполнил. И я и Инна поехали в Тифлис, но не вместе. Я поселился на конспиративной квартире, а она уехала в Ланчхуты с новорожденной девочкой.

Через месяц наши организации были очищены от большевиков. Очередь наступила за провинцией. Меня послали в Батум, где я пробыл две недели, делая доклады о сущности разногласий, знакомил с идеями Ленина о роли рабочих под руководством интеллигенции, о господстве профессиональных революционеров. Рабочие, узнав взгляды Ленина, по представленным цитатам, отбрасывали большевизм и вместе с этим относились отрицательно к русскому меньшевизму, который не сочувствовал Ленину в мелочах, но в главном был тогда с ним согласен.

Так в результате этих дебатов образовался «грузинский меньшевизм» — рабочий и революционный. Органом нашего меньшевизма сделался нелегальный «Социал-демократ», где я поместил статьи вместе с Ноем Рамишвили по этому вопросу: «Меньшевизм или большевизм»³²).

Эти статьи впоследствии были изданы по-русски в Женеве с предисловием Ф. Дана и представлены им как новые идеи.

Большевики были отвергнуты во всей Грузии, а в Баку наши эмиссары-рабочие находили опору только среди грузинских рабочих; русские рабочие колебались, переходя от одних к другим, и в конце концов образовались две организации.

Таким образом, в Грузии воплотился и организовался политический лозунг марксизма: освобождение рабочих — дело самих рабочих.

В Европе и в России рабочими массами считали только заводских рабочих, пролетариат индустрии, который поведет в обе-

---

³²) Поскольку мне известно, речь идет о статье «Большинство' или 'меньшинство'», написанной Н. Хомерики и Н. Рамишвили, напечатанной в журнале «Социал-демократ» под редакцией Н. Жордания. Эта статья в русском переводе была напечатана в виде отдельной брошюры издательством «Искры» с предисловиями Ф. Дана и К. Ц. (Церетели). Женева, 1905 г. [Ред.]

тованный мир и другие массы трудящихся: крестьян и ремесленников; а мы, наоборот, свели рабочих и крестьян вместе и из них составили одну армию, которая должна создать единый социально-политический строй, а изменить старый.

Так разошлись дороги русских и грузинских социал-демократов, а, между тем, мы были в одной партии, под руководством одного Центрального комитета. Поэтому нашей целью было повлиять на русских и привлечь их к нашим взглядам. Революция развивалась и углублялась во всей империи. Чтобы ее ослабить, правительство издало манифест о созыве Государственной думы (Булыгинской). Наши организации постановили принять участие в выборах и в защиту этой тактики был напечатан в «Социал-демократе»³³⁾ ряд статей. Это было продолжение тактики «Квали» — быть везде, куда мы можем войти, перекрещивать нелегальную работу с легальной.

Русские отклонили эту тактику, они бойкотировали Думу; выборы затянулись. После новой революционной вспышки был опубликован 17 октября новый манифест о созыве Думы и даны широкие избирательные законы (Дума Витте).

Нами было решено принять участие в выборах в Думу, а русскими — опять бойкотировать их. И в России во время избирательной кампании нигде не было видно социал-демократов. У нас же началась избирательная кампания при энергичном участии нашей партии; нами было принято решение создать коалицию демократических партий против правых и прочее. И так как в это время у нас была ежедневная легальная газета «Скиви» («Луч») под моим редакторством, то все постановления партии опубликовывались в ней.

В этот момент проявилось еще большое различие между нами и русскими социал-демократами: они отказывались в категорической форме от террора в какой бы то ни было форме. Мы тоже не признавали террор в качестве средства свержения самодержавия подобно народникам; но не отрицали его, как оружие самозащиты и создания паники в полицейских кругах. И Тифлисский комитет организовал террористические акты против жандармов и агентов охранки. Бомбы падали на них в различных частях Тифлиса, и это дало свой результат: весь административный аппарат расстроился, страх обуял агентов охраны, все думали о самосохранении. Фактически установилась свобода митингов, забастовок и демонстраций. Этому помогло объ-

---

³³⁾ Нелегальный журнал партии.

единение мелкой буржуазии и создание ею своей организации. Ею руководил Захарий Чичуа (Хашник).

Когда нам были нужны внушительные демонстрации, мы давали знать об этом Захарию, и его комитет сразу же выносил резолюцию об общей забастовке мелкой буржуазии. В один прекрасный день весь город бастовал, все лавки закрывались; одним словом, хозяином улицы стал социал-демократический комитет. Наконец, сам Наместник признал это положение и приказал выдать оружие организациям во время армяно-турецкой резни, когда мы стали между ними. Этим руководил Сильва Джибладзе. Полиция исчезла с улицы.

После поражения Московского восстания началась реакция, было объявлено военное положение; власть перешла в руки военных под руководством генерала Грязнова. Организация решила избавиться от него. Это было поручено Сильве Джибладзе; он нашел исполнителя А. Джорджиашвили (а фамилию его товарища не помню). Он их поставил перед квартирой Грязнова, а сам стал на Головинском проспекте, откуда должен был предупредить их платком о выезде Грязнова из штаба. Грязнов действительно выехал, но Сильва не дал сигнала. Почему? — Около Грязнова сидела дама, и он не хотел ее губить. Но террористы хорошо запомнили лицо Грязнова. Сильва зашел ко мне в редакцию и рассказал все, прибавив: «Завтра он от меня не уйдет».

На второй день они были на назначенных местах, но жертва не показалась. Усталый Сильва зашел ко мне, сел на стул и с горечью сказал: — «Не вышло, его не видно». Но как только он закончил фразу, мы услышали ужасный грохот от разорвавшейся бомбы. — «Погиб я, без меня совершили нападение», — вскрикнул он и выскочил на улицу. Пока он добежал до места, все было кончено. Грязнов был убит, Джорджиашвили ранен. Сильва сумел установить контакт с арестованными, благодаря грузину-священнику тюрьмы (его фамилии не помню). Джорджиашвили умер геройски, не выдав Сильвы, но убийство Грязнова не приостановило реакции, несмотря на растерянность администрации.

Я с семьей жил в Дидубе. Однажды ночью войска заняли этот район и стали обстреливать дом, где жили многие наши товарищи. Уверенные в том, что такая же участь ждет и наш дом, мы вышли на улицу и по маленьким переулкам направились к школе садоводства. Инна с ребенком на руках. Нам встретился патруль казаков: меня обыскали, забрали часы и ушли.

На второй день мы вернулись на нашу квартиру; военные не знали, где я живу. Организация созвала расширенное собрание в Нахаловке³⁴⁾, куда еще полиция и войска не осмеливались появляться. Собрание состоялось на майдане (на площади). Явились на собрание и большевики: Шаумян, Сталин и др. Их требование было — роспуск организаций, переход на нелегальное положение — явное желание спасти себя.

Мы не соглашались, требовали продолжения борьбы с реакцией, только с одним изменением — перевести организации на нелегальное положение. Это предложение было принято, только большевики голосовали против. Они сразу же попрятались, некоторые из них уехали в Баку и нигде не принимали участия в борьбе. Это был их окончательный отход от грузинского народа.

В этот тяжелый момент грузинский народ видел около себя только связанных с ним в его горе — меньшевиков; других партий нигде не было видно. И здесь-то установилась тесная, окончательная связь между нами и рабочей массой, которая потом никогда не разрывалась в Грузии.

В начале 1906 года мы получили из Петербурга известие, что скоро состоится партийная конференция в Стокгольме для обсуждения следующих вопросов: объединение партии, аграрный вопрос, отношение к Думе.

Первый вопрос был вызван тем обстоятельством, что обе русские фракции были отброшены от движения. Пролетариат принимал участие в борьбе и выбирал социал-демократов вопреки постановлению партии; кандидатами их были второстепенные лица, так как главари объявили бойкот выборов.

Был явный разрыв между социал-демократами и массами. Это обстоятельство заставило задуматься и большевиков и меньшевиков и они решили объединением восстановить свой престиж. Для нас этого вопроса не существовало; мы только опасались решения аграрного вопроса «по-русски».

Поехали мы в Стокгольм. Туда явились бундовцы, которые вышли из партии после Лондонского съезда, и в первый раз польские социал-демократы, как автономная единица.

Все вопросы были решены быстро. Большие дебаты вызвал лишь аграрный вопрос, по которому была принята резолюция о конфискации земель: часть их шла государству, часть само-

---

³⁴⁾ Самое революционное предместье Тифлиса, населенное железнодорожными рабочими.

управлениям (муниципализация), часть безземельным крестьянам. Чтобы провести эту резолюцию, наша делегация принимала горячее участие в работе съезда. А большевики голосовали против всех этих резолюций: требовали продолжения бойкота Думы, национализацию земель, т. е. передачи земель государству и пр.

На этом съезде в первый раз была внесена поправка в параграф программы партии по вопросу о самоопределении. Что такое самоопределение? Оно дает право народу — создать собственное государство. От имени съезда об этом объявил Плеханов³⁵). Польским социал-демократам это не понравилось: это толкование оправдывало программу партии ППС, которая была против автономии.

Разъяснение этого параграфа я сделал двумя годами раньше, в 1904 году в брошюре «Грузинские националисты», но это было мое личное мнение, еще не признанное в партии.

На этом съезде все наши делегаты были меньшевики; отсутствие в Грузии влияния большевиков стало понятным и для русских, хотя Иосиф Джугашвили и его друзья привезли мандаты из Борчалинского уезда, где никаких партийных организаций не существовало, и мандатная комиссия их мандатов не признала.

---

³⁵) Один из основателей группы «Освобождение труда», теоретик, популяризатор марксизма.

ГЛАВА V

Первая Государственная дума. Лондонский съезд. Второй арест и вторая эмиграция

На обратном пути в Грузию я купил на станции Беслан владикавказскую русскую газету, где были помещены известия из Тифлиса. Я узнал, что организациями была избрана специальная комиссия для выборов депутатов в Государственную думу, что выборщиками в большинстве прошли меньшевики, а кандидатом от Тифлиса выставлен Ной Жордания. Очень этому рад я не был: откуда им пришла в голову мысль послать меня в Думу, ведь там будут только разговоры, там нужны ораторы, а я не оратор.

По приезде в Тифлис я поставил этот вопрос в Центральном комитете и отказался выставить свою кандидатуру. Но меня не стали даже слушать. «Решение уже принято районами и Тифлисским и Центральным комитетами и нечего нам перерешать», — объявили мне; я принужден был согласиться. Я очень радовался, что Западная Грузия выставила кандидатом известного оратора Исидора Рамишвили, которому я мог бы поручить ораторские выступления. В Грузии везде прошли наши кандидаты, так что русская социал-демократическая партия была представлена в Думе в лице грузин. К счастью, были выбраны и некоторые русские рабочие, хотя и не члены партии, но симпатизировавшие социал-демократам. Мы выбрали из них подходящих людей и вместе с ними организовали первую социал-демократическую фракцию Думы, а меня они избрали своим председателем. Атмосфера в Думе была сильно оппозиционная правительству, только не было видно, какие силы стояли за спиною партий. Нигде в организациях не было масс, зато везде были комитеты интеллигентов, которые говорили от имени народа и представляли народ. Все это очень хорошо знало пра-

вительство и поэтому для него было очень легко расправиться с Думой, когда оно захотело бы. Скоро у него появилось это желание, и мы оставались в Думе только 24-28 дней. Нам просто закрыли двери Государственной думы, и мы уехали в Выборг. Этот город был центром кадетов. По инициативе Милюкова произошло там собрание Думы, и это означало отказ от борьбы.

Мы могли бы собраться в Петербурге и выставить революционные лозунги борьбы, но это — дело революционеров, а не оппозиционеров. Собрались мы в Выборге и пожаловались друг другу на нашу печальную судьбу, избрали комиссию, которая должна была представить резолюцию. В комиссию выбрали меня, а также Милюкова, хотя он не был депутатом. Либералы были против воззвания к народу; требовали только нарисовать картину создавшегося положения и остаться в оппозиции. После больших дебатов все же приняли что-то вроде воззвания и опубликовали его.

Я тотчас же перешел на нелегальное положение, достал фальшивый паспорт и вернулся в Петербург для работы в Центральном Комитете Российской социал-демократической партии, куда выбрал меня Стокгольмский съезд.

Большевики откололись и создали свою собственную организацию. Они имели более тесную связь с рабочими, чем меньшевики. Последние выражали очень хорошие мысли, писали хорошо, но не стояли в центре рабочих организаций. Собрания оппозиционной интеллигенции оставляли жалкое впечатление: не знали куда идти, какую дорогу выбрать. Но несмотря на это, вся эта бестолковая болтовня производила большое впечатление на правительство, которое, как напуганная собака, продолжала лаять на дерево.

Была созвана 2-я Дума. Для выработки избирательной тактики партия собрала конференцию в Таммерфорсе (Финляндия). Большевики, кроме Ленина, единогласно требовали отказаться от участия в Государственной думе. Ленин отделился от них и заявил, что он становится в «болоте».

Все выборные комбинации, принятые нами в Грузии, восприняты были и здесь.

Конференция закрылась и партия приступила к подготовке выборов. Я остался работать в Петербурге. На Таммерфорскую конференцию наша партия из Грузии послала мою жену; она была секретарем Центра. Началась выборная кампания. Я получил письмо от Сильвы Джибладзе, в котором он сообщил о том, что организациями выставлена кандидатура Ираклия Це-

რეტელი, но «он отказывается» и Сильва просил меня написать ему: — «Может быть, он тебя послушается». Я исполнил эту просьбу и написал длинное письмо Ираклию Церетели. Он согласился, о чем Сильва мне радостно сообщил. Я думаю, что это был единственный раз, когда Ираклий меня послушался. Зато потом с большой руганью и клеветой обрушились на меня его тетки, сестры Н. Николадзе, когда после ареста социал-демократической фракции³⁶⁾ я приехал нелегально в Кутаис. На улице меня встретила и узнала Като Николадзе; подбежала ко мне и начала кричать: «Как, ты ходишь свободно, а мой Каки сидит в тюрьме, благодаря тебе». Собралась толпа, я с трудом скрылся и в тот же день уехал в Тифлис.

Окончились выборы во 2-ю Думу. Произошло то же, что и раньше: у нас прошли наши кандидаты (социал-демократы—меньшевики), а в России большей частью большевики. Собралась довольно большая фракция, около 60 человек, лидером ее выбрали Ираклия Церетели. Меня и еще двух товарищей Центральный Комитет назначил для работы во фракции.

Ираклий Церетели, правда, оказался большим оратором. Раньше мы с этой стороны его не знали. В то же время он был очень осторожным — для всех больших выступлений он подготовлялся заранее. Он прочитывал мне свои речи, подправлял их, выучивал наизусть и очень хорошо их произносил³⁷⁾. В то же время мы предвидели реплики, которые могли быть сделаны, и подготовляли ответ. В большинстве случаев наши предположения оправдывались.

В Петербурге моя партийная работа не давала результатов; организации по-старому создавались и разрушались. Ловкий интеллигент ходил в районы, организовывал рабочие кружки, руководил ими, но как только он уезжал, они не собирались. В то же время в наших рядах были начитанные рабочие, но они, становясь интеллигентными, шли по их дороге. Сущность механизма оказалась непоколебимой; «вождь» и «масса», которая за ним

---

³⁶⁾ 2-й Государственной думы.

³⁷⁾ Поскольку известно (из разговоров с самим И. Церетели и интервью редактора с его близкими друзьями), Церетели готовил свой доклад для первого выступления во 2-ой Государственной думе в консультации с лидерами меньшевистской организации в Петербурге, но, считая его неудачным, Церетели не использовал этот текст. И, по обыкновению, его знаменитая речь от имени с.-д. фракции в Думе была импровизированная. [Ред.]

шла, — считалось наилучшей формой организации. Оружием борьбы были деньги. Вождь или группа, которые могли достать деньги, собирали вокруг себя рабочих и становились лидерами. С этой стороны богаче всех был Ленин³⁸); его агенты — Сталин и другие — устраивали «экссы» (экспроприации). Они захватили деньги правительства — около 200.000 рублей в Квирилах³⁹). Одним словом, они не были похожи на бедных меньшевиков, которыми руководил Мартов, человек честный, литератор, безобидный журналист, у которого совершенно не было способностей лидера и организатора. Обе фракции были в одной партии, но в действительности работали отдельно друг от друга и подготавливались к взаимной борьбе.

Решено было созвать новый партийный съезд в Лондоне в 1907 году во время Второй Думы. Из Грузии прибыло 29 делегатов, в том числе и я. (Лондонская конференция известна всем; ее отчеты напечатаны). Здесь я только расскажу, что происходило за кулисами.

Русскими делегатами в большинстве были большевики, но когда грузинские меньшевики присоединились к русским меньшевикам, равновесие было восстановлено, так что по численности обе фракции были равны. Началась борьба за привлечение делегатов других национальностей: поляков, бундовцев, латышей и эстонцев. Они были то там, то здесь. Первые примыкали к Ленину, только их возмущали экспроприации, которые защищал Ленин. Бундовцы были с нами. Только латыши и эстонцы не знали, где им быть. Они, недавно выступившие на арену, неопытные, прошедшие долгое время в лесах («лесные братья»), ни по одному вопросу не имели определенного мнения.

Была избрана главная политическая комиссия для выработки общей резолюции, чтобы представить ее Съезду. В нее вошли лидеры всех групп и фракций, в том числе и я. Комиссия рабо-

---

³⁸) Ему помогал богатый фабрикант Морозов и другие.

³⁹) Сообщение не вполне точное. Повидимому Н. Жордания смешивает два события. Первое — экспроприация в Квирилах во время грузинского восстания в декабре 1905 г., когда были захвачены деньги тамошнего казначейства. Эта экспроприация была под руководством в то время объединенной с.-д. организации в Грузии. Второе — экспроприация в июле 1907 г. на Ериванской площади в Тифлисе, организованная большевиками (под руководством Камо-Петросианц, с ведома Ленина, вопреки резолюции Лондонского съезда РСДРП осуждающей экспроприации). В этой экспроприации захваченная сумма в размере более 200.000 рублей была передана большевистскому центру. [Ред.]

тала два дня и не достигла никаких результатов. Во время голосования голоса разделялись, или же текст резолюции единогласно отвергался. После такой бесплодной работы, комиссия разошлась, поручив представление резолюций частной инициативе. Как-то после такого заседания шел я по улице и услышал позади себя голос: «Костров⁴⁰), подождите одну секунду». Я оглянулся и увидел Ленина. Я подождал и мы вместе перешли на другой тротуар. Он сказал мне следующее: «Грузины, не вмешивайтесь в наши дела. Вы не знакомы с нашим народом, с его психологией, с его жизнью и бытом. И почему вы мешаете нам уладить наши дела по-русски. Получите автономию и делайте в Грузии, что хотите; мы не будем вмешиваться, и вы не вмешивайтесь в наши дела». Я был поражен, думал, что он испытывает меня, но заметил, что он говорил очень серьезно. Я ему ответил: «Я сейчас не могу дать ответа, посоветуюсь с товарищами, грузинскими социал-демократами, с которыми сегодня встречусь на собрании». — «Очень хорошо, — ответил Ленин, — поставьте этот вопрос. Если хотите позовите меня, только помните мое предложение: вы, грузины, не вмешивайтесь в наши дела, а мы в ваши не будем вмешиваться; вы видите, куда идет русский рабочий класс, его делегации в большинстве — большевистские; мы знаем друг друга; народ настроен революционно, меньшевики — это оппортунисты — и поэтому я не с ними. Удивляете только меня вы, грузинские социал-демократы. Вы такие же революционеры, как и мы; что у вас общего с компанией Мартова-Дана?» . . .

Я размышлял: если это объявить на собрании, товарищи взволнуются, возмутятся; Ленину достанется от них, его престиж упадет, и к чему это? А если не довести до их сведения, может быть, он будет недоволен. Решил ничего не говорить, подождать и если он, Ленин, ничего не скажет, значит он не даст хода своим предложениям. Я выбрал эту позицию, тем более что он во многом был прав. Русские меньшевики были бесхарактерные интеллигенты, избегали революционных выступлений, они надеялись, что все вопросы разрешит Государственная дума постепенно. На собраниях у нас всегда была борьба из-за этого.

Прошла неделя, Ленин молчал и я тоже, несмотря на то, что мы встречались. После этого о нашем разговоре я никому не

---

⁴⁰) Псевдоним Н. Жордания.

рассказывал⁴¹⁾. Ленина я узнал после октябрьской революции. То, что он мне сказал в Стокгольме, он объявил и от имени правительства: «Все национальности имеют право отделиться от России, мы же сами себя сумеем обеспечить». Что вышло из этого — мы все знаем: прежде всего они сели на голову русских масс, а потом на нас.

Съезд окончился, избрали Центральный Комитет, в который попал и я.

Вернулись мы в Россию. Постоянное место пребывания Центрального Комитета была Финляндия, город Териоки; отсюда мы отправлялись в Петербург с разными поручениями. Между 2-й Думой и правительством борьба обострилась. Наша фракция была в опасности. Я был послан в Петербург для переговоров с видными лицами об их положении: либо они должны немедленно скрыться и продолжать борьбу нелегально, либо отправиться за границу. Первого я встретил Ираклия Церетели, ознакомил его с постановлением Центрального комитета, но он сразу же отказался: «Как я оставлю товарищей, кто их защитит и кто защитит наше дело?» Ар. Зурабов согласился и сейчас-же скрылся. Ч. Джапаридзе я не видел. Большинство русских меньшевиков не верило в надвигающуюся опасность; большевики были готовы скрыться, многие из них уже дома не ночевали.

Вернулся я в Териоки и на другой же день поехал опять в Петербург уговорить Ираклия Церетели, но дома его не застал; пошел к другим депутатам и никого из них на квартирах не было. К Ираклию пошел еще раз в 11 часов вечера и опять его не было. Вернулся я в Териоки в 12 часов ночи с тем, чтобы на другой день снова поехать в Петербург. Но уже было поздно. В ту же ночь, в 3 часа утра, все депутаты-социал-демократы были арестованы, — все, кто ночевал на своих квартирах и между ними все грузины. Утром же было объявлено о разгоне Думы. Потом я узнал, что в предыдущую ночь наши были на собрании у Ник. Дмитр. Соколова⁴²⁾, где оставались до часу ночи, поэтому я не мог их найти.

После разгона 2-й Государственной думы сейчас же вышел указ о выборах в 3-ю Государственную думу и новый закон о порядке выборов, от участия в которых исключались массы (За-

---

⁴¹⁾ И. Г. Церетели помнил, что Н. Жордания ему рассказывал об этой встрече с Лениным еще во время самого Лондонского съезда. Детали последующего рассказа Церетели Б. И. Николаевскому вполне совпадают с описанием на этой странице. [Ред.]

⁴²⁾ Известный адвокат по политическим процессам; социал-демократ.

кон Крыжановского). Вместе с тем число депутатов от Грузии было уменьшено. Одновременно началась агитация за бойкот этой злосчастной Думы. По этому вопросу была созвана конференция в Таммерфорсе. По окончании ее я поехал в Грузию. В Тифлисе я нашел воодушевленные организации и приподнятое общественное настроение. Не видел я никакого страха, ни растерянности. Я начал работать в журналах и участвовать в собраниях партийных организаций. Здесь часто были недоразумения: пропагандисты ворчали: — «Мы второстепенные товарищи; нам не дают руководящих ролей». Помню один любопытный случай: пропагандисты забастовали, отказались вести пропаганду и такой оппозицией руководили одни и те же лица. В то же время появилась правая оппозиция под руководством Л. Дарчиашвили. Целью ее было выставить на первый план — национальный вопрос. Цель превосходная, но средства были непригодные. Они должны были вести борьбу внутри партии, а они начали полемику вне ее и потому никаких результатов не достигли.

Начались выборы в Государственную думу. Благодаря реакционному закону, в Тифлисе и в провинции — в большинстве округов прошли не социал-демократы, а либералы и демократы. Их кандидат был Луарсаб Андроникашвили. Наши противопоставили ему Карла Чхеидзе. Исход выборов решили армяне, которыми руководил А. Хатисов — городской голова Тифлиса. Меня два раза посылали к нему в Городскую думу. У меня с ним были две встречи. Вот что я ему сказал: «Мы социал-демократы, вы — нет. Но за социализм и его осуществление мы в данный момент не боремся. Наша основная цель — добиться политических и человеческих прав. Ваша цель — та же самая. В национальном вопросе наша позиция вам известна. Мы защищаем всех угнетенных в равной мере — ваших и наших». Хатисов был чистосердечный и откровенный человек и он ничего не скрыл от меня. Он согласился со мною, только высказал сомнение в том, удастся ли ему убедить своих товарищей: — «Андроникашвили — кадет, мы тоже кадеты, как можно не дать голос партийному товарищу, а дать его вам? Постараюсь!». Выборы кончились победой Карла Чхеидзе. Армянский национализм в этом сыграл большую роль: армяне смотрели на Андроникашвили не как на товарища по партии, а как на грузина-националиста, т. е. противника армян.

В это время в Кутаисе шла горячая выборная кампания. Все наши организаторы и ораторы были направлены туда. Мы выставили кандидатом Евгения Гегечкори. Как раз перед выборами

я поехал в Ланчхуты и ждал там результатов выборов. У меня сидел Гриша Уратадзе⁴³⁾, когда пришла телеграмма: «Гегечкори не выбран». Мы чуть не упали в обморок. Но на второй день мы узнали, что это была ошибка: Евгений Гегечкори был избран.

В Тифлисе я жил в одной еврейской семье нелегально, недалеко от своей семьи, куда я тайком заходил. Вообще я чувствовал себя довольно свободно, но из осторожности выходил только по вечерам. Особую опасность представляли мосты, где стояли многочисленные чины охранки и осматривали публику. Раз вечером я шел с Головинского проспекта и в конце его, около полицейского участка, кто-то подошел ко мне и по-русски сказал: «Вас просит пристав на секунду». Я продолжал идти, но мне преградили дорогу незнакомые лица. Я не подчинился их предложению, и во время этого разговора публика меня узнала и вокруг нас собралась огромная толпа; тогда агенты взяли меня под руки и силой ввели в участок. За мной последовала толпа, среди которой я узнал С. Джугели и других. Масса народу вошла в участок, пристав пригласил меня в кабинет и попросил мои документы. Я показал подложный паспорт. Он протелефонировал в жандармерию и сказал: «Это не Жордания, все бумаги в порядке». Оттуда ему что-то ответили. Вдруг он закрыл двери и сказал: «Мне сказали, что вы — Жордания, и не надо верить вашим бумагам». Что мне оставалось делать? Я сказал ему, кто я, и хотел уничтожить паспорт, так как за подложные документы полагалось три месяца тюрьмы, но я не успел этого сделать: вошли охранники и взяли все бумаги, сочувствующую толпу выгнали, а меня поместили в какую-то грязную комнату; потом меня отправили в жандармерию, а оттуда в Метехи.

Я интересовался, какое обвинение предъявят мне, кроме Выборгского воззвания и подложного паспорта. Неожиданно из Тифлиса меня отправили в Петербург в сопровождении двух жандармов. Это путешествие было сплошным удовольствием, за исключением остановки во Владикавказе, где одну ночь я провел в тюрьме в камере уголовных. Они приняли меня за вора или убийцу и в общем отнеслись ко мне хорошо. Как они были на другой день рассержены, когда жандармы пришли за мною! Они стали кричать: «Он нас обманул, он не наш». После Владикавказа я провел несколько часов в Ростове, а потом безостановочно мы ехали до Петербурга, где я был заключен в тюрьму,

---

⁴³⁾ Известный журналист. Он был послан в Москву для подписания договора с Кремлем о признании независимости Грузии.

куда направляли больших государственных преступников, помещали их в одиночные камеры и они не имели права разговаривать ни с кем, даже во время прогулок. Обращение было сносное; пищу я выписывал из тюремной кухни по своему выбору.

Через неделю я получил повестку явиться в суд по обвинению в подписании Выборгского воззвания. На суде меня защищал адвокат (фамилии его не помню). Я был приговорен к трем месяцам тюрьмы, как и все выборжцы. К этому еще прибавили три месяца за подложный паспорт. На суде я объяснил мотивы и цель Выборгского воззвания. Эта речь была напечатана у нас⁴⁴⁾.

После восьми месяцев тюремного заключения я был вдруг освобожден. Никто этого не ожидал, все думали, что я буду выслан в Сибирь. По выходе из тюрьмы я пошел повидать Карла Чхеидзе на квартиру социал-демократической фракции; там мне посоветовали перейти на нелегальное положение, но я не согласился и решил — пусть будет, что будет. Через несколько недель я поехал к себе в Грузию. Моя жена служила в Бакинской городской управе и жила там с детьми. В Тифлисе они жили в нужде. Я остался в Баку. Давид Сараджишвили поручил мне составить каталог его библиотеки и назначил мне в награду определенную сумму. Я поехал в Тифлис, составил список книг, вернулся и начал распределять их по отделам каталога. В это время несколько грузин и я начали издавать легальный журнал.

Моя жена Инна была в Баку членом меньшевистской организации и регулярно работала в партии. Она руководила избирательной кампанией в 4-ю Государственную думу в 1912 г., последствием чего был провал черносотенца Тимошкина⁴⁵⁾ и выбор М. И. Скобелева⁴⁶⁾.

После окончания каталога, Д. Сараджишвили предложил мне поехать в Италию и там изучать кооперативное движение. Я с удовольствием принял это предложение и в 1910 году я с женой и двумя детьми приехали в Италию, в деревню Кави (вблизи Генуи), на берегу моря. Я посетил районы, где было наиболее развито кооперативное движение, и приступил к исполнению своей миссии. Там я пробыл несколько месяцев, собрал материалы, познакомился с народом. Понравились мне итальянцы, которые на нас похожи; жители деревни — учителя и другие — стали моими друзьями, многие из них говорили по-французски.

---

⁴⁴⁾ Текст речи также был напечатан в «Голосе социал-демократа», № 13, апрель 1909 г. [Ред.]

⁴⁵⁾ Депутат 3-й Думы, крайний реакционер.

⁴⁶⁾ Социал-демократ, министр труда Временного правительства.

В Кави, я получил письмо из Парижа с сообщением, что назначен пленум Центрального комитета Российской социал-демократической партии с требованием — приехать обязательно. Я, как член Центрального комитета, обязан был присутствовать и потому немедленно выехал. По дороге я остановился в Сен-Ремо, чтобы повидать Плеханова и переговорить с ним. Он был очень сердит на большевиков и требовал их исключения из партии, называл их «разбойниками», «ворами»: «несмотря на постановление Лондонского съезда они продолжают устраивать экспроприации» и пр. В то же время он был недоволен и меньшевиками-«ликвидаторами», каковыми они были в действительности: они думали, что замедляя нелегальную работу и усиливая легальную, они добьются некоторых политических прав. Этим течением руководил Потресов, Дан и до некоторой степени Мартов. Плеханов был доволен нашей революционной позицией и выразил надежду, что я сумею поставить в Центральном комитете вопрос об исключении из партии и экспроприаторов и ликвидаторов. Я этого ему не обещал, но и не отказался: у меня сейчас же появилась мысль: если эти две категории выбросить, то кто же останется в Париже? Моей целью было примирение, объединение партии. По поводу этого я поместил в венском журнале Троцкого «Правда» статьи. Но всё оказалось утопией. Я подошел к этому вопросу с грузинским мировоззрением: можно быть революционером и демократом в одно и то же время и оставаться в одной группе. С этими идеями я поехал в Париж.

Заседание Центрального комитета было вызвано арестом Литвинова, когда он менял за границей ассигнации, похищенные на Эриванской площади, в Тифлисе.

Большевики старались доказать, что это дело политического характера и тем самым дать Литвинову возможность освободиться. Большевики действительно добились своей цели: Швейцарский суд признал это дело политическим и Литвинов был освобожден. Но результаты были скандальные для нас: по всей Европе разнесся слух, что российские социал-демократы — это бандиты, грабители и т. д.

Интернационал заволновался: «Что нужно такому сброду среди нас?». Меньшевики и польские социал-демократы присоединились к этому мнению и потребовали созыва Центрального комитета, чтобы положить раз навсегда конец такому скандалу.

В Париже собрался весь Центральный комитет в следующем составе: четыре меньшевика (в том числе и я), четыре большевика, три польских социал-демократа (Тышко, Варшавский, Дзержинский) и один латыш⁴⁷⁾.

Большевики во главе с Лениным испугались и пошли на уступки всем нашим требованиям. Между ними было требование о передаче Центральному комитету всех денежных знаков, похищенных в Тифлисе, для их сожжения. Они всё подписали, но ничего не исполнили: деньги не были переданы и не были сожжены, а тайно разменивались и дальше. Всё же экспроприации приостановились, тем более что специалисты по экспроприациям были арестованы в Тифлисе.

Так или иначе, мы достигли соглашения, и была принята общая политическая резолюция. После двухнедельных дебатов Центральный комитет разошелся в согласии. Я вернулся в Италию и по дороге заехал к Плеханову с докладом. Он был сильно взволнован, рассердился, почему мы не постановили выгнать большевиков из партии: «Наш престиж поднялся бы, а что касается денег, то они их никогда не сожгут» и т. д. Также он был недоволен тем, что не были исключены из партии Потресов и Дан, как «неисправимые ликвидаторы». Я кое-как успокоил его, говоря, что мы сделали первый шаг, а за ним последуют и другие, и на этом я простился.

Я вернулся в Грузию, а Инна с детьми поехала в Баку, где получила место в Городской управе. Я бывал в Тифлисе, в Ланчухтах и в Баку, продолжал работать как в прессе, так и в организациях. В это время мое главное внимание было обращено на национальный вопрос. Как и все партии, защищая целостность

---

⁴⁷⁾ На январском Пленуме ЦК РСДРП 1910 года в Париже с решающими голосами присутствовали 14 членов ЦК: от большевиков — И. Ф. Дубровинский («Иннокентий»), И. П. Гольденберг («Мешковский»), Г. Е. Зиновьев («Григорий») и В. П. Ногин («Макар»); от меньшевиков — А. С. Мартынов, Б. И. Горев-Гольдман («Игорь»), Ной Рамшвили («Петр») и Ной Жордания («Костров»); от поляков — Л. Иогихес («Тышко») и А. С. Варшавский («Варский»); от бундовцев — Ф. М. Койген («Ионов») и И. Л. Айзенштадт («Юдин»); от впередовцев — В. Л. Шанцер («Марат») и от латышей — «Либавский».

С совещ. голосами были приглашены: член редакции Центр. органа («Социалдемократ») — В. И. Ленин (кандидат в ЦК), Л. Б. Каменев (член редакции «Пролетария») и Ю. О. Мартов (член редакции «Голоса социал-демократа»); от редакции венской «Правды» — Л. Д. Троцкий; кандидат в ЦК — А. А. Богданов. Особо был приглашен на пленум, но не прибыл по болезни, Г. В. Плеханов. (В. И. Ленин. Сочинения. Том XIV, изд. второе. Госиздат. Москва-Ленинград, 1929 г., стр. 533, примечание 139 к статье «К единству» на стр. 246). [Ред.]

Российской империи, я строил свои проекты так, чтобы вопрос этот был исчерпан в рамках империи. Культурную автономию я считал бесспорной для всех национальностей, но территориальную автономию считал спорной, так как это дало бы повод возникновению вражды и борьбы среди национальностей. В конце концов, пришел к следующему заключению: территориальная автономия нужна для территорий, населенных однородной национальностью. Это было бы одно решение: например, грузинский кантон. Но при территории, населенной разными национальностями, для них автономия предоставляется в вопросах культуры. На эту тему я много писал в грузинской прессе и в заграничной русской.

Я получил сведения, что Столыпин после разгона 1-й Государственной думы разослал тайный циркуляр, что можно преследовать членов 1-й Государственной думы только в порядке суда. Это спасло меня от ссылки в Сибирь в 1908 году. Часто я думал, какие репрессии изобретут они против меня и какие выдумают обвинения для будущего суда. Я хорошо знал, что тифлисской жандармерии не нравилось мое возвращение из-за границы, и ее агенты неустанно следели за мною. Однажды вечером в Ланчхутах ко мне пришли неожиданные гости и я очутился в кутаисской тюрьме. Прошел месяц, прокурор предъявил мне обвинение по 126 статье, т. е. обвинение в покушении на свержение существующего государственного строя, в доказательство чего приводились мои газетные статьи и выписки из них.

Узнав об этом, мои товарищи взволновались. Социал-демократическая фракция Государственной думы решила прислать для моей защиты Н. Д. Соколова. Конечно, в выписках из моих статей нигде не могли они найти призыва к свержению существующего политического строя, да и писать об этом было невозможно, так как цензура не пропустила бы. Видно было, что было просто решено изолировать меня от общества. Кутаисский суд приговорил меня к трём годам тюремного заключения. Соколов приехал с опозданием: он прибыл, когда приговор был уже произнесен. Но суд также постановил, что меня можно освободить под залог 3.000 рублей. Я апелировал в Палату и начал искать эту сумму; в Грузии не оказалось лица, которое могло бы мне одолжить эти деньги. В один день я получил телеграмму от Инны: «3000 рублей я достала и внесла в казну». Я был очень удивлен, где она их достала. Меня освободили, я отправился в Баку и узнал, что там друзья сказали Инне: — «Здесь живет нефтепромышленник Манташев; надо пойти к нему и по-

просить деньги». Я лично знал его по Тифлису, когда он писал разные фельетоны в журнале «Иверия» под псевдонимом «Дон-Яго». Он сейчас же дал Инне нужную сумму.

В 1913 году Россия праздновала 300-летие царствования дома Романовых. По этому поводу провозглашена была Николаем Вторым небольшая амнистия, которая не касалась политических, но в широком масштабе применялась к преступлениям в печати. Совершенно неожиданно для себя я подпал под амнистию. Палата прекратила мое дело. Инне вернули залог в 3.000 рублей, которые она вернула Манташеву. Он был этим крайне удивлен: «В первый раз возвращают мне деньги».

Инна⁴⁸⁾ была главной руководительницей выборной кампанией для проведения в депутаты М. И. Скобелева при выборах 4-й Государственной думы. Поэтому жандармерия запретила ей жить на Кавказе в продолжение трёх лет. Она вынуждена была поехать в Россию; нашла место в Москве, где и поселилась с детьми.

Так как я часто болел, то решил выехать за границу для лечения и в то же время избежать полицейских преследований. Конечно, я никогда не думал о деньгах для путешествия. Самый главный покровитель, который нам оказывал помощь, был Сараджишвили: крупный промышленник, образованный буржуа и по природе широкий человек. Он помогал нашим партийным организациям, помогал и мне. Почему? — Однажды он мне сказал: — «Грузинской буржуазии не существует; если бы нас было сто человек-промышленников, как я, мы стали бы во главе грузинского общественного движения, а вас бы и близко не подпустили. Теперь в нашей стране нет такого патрона. Дворянство — это прошлое, и его правительство не годится и невозможно. В этой роли я никого не вижу, кроме вас и ваших организаций. Народ учится благодаря вам объединению сил в борьбе и действию, поэтому я вам и помогаю. наших главарей интеллигенции: Цхведадзе, Илью Чавчадзе и других, я никак в этом не мог убедить, и они всегда меня упрекали . . . »

Благодаря его помощи и помощи организаций, я имел возможность путешествовать за границей.

В начале 1914 года я получил из Петербурга от Карла Чхеидзе, депутата Государственной думы, сообщение о созыве Организационного комитета и адреса в Киеве. Отправился я туда и встретил то лицо, которое мне было указано — адвоката-еврея, фами-

---

⁴⁸⁾ Партийная кличка Инны была «Тамара».

лию которого не помню. Долго искал он членов Организационного комитета, но никого не нашел. Адвокат оказал мне товарищеское гостеприимство. Пробыл я в Киеве две недели в бесплодных исканиях и ни с чем поехал в Тифлис⁴⁰). Партийная жизнь в России была мертва. В Киеве не было ни одной организации и на политическом фоне видна была только Государственная дума и наша социал-демократическая фракция. А в это время в Грузии у нас выходила ежедневная легальная социал-демократическая газета. Организации работали и все были на местах, несмотря на репрессии властей. С этой стороны Грузия представляла собою оазис. На Кавказе еще только в Баку существовала организация, которая едва дышала.

Так как в России не было никакого Центрального комитета, то я решил искать его за границей. Там Центральный комитет фактически представлял собою два комитета и они собирались отдельно и что-то делали. В июне я уже был в Вене; повидел Троцкого, А. Зурабова и других. Членов Центрального комитета здесь не было. Написал несколько статей в журнале Троцкого о взаимоотношениях большевиков и меньшевиков и о национальном вопросе.

У Троцкого и других русских социал-демократов не было никаких революционных перспектив и общее мнение их было таково: «В России нет сейчас почвы для работы; подождем...» Жили они беспечно и организовывали собрания из эмигрантов. Часто я бывал у Троцкого; он жил с женою и своими двумя мальчиками. Жил широко, видимо, получал средства от родителей или родственников. В это время он стоял на той же точке зрения, которую высказал и в своей книге относительно русской революции в 1905 году: она должна, если победит, быть не только демократической, но и социалистической. — «Но, — сказал он мне в одной беседе, — это далекое будущее».

Поэтому такой прогноз он не проводил ни пропагандой, ни в прессе. В то время для этого не было даже аудитории. большевики и меньшевики на эту идею смотрели отрицательно, считали ее фантазией и называли «троцкизмом».

---

⁴⁰) В существующей литературе нет никакого указания о созыве Пленума Организационного комитета в Киеве в начале 1914 г. Весной 1914 года Мартов, Батурский и др. меньшевистские руководители уехали за границу, на совещание организованного Бюро Социалистического Интернационала в Брюсселе. [Ред.]

ГЛАВА VI

Первая мировая война. Оборонцы и интернационалисты в грузинском меньшевизме

Я должен был провести лето в горах, в Швейцарии, что необходимо было для моих легких. Поехал я в Монтре, провел там три недели; в конце июля, по совету врачей, поднялся в Беатенберг. Там я застал массу русских, приехавших сюда на лето из России, но среди них не встретил ни одного партийного или политического деятеля. Здесь я должен был остаться до конца августа, чтобы потом отправиться в Цюрих — центр большевиков, а оттуда в Женеву — центр меньшевиков. Я знал, что здесь живет Власа Мгеладзе, приехавший на время из Грузии, а также много грузин-эмигрантов, социал-демократов.

В конце июля из банка в Монтре пришло уведомление, что на мое имя получены деньги. 1 августа я встал рано утром, поторопился поехать в Монтре и получил их. На следующий день, 2 августа, была объявлена война. Банки закрылись, все остались без денег, только я один оказался исключением.

***

Не могу описать, какое волнение вызвало объявление войны, какая началась неразбериха как среди русских, так и среди местных жителей.

Из Парижа приходили плохие вести: убийство Жореса, растерянность правительства, наступление германских войск на Бельгию и Францию. Все думали, что через две недели немцы будут в Париже. В Швейцарии была объявлена мобилизация; по мнению всех — война началась по вине русских, русские вызвали войну; одним словом — веселый приятный сезон превратился

в печальный. Я решил сейчас же вернуться в Грузию и искать дорогу, по которой можно было бы туда попасть. И эта дорога была море. Узнал, что пароходы уходят только из Венеции. Протелеграфировал в пароходную кампанию, прося одно место на пароходе; получил ответ, что все места заняты. Духом я не упал и решил с помощью итальянских социалистов попасть на пароход. В Цюрихе взял рекомендательное письмо от Аксельрода и поехал в Милан, прибыв туда в тот же день вечером. Я не нашел в Милане Туррати, он уехал на дачу. Мой план провалился. Вспомнил, что в этом городе выходит центральный орган социал-демократической партии «Аванти», отправился в ее редакцию. Было поздно, около 10 часов вечера. Я позвонил. Швейцар открыл дверь и сказал, что в такое позднее время никого нет в редакции. Я вышел во двор и увидел в верхнем этаже свет. Через некоторое время прибежал швейцар: «Вы правы, редактор здесь». Я спросил имя редактора. «Муссолини», — ответил он. Никогда этого имени я не слышал и не знал, как он меня примет. Послал швейцара передать ему мою просьбу, чтобы он меня принял. Когда я вошел в кабинет, он встал и принял меня радушно. Узнав, что я из России, сейчас же задал мне вопрос: «Россия, сможет победить Германию?» — «Сомнительно», — ответил я. — «Что Вы говорите? Стомиллионный народ не сможет победить? Я этому не верю», — повторил он с болью в голосе. Я ему объяснил недовольство русского народа, рабочего класса, оппозицию либералов и т. д. Он посмотрел на меня, привстал и громко сказал: „Nous ne permettrons pas aux allemands d'écraser la France“. — Я удивился и задал ему вопрос: «Кто это вы? Италия ведь в союзе с Германией? Социалистическая партия против войны», — продолжал я. „Nous verrons cela aussi“, — ответил он. Такое откровенное и сильное франкофильство произвело большое впечатление на меня, несмотря на то, что с момента, как я начал политически мыслить, я всегда считал себя франкофилом. Но Муссолини превзошел все мои настроения в этом отношении. Вот отсюда начинается его психологический отход от социалистической партии и поиски собственной дороги.

Муссолини, как только узнал цель моего посещения, сейчас же дал мне рекомендательное письмо к секретарю морского синдиката. Я уехал первым поездом и на другой день был в Венеции.

В первый раз увидел я этот город; удивили меня многочисленные каналы и . . . комары.

Здесь собралось много русской аристократии в надежде отправиться на родину. Я посетил секретаря синдиката, который сейчас же сделал распоряжение дать мне место на пароходе. Я был

помещен в офицерской каюте с моим билетом 3-го класса. Так дешево и скоро я направился на родину.

Кого только не было на этом пароходе: здесь был Витте, бывшие или будущие министры. Настроение было приподнятое и они на будущее смотрели с большой надеждой. Витте, стоя посередине палубы, громким голосом уверял, что русские будут в Берлине через три месяца. Он вспоминал о многих войнах, когда русские бывали в Пруссии победителями. Хвастовство Витте я считал беспочвенным и глубоко верил в то, что я сказал Муссолини. Я хотел поражения России, но не желал поражения Франции. Я не соединял военную судьбу обоих этих государств; с этими убеждениями я приехал в Одессу, а оттуда в Москву, чтобы навестить прежде всего свою семью. Я повидался там с адвокатом Малянтовичем, с большевиком Скворцовым и с другими социал-демократами, интеллигентами. Однажды я был приглашен на квартиру Малянтовича, где сделал доклад собравшимся социал-демократам о том, что я видел и слышал за границей о войне. Когда я поделился с ними мыслями редактора «Аванти» Муссолини, на них это произвело большое впечатление. Собрание постановило составить декларацию о войне. Все согласилось относительно необходимости защиты западных демократий, и прежде всего Франции, от германо-австрийского милитаризма, но в отношении России единодушия не было. Некоторые требовали поддержки всей антигерманской коалиции, в том числе и России, и высказывали надежду, что победивший русский народ сможет добиться демократических прав. Мы спорили два дня; наконец, достигли компромисса: приняли в принципе желательность победы над Германией всей коалиции и надежду на победу демократии повсюду. Составление декларации было поручено Малянтовичу. Я дал знать об этом Карлу Чхеидзе, а сам отправился в Грузию⁵⁰).

Декларация была отправлена социал-демократической фракции Думы, что вызвало в ней сильную оппозицию: все депутаты, большевики и меньшевики, считали, что в случае победы Германии над Россией, это вызовет революцию, а что случится с остальной коалицией, этим они не интересовались.

Когда я вернулся к себе, я нашел эту тенденцию распространенной во всей партии и среди интеллигенции. Я созвал объеди-

---

⁵⁰) Текст резолюции, составленный Малянтовичем, был напечатан в сборнике «Памятники агитационной литературы РСДРП», том VI (1914-1917 гг.), выпуск 1. Прокламации 1914 г., Москва, 1903, док. № 70, стр. 294-295. [Ред.]

ненные Областной и Тифлисский комитеты. Главный аргумент германофильства был следующий: если Германия победит Францию, то это будет победа прогресса над реакцией; Германия стоит выше Франции своей индустрией, сознательностью трудовых масс, сильной социал-демократической партией и пр. На что пригодна Республика, когда внутри ничего нет? Вот эти взгляды преобладали и их выразителями были Ной Рамишвили и Ной Хомерики (оба впоследствии министры в кабинете Жордания: первый — внутренних дел, второй — земледелия). Мои взгляды относительно ориентации на демократические страны, и в частности на поражения как России, так и Германии, не были разделены. Многие считали их буржуазными идеями, ведущими лишь к усилению англо-французской буржуазии, и утопическими. Они находили, что победить должна или одна или другая коалиция, третьего выхода не могло быть. После этих бесплодных споров каждый остался при своем мнении. Отправился я в Ланчхуты, где стал заниматься сельским хозяйством и в то же время сотрудничал в газетах. Редакция каждый месяц присылала мне 20 руб. Бывал я иногда в Тифлисе. Между прочим, я написал статью «Война и Мир», где проводил антигерманские взгляды. Эти статьи впоследствии были напечатаны в петроградских журналах. Мне там же ответили, и началась полемика на эту тему, поскольку это было возможно в эпоху войны. В конце концов, мои статьи перестали печатать в партийных изданиях. Мои сторонники, во главе с Гришей Уратадзе, выпустили несколько номеров газеты «Ахали Квали» («Новый След») в Кутаисе, но Областной комитет запретил это делать. Мы подчинились и снова начали сотрудничать в партийном органе, избегая писать по спорному вопросу.

В это время произошло два события. Русское правительство стало подозревать в измене Аджарию, но у него не было веских доказательств, кроме присутствия там нескольких турецких агентов. Но этого было достаточно, чтобы отправить туда карательную экспедицию, и ею было разорено несколько деревень. К счастью, один из начальников экспедиционного отряда был генерал Чиковани, который не проявлял жестокости; он переговорил с главарями населения и этим спас от разорения и сумел сблизить аджарцев с русскими. В конце концов, эта тактика генерала Чиковани была принята и высшими сферами. Его пример послужил для меня уроком, чтобы не сделать ложных шагов и не дать повода правительству подозревать нас в двуличности, тем более, что в это время произошли в Лозанне безответственные выступления некоторых грузин в пользу Германии против России, и вы-

сказывались также пожелания о нашем освобождении с помощью турок⁵¹).

Грузинские социал-демократы эмигранты выступили против этих заявлений, что оказало нам большую услугу в Грузии. Русское правительство убедилось, что грузинская ответственная партия — против сепаратизма.

Второе важное событие произошло в то время, когда войска Энвер-паши нанесли некоторое поражение русским войскам на границе и подступили к Сарыкамышу. Помощник Наместника по военной части, генерал Мышлаевский, решил, согласно заранее выработанному плану, оставить Закавказье, если турки перейдут границу. Разнесся в Тифлисе слух: русские уходят. Наша интеллигенция заволновалась и поспешно созвала собрание разных общественных деятелей в здании Дворянского собрания. Я был тоже приглашен.

Открылось заседание. «Русские уходят! Что нам делать?» — слышалось в толпе. Сочли нужным сейчас же выбрать временное правительство и хотели там же назвать его членов. Я и мои товарищи категорически выступили против этого плана. Обрисовали его опасность. А может быть, русские не уйдут? Тогда мы окажемся изменниками в их глазах, они разорят край, терроризируют население и т. д. Разгоряченные люди охладели, переменили тон. В конце концов, приняли наше предложение и разошлись.

Конечно, русские никуда не ушли. Ушел только генерал Мышлаевский, т. е. его удалили. Сарыкамышская битва была выиграна кавказскими войсками и Энвер-паша разбит. Одним словом, критическое положение страны требовало идейного равновесия, чтобы избежать какого бы то ни было подозрения со стороны правительства. Мы хорошо знали, что правительство обращало особое внимание на поведение социал-демократов, которые представляли народ в Государственной думе. И это означало, что они являются выразителями тайных настроений народа. Выступление в Лозанне уверило власть имущих, что мы на авантюры не пойдем. Может быть, этим и объясняется, что наша легальная и нелегальная работа не преследовались: аресты были очень редки, все товарищи были на местах и беспрепятственно работали. Только впоследствии, после революции, в архивах кутаисской жандармерии нашли предписание о моем аресте за несколько недель до революции.

---

⁵¹) Михаил Церетели и др. грузинские националисты пронемецкой ориентации участвовали в этой конференции. [Ред.]

Когда мы вели такую осторожную политику, мы видели, что у наших соседей в Армении происходили совершенно противоположные явления. Они поверили русским обещаниям и начали выполнять инструкции командования. Организовали добровольческие отряды, которые часто маршировали по тифлисским улицам и вместе с русскими войсками сражались на фронте или в тылу турок вызывали восстания армянского населения. В Тифлисе армяне стали высокомерны, смотрели на нас свысока, были уверены, что начинается эпоха их возрождения — полный разгром Турции и восстановление старой Армении. Ни у одного из них не вкралось сомнение в исполнимости этих надежд. Мы же в это время были на нейтральной позиции: не были ни против русских, ни против турок; были лояльными, чем сумели избежать многих опасностей в эту трагическую эпоху. Нашей целью было предотвратить разорение народа, где бы то ни было, и физически спасти наш народ.

Вот такие задачи заботили меня, когда я из Кутаиса получил письмо: «Немедленно приезжай!». Поехал я туда, на вокзале меня встретили и с большой осторожностью повели на одну квартиру. Там я увидел Михако Церетели, моего старого знакомого. Он раньше был марксистом, первый перевел одну главу «Капитала» и принес мне ее в редакцию «Квали» для ознакомления. Потом в Женеве он стал анархистом, позднее националистом и с этими воззрениями приехал нелегально из Германии в Грузию. Он ознакомил меня с целью нашей встречи: в Германии создан Грузинский Комитет, задачей которого является освобождение Грузии с помощью Германии и Турции. Поэтому он приехал сюда для работы — для освобождения народа и подготовки восстания, в случае перехода границ Германией и Турцией. Я категорически отказался от такой работы и объяснил почему: — «Мы не ведем войны, мы не находимся ни в одной коалиции, мы не можем быть двоедушны с русскими; наоборот, во время мобилизации народ спрашивал нас: идти или скрываться? Мы советовали не саботировать и идти на фронт. У нас в Грузии преобладает германофильское настроение, но не найдется ни одного, кто согласился бы на восстание против русских. Наша дорога не та, о которой вы говорите. Наша дорога — внутренняя русская революция!». И я прибавил: — «Это не мешает вам работать в Грузинском Комитете за границей. Может быть, и эта линия поможет». Мы долго не спорили и пришли к скорому соглашению: он нашел основательными мои доводы, и после этого мы расстались. Относительно этого вопроса у меня был разговор с другим заграничным чле-

ном комитета, Г. Мачабели, на квартире Вачнадзе. Здесь мы тоже согласились, что внутри мы будем работать по нашей линии, а они за границей по их линии: либо одна тактика оправдается, либо другая. В основном вопросе — независимости Грузии — между нами не было никакой разницы. Нужна была только тактика, которая привела бы к этой цели, и которая не причинила бы никакого физического вреда грузинскому народу. Всякую авантюру, всякий ложный шаг мы должны выбросить из нашей работы. В это время насчет независимости у нас в партии не было еще общей установки, и каждый имел свое мнение. И когда я беседовал с Церетели и Мачабели, я высказывал только мои личные взгляды, но я знал, что большинство моих товарищей, когда наступит соответствующее время, сделает соответствующий шаг для получения независимости. В конце концов, мы сочли нужным иметь коллективное мнение по этому вопросу партийной массы. Для этого мы созвали в Ланчхутах, в селении Джунджуати, конференцию представителей всех грузинских социал-демократических партийных организаций.

Центральный комитет выбрал это место, чтобы я мог присутствовать, так как я не мог далеко выезжать, будучи под надзором полиции. Вообще слежка за мною усилилась с 1917 года. Я думаю, что полиция узнала откуда-то, что у меня была встреча с заграничными эмиссарами. Конференция состоялась в 1917 году, в январе или феврале. Организатором этой конференции и ответственным за ее безопасность был Зосиме Джорбенадзе. Все лидеры были налицо. Больших споров не произошло. Все сошлись в главном вопросе, а именно: об объявлении независимости Грузии, если наступят соответствующие обстоятельства, т. е. если русские войска оставят страну. В этом случае наш акт не мог бы считаться, как измена. Наоборот, это считалось бы средством самозащиты. Может быть, в конце концов, русские одержат победу и вернуться в Грузию. Тогда они не смогут считать нас изменниками и перешедшими в другой лагерь. С такими объяснениями и толкованиями мы приняли главные идеи резолюции.

Споры возникли только о том, как провести эту резолюцию в жизнь. Рамишвили защищал мысль, что резолюция должна быть перенесена в партийную среду. Я был против этого и требовал сохранения тайны, пока не наступит соответствующий момент. Причиной моей осторожности была боязнь, чтобы правительство не усмотрело в этом измены и чтобы народ не попал под репрессии. В какой бы форме мы не предложили к сведению партии эту резолюцию, все поняли бы одинаково: социал-демокра-

тическая партия оставила русскую ориентацию и примкнула к германской коалиции. От нас отвернулись бы негрузинские элементы; на этой почве могли бы вспыхнуть национальные распри, и правительство приняло бы репрессивные меры не только в Грузии, но и на фронте среди солдат-грузин, сражающихся против неприятеля. Целый день у нас были по этому поводу споры. Ной Хомерики был вместе с Рамишвили. В конце концов, мы кончили компромиссом: резолюцию сохранить в тайне до следующей конференции. Оба Ноя, Хомерики и Рамишвили, имели свои аргументы: по их мнению, всякая резолюция, которой мы не дали бы ход, неприемлема — это были бы пустые слова, что недостойно революционной партии. Если народ не будет подготовлен, как можно использовать подходящий момент? Кто пойдет за нами? Мы остались бы одни, и партию мы сами развалили бы... и так далее, и так далее.

В конце концов, они уступили и согласились временно сохранить резолюцию в тайне! Это «временно» нам не понадобилось! Вообще во время войны я не считал нужным вырабатывать заранее политическую линию и вести работу для ее проведения. Противоположная тактика сбросила бы нас где-нибудь в пропасть. На пример Армении мы с самого начала смотрели отрицательно, что вполне оправдалось. В 1915 году русские заняли Турецкую Армению, но там армян уже не было. И русское правительство задумало принять меры к заселению ее казаками. Так оно отплатило армянам за самопожертвование. Я руководился только одной идеей — действовать согласно с обстановкой и согласоваться с ней; поступать руководствуясь практическими фактами. Действие строго по заранее выработанному плану могло привести нас к катастрофе. Наша конференция, в конце концов, приняла мою точку зрения.

Но прошел еще месяц и в нашей редакции началась дискуссия насчет резолюции. Были представлены разные интерпретации. Как только я узнал об этом, сейчас же выехал в Тифлис. На станции Самтреди я встретил кассира нашей партии Урутадзе, который очень обрадовался, увидя меня и сказал: «Хорошо, что ты приехал! Из Тифлиса я получил письмо, в котором требуют, чтобы ты немедленно приехал!» — «Я туда еду», — ответил я, — «этим же поездом». Я задал ему вопрос: «Не знаешь ли ты, почему меня так спешно вызывают?» Он ответил: «Абсолютно ничего не знаю!»

Прибыл я в Тифлис вечером, а на другой день утром зашел в редакцию. Все были там — и Центральный и Тифлисский комитеты.

— «В Петербурге большие события, получили мы от Гогиты Пагава телеграмму следующего содержания: „Мтаврбадзе гада-ицвала“ — т. е. „правительство скончалось“. В чем дело? Никто ничего не знает! Местная же власть молчит. Но узнали, что весь Тифлис кричит: «Правительство умерло!» Мы решили собрать в Нахаловке большой митинг: если администрация не примет никаких мер, значит в Петербурге что-то происходит. Но этого не понадобилось. На третий день были опубликованы телеграммы, присланные Временным правительством. Местная власть их сначала скрывала, но вынуждена была объявить населению.

Революция началась!

ГЛАВА VII

Годы революции (1917-1918)

Революция была неожиданной для всех политических партий без исключения. Революцию сделала армия. Петербургский гарнизон вышел из подчинения правительству. Революция была военного происхождения. Правда, свободу мы получили после. Как тогда говорили: — «Получили по почте». Но ее почтой получила не только Грузия, а вся империя! Центр тяжести был не в ее получении, а в ее сохранении: как руководить и использовать ее для народа? Революция 1905 года ее тоже получила, но кончилась поражением. Проигранных революций больше, чем победивших.

Первый вопрос, поставленный перед нами, был создание таких революционных организаций, которые овладели бы властью, углубили бы революцию, и в то же время не вызвали бы контрреволюции. Изоляция самодержавия, пособников и защитников его от общества была поставлена в порядок дня. Такую организацию могли создать только тифлисские рабочие, вполне подготовленные политически. В это же время Петербург объявил о создании там Совета рабочих и солдатских депутатов. Мы решили организовать прежде всего Рабочий совет. Вопрос о солдатах оставили открытым, пока их позиция будет окончательно выяснена.

Возвращаясь домой с партийного собрания, я встретил одного рабочего, который меня узнал и спросил: — «Идете на собрание к нам? Мы должны выбрать Рабочий совет!» Я был удивлен... — А где же это собрание? Кто им руководит? Не провокация ли это? И я решил пойти вместе с этим рабочим. На Михайловской улице мы вошли в маленькое помещение, где уже собрались рабочие. Чуждая для меня публика! На эстраде сидел Филипп Махарадзе и вокруг него известные большевики. Председательство-

вал Филипп. Меншевиком не было никого. Моим появлением они были недовольны. Взошел я тоже на эстраду и слушал. Филипп призывал к немедленному выбору Рабочего совета. Я взял слово и объяснил, что значит Рабочий совет и кто его выбирает. На этом собрании присутствует случайный элемент. Рабочие никого не выбрали и не прислали сюда. Если эти выборы от имени рабочих — то это была бы узурпация. Начались дебаты и здесь выяснилось, что незначительная группа большевиков хотела создать такими махинациями мнимый Совет рабочих депутатов. Этот их отвратительный маневр стал ясен, и рабочие все пошли против них и осудили их. Собрание отстранило его инициаторов, выбрало новый президиум. Было принято мое предложение — избрать инициативную комиссию для выборов и организации Совета депутатов. Выборы должны были происходить на фабриках, заводах и во всех цехах. В комиссию были избраны все наши люди. В это время меня отозвал в сторону Валико Джугели — видный большевик, позвал он и других своих товарищей, кроме Филиппа, который рассердившись покинул собрание. Джугели сказал мне: «Я вижу, что руководство Рабочего совета будет принадлежать вам. Надеюсь, что вы не забудете нас и дадите нам работу». Я, конечно, обещал. И с этого дня начинается отход Валико от большевистской фракции и его переход на нашу сторону. Данные ему обещания мы выполнили, он был в курсе всех дел и мы ему давали ответственные поручения⁵²). Другие большевики отстранились и не имели с нами никакой связи. Издавали свой орган и работали фракционно.

На третий день на площади Надзаладеви — в Нахаловке — был организован большой митинг. Присутствовало бесчисленное множество народа; было много трибун, и ораторам была дана возможность бесконечно говорить! Этот поток слов мне надоел, и я отправился для отдыха в сторону Школы садоводства. Войдя туда, я увидел в школе хорошо организованное собрание, состоявшее главным образом из солдат. В президиуме был один военный и один штатский. Первый был Верещак, а второй — Илико Карцивадзе, эсер. Я сейчас же понял в чем дело: эсеры захотели организовать Совет солдатских депутатов и руководить им. Такое

---

⁵²) Биография Валико Джугели не лишена интереса. Член боевой организации большевиков в Москве в 1905 г., он участвовал в декабрьском восстании. В 1917 году, как рассказывает Жордания, он перешел к меньшевикам и стал во главе грузинской Народной гвардии. В 1924 году он был расстрелян большевиками в связи с неуспешным восстанием в Грузии. [Ред.]

начало было похоже на большевистский заговор. Я присел и слушал. Выяснилось, что здесь находятся представители всех частей, кроме саперов, которых их начальники не выпустили и заперли в казармах. Илико внес предложение — немедленно всем отправиться освобождать этих товарищей. Предложение было принято. Вижу, начинается авантюра, которая может кончиться кровопролитием. Я взял слово и выступил против. Я сказал: «Достаточно послать делегацию к начальнику. Но выступление такой массы народа против казарм может закончиться трагически». Они согласились со мною, была выбрана делегация, которая мирно и удачно разрешила все вопросы без всяких инцидентов. Удивительно, что Верещак и Илико Карцивадзе хотели организовать выборы Совета солдатских депутатов; я думаю, что они сделали это не будучи в курсе дела, но не потому, что устраивали какой-нибудь заговор. Мы разошлись. И я пришел к заключению: видно, Советом рабочих депутатов будет руководить социал-демократическая партия, а Советом солдатских депутатов — партия социалистов-революционеров. На этом собрании я обратил особое внимание на члена президиума молодого солдата Верещака. Его здравые рассуждения сильно отличались от фантастических авантюристических настроений Илико Карцивадзе.

Через неделю Совет рабочих депутатов был организован вместе с его президиумом, председателем которого был избран я. Не знаю — кто выставил мою кандидатуру. Знаю, что избирательная комиссия и Исполнительный комитет единогласно выбрали меня. Секретарем президиума прошел Георгий Цинцадзе, товарищем председателя — Герасим Махарадзе. Когда был организован Совет солдатских депутатов, председателем которого был Верещак, мы создали объединенный президиум, и Верещак числился моим заместителем, членами — Мухаринский и другие военные.

В Тифлисе в продолжение нескольких дней полиция была распущена. Гарнизон был против старого правительства, но и на новые органы власти смотрел с недоверием. Город остался без хозяина. ОЗАКОМ — Особый Закавказский Комитет, — назначенный Временным правительством, висел в воздухе. Со всех сторон шли к нашему Исполнительному комитету требования — возьмите власть в свои руки. Такое предложение было для нас неприемлемо. Мы были согласны защищать общественный порядок; но в то же время были верны Временному правительству и были его помощниками. Ненужно было создавать впечатление, что создается рабочее правительство, которое запугало бы либеральные элементы и отбросило бы их вправо. Чтобы этого избежать, мы произвели муниципальные выборы, которыми руково-

дили лидеры трех национальностей: армян — Хатисов, городской голова; грузин — я; русских — офицер Попов. С одной стороны, объединились революционные элементы советов, а с другой стороны, революционно-либеральные элементы городского самоуправления. Реальную силу представлял Совет рабочих.

В городе начались анархические явления: грабежи, убийства. Исполнительный комитет решил наскоро организовать полицейские отряды, которые твердой рукой подавляли криминальные выступления. Для усиления их мы выписали из Гурии отряд под руководством Власа и Коте Имнадзе. О рабочей гвардии не было еще и мысли. Мы еще питались иллюзиями: существует армия и излишне создавать еще что-то новое. Летом 1917 года начались массовые кражи и другие тяжкие преступления, на что Исполнительный комитет ответил учреждением военно-полевых судов и расстрелом виновных. С этого времени фактически утверждается власть Совета рабочих депутатов, и все высшие учреждения, как например, «ОЗАКОМ», городское самоуправление и т. д. обращаются к нему для приведения в исполнение разных постановлений. Были случаи, когда некоторые их постановления не приводились в исполнение, так как мы с ними не были согласны. Чтобы избежать разногласий, эти учреждения вызывали меня на собрания, мы вместе выработывали решения, и эти приказы немедленно приводилось в исполнение нашим аппаратом. Таким образом, организовалась общая работа, и этому примеру следовала провинция. Само собой разумеется, основные политические и организационные вопросы обсуждались прежде всего в нашем социал-демократическом комитете, где я был председателем. Но я часто, за неимением времени, не успевал присутствовать на всех собраниях, и меня замещал там Н. Рамишвили. Работа Совета и партии шла единодушно. Все постановления их руководящих органов были согласованы. Большинство Рабочего совета было из социал-демократов. И что же тут удивительного, если там шла координированная работа. Одним словом — действительным, фактическим руководителем всего движения была наша партия. Исполнителями же были Советы. Совет солдатских депутатов под руководством Верещака, Мухаринского и других следовал за нами. Вообще социалисты-революционеры никогда не представляли проектов, которые различались бы с нашими, в местных делах. Зато между нами была разница в оценке петроградского правительства. В чем было дело? Главным вопросом для нас было организовать рабочих вокруг себя. Поверхностные общественные деятели, между прочим, и некоторые грузинские меньшевики все свое внимание обращали на то, чтобы заслужить доверие Вре-

менного правительства и укрепить его. Массу можно было удержать реформами, новыми фактами. Что касается правительства, оно могло держаться благодаря разным правительственным и министерским комбинациям. О массах было ложное представление: хороший оратор, ловкий политик легко может их себе подчинить, и толпа за ним последует. Отсюда возник лозунг — довести страну до Учредительного собрания, которое сможет компетентно провести разные реформы. И этот орган должен быть выбран по демократической системе и по последнему слову избирательной техники; и повсюду по всей империи и одновременно. Этот демократический кретинизм болтливой бездельной интеллигенции был неприемлем и непонятен для народа, который всегда живет и мыслит реально и согласно фактам. Вот, вследствие этого Петербургский Совет рабочих очутился в руках большевиков. Повсюду массы стали на их сторону.

***

Эти события сильно повлияли на меня и я принужден был по прямому проводу говорить с И. Церетели и Н. Чхеидзе, ознакомив их с позицией нашей партии и Совета; требовал реформ и решительных мер для заключения мира. Они не дали иного ответа кроме утешений, успокоений и т. п. И эти оптимисты выдумали Демократическое совещание, которое называлось Предпарламентом. Этот орган должен быть так авторитетен, что восстановил бы порядок и довел бы народ до Учредительного собрания. Мы тоже были приглашены, и вместе с другими делегатами отправились в Петербург. Нас встретил Ираклий Церетели и с вокзала взял нас прямо на заседание меньшевистской фракции. Ираклий после революции приехал из Сибири и быстро сделался лидером русских меньшевиков, и в то же время стал членом Временного коалиционного правительства, вопреки постановлению Петербургского Совета рабочих и Грузинской социал-демократической партии, что социал-демократы не должны входить в правительство. Но социал-демократическая фракция Совета не обратила на это внимание, и вопреки постановлению грузинской социал-демократии, решила ввести в правительство двух своих членов.

Само собой разумеется, я заинтересовался, что это за фракция, оторванная от массы, которая действует самочинно и надеется на победу. Пришел я на ее заседание. Никогда не забуду своего первого впечатления: полная неразбериха. Никто не знал, что делать,

как действовать. Здесь были те самые пропагандисты, которых я видел в России и на партийных съездах, которые не имели никакого определенного мнения в таких сложных обстоятельствах.

И вот они собрались действовать! Когда Ираклий появился, все замолчали и предоставили ему слово вне очереди. Видно было, что Ираклий был для собравшихся лидером и путеводителем. Все следующие ораторы основывались на «Ираклие Георгиевиче» как главном авторитете и повторяли его мысли. Это баранье стадо было его стадом, а Дан и другие входили в его свиту. На следующий день было объединённое собрание меньшевистских депутатов с местными организациями. Неожиданно председателем назвали меня. Там были Мартов, Дан, Мартынов и другие «сливки партии». Я согласился. Мы приняли постановления и выработали директивы, которые должны провести на Демократическом совещании. Главным пунктом этих директив был тот, который мы приняли в Тифлисе — образование некоалиционного демократического правительства, исключение представительства в нем цензовых классов и принятие туда большевиков. Поручили провести эту резолюцию Мартову, но этого он не сделал. На второй день он примкнул к предложению о создании коалиционного правительства, с чем боролись большевики. Большевики оторвались от масс. На Демократическом совещании только одна группа знала что делать. Это была группа Троцкого. Они кричали — «вся власть Советам!» Другие группы требовали создания коалиционного правительства. Даже идея создания демократического правительства исчезла во время словесной дуэли Церетели—Троцкого. Выбрали Предпарламент, туда же выбрали и меня. Мне стало ясно, что этим мы не предотвратим катастрофы. Массы отрываются. Большевики и социалисты-революционеры одинаково изолированы как от народа, так и от военных. И оставаться здесь я находил бесполезным. Я присутствовал на одном митинге, где выступали известные меньшевики: Либер, Дан и другие. Это было не собрание, а панихида. — Идет большевизм, всё будет уничтожено! Что нас спасет? — Нет никакого спасения! Одним словом — исключительный пессимизм и отчаяние проглядывало во всех их речах и мыслях. Ясно — после выступления таких лидеров — массы перешли к большевикам, к новому восходящему солнцу!

Вернувшись в Грузию, я сделал доклад во всех революционных организациях (отчеты об этом напечатаны). Все приняли соответствующие резолюции, но все видели, что центральная власть ненадежна. Единственная дорога и наше спасение — в укреплении местной власти.

Такое ослабление власти в России объясняется тем, что в правительстве активно действует буржуазия, но в нем нет представителей ни рабочего класса, ни крестьян. Идеологи последних, меньшевики и эсеры, оторвались от них и открыли двери большевикам. Главная задача революционной партии всегда была — установить связь со своим классом. Русские социалисты этого не добились; они оказались, скорее, под влиянием буржуазии, чем под влиянием трудящихся масс. Их оппортунизм — их же взорвал.

Как только я приехал в Тифлис, я сделал доклад в Центральном комитете и потом в Исполнительном совете рабочих. Первым делом я убедил партийный аппарат, что мы должны взять власть в свои руки, когда настанет время. Это было необходимо сделать, тогда как раньше мы убеждали наших товарищей, что социал-демократы не должны входить в буржуазное революционное правительство, а оставаться в оппозиции до социальной революции. Не раз были и мною напечатаны статьи такого содержания в газете «Социал-демократ» 1905 года. Теперь я увидел несостоятельность такой теории и губительные последствия ее осуществления. Вот этой идеологией были проникнуты русские меньшевики, и они всячески избегали вхождения в правительство и взятия на себя ответственности. Они послали туда двух делегатов, как наблюдателей на второстепенные посты. А главные места уступили буржуазно-эсеровской коалиции, в которой не было представлено ни одного класса, даже и буржуазии. Центральный и Исполнительный комитеты вполне согласились со мною, с моим докладом и планом действия.

Прежде всего, у нас должна была быть вооруженная сила. Сначала мы думали, что для нас необходимы национальные полки. Начали их формировать. Этот процесс был продолжительным и в это время произошел большевистский переворот. Их пропаганда бросить фронт и вернуться домой проникла и в тифлисский гарнизон. Мы приняли немедленно меры, чтобы большевистская пресса не могла бы проникнуть на фронт, так что войска, стоящие на турецкой границе, долго не знали, что происходит в Петербурге. Но тифлисский гарнизон начал разлагаться. Грузинские полки подпали под влияние большевиков. Один из них стоял на Вере (район Тифлиса). Он организовал митинг и пригласил нас. Когда я туда пришел, то увидел Филиппа Махарадзе, который ораторствовал на трибуне и закончил свою речь так: — «Вот посмотрите Ной Жордания! Одет в шубу! Неужели

такие люди сумеют защитить интересы трудящихся?» Я взял слово. Что я говорил — не трудно догадаться. Но было ясно, что сочувствие солдат было на стороне Филиппа. После этого случая, я такие митинги не посещал. Было ясно, что надо действовать, а не разговаривать. Я поставил этот вопрос в Исполнительном комитете. Было принято решение о роспуске национальных частей. Солдаты должны быть распущены без оружия. Только через некоторое время они должны быть вызваны обратно. Мы предполагали, что когда они вернутся в свои деревни, в крестьянскую среду, большевистские настроения у них исчезнут, и они будут похожи на нормальных трудящихся. И потом они сделаются надежным военным элементом. Но для роспуска их тоже нужна была сила.

Так возникла мысль о создании собственной вооруженной силы из передовых рабочих. Главным защитником этого предложения был Джугели, и мы ему поручили вместе с Андреем Чиберашвили осуществить это начинание. Что касается Центрального комитета, то этот вопрос легко был им принят, так как с самого начала в нем этого требовали. Создалась Рабочая гвардия. Но оружия у нее не было. Тогда произошел конфликт из-за арсенала, который закончился занятием его. Это был большой, рискованный и самоотверженный шаг. Правду сказать, в тот вечер, когда я сделал смотр нашим «вооруженным силам», я испугался. Они были похожи на банду. Фантастически одеты и плохо вооружены. Я подумал — этой силой мы и одну роту не осилим, а не то гарнизон! У нас была надежда только на моральное влияние рабочих на солдат. Только эта мораль — была главным острым орудием. А оружие — добавочным предметом. Желанием рабочих было, во что бы то ни было, стать господами положения в Тифлисе. И рабочие — плохо вооруженная банда — сумели морально обезоружить тридцатитысячный гарнизон. Арсенал перешел в наши руки. Взятые в плен большевики во главе с Коте Цинцадзе были доставлены ко мне в бывший дворец наместника. Я отпустил всех на свободу, за что получил большой выговор. А отпустил я их, так как не хотел создавать вокруг них ореола мученичества и дать повод гарнизону выступить из-за них против нас. Раз победили, нужно было успокоить взволнованных солдат, создать спокойную атмосферу, собрать наши силы и укрепиться. Это было для нас более важно, чем арест Коте Цинцадзе и Кузнецова. Время репрессии против них еще не наступило.

Взятие арсенала вызвало, конечно, волнение в гарнизоне. Он потребовал созвать собрание Исполнительного Комитета и объ-

яснений. Большой зал Дворца наполнился солдатами. Пришел их Совет и его руководители... большевики. В Бюро мы пришли к соглашению, что председателем будет Верещак, и все объяснения солдатам будут даваться им. Пошли на собрание, Верещака не видно. Ждали, он не пришел. Солдаты начали кричать! — «Председатель здесь, пусть он председательствует!» Я принужден был открыть собрание и сделать доклад обо всем происшедшем. Все они, раздраженные, по очереди брали слово и ругали Верещака и обвиняли его в стремлении понизить престиж Совета солдатских депутатов и в устройстве столкновения Рабочей гвардии и войск. Одним словом, его обвиняли во всем, во всех бедствиях. К одиннадцати часам явился Верещак, сел около меня и потихоньку мне сообщил: — «Я был на собрании эсэров, они страшно взволнованы взятием арсенала, потребовали меня к ответу; обвиняли в содействии социал-демократам, так что я принужден был оставить собрание». Я передал председательство ему и начал наблюдать за новым спектаклем. Присутствующие говорили с ним так и таким языком, от которого уши вяли. Несмотря на это, Верещак продолжал дебаты и тихо сказал мне на ухо: — «Ничего! Они будут болтать, ругаться, а в конце концов устанут и уйдут». Действительно, так и случилось. Они устали, многие уснули. В конце представили резолюцию с осуждением взятия арсенала, приняли эту резолюцию и после полуночи разошлись. Верещак сказал: — «Ничего! Резолюция останется у меня в кармане». И действительно, резолюция эта никогда не была опубликована.

Наоборот, в Совете рабочих депутатов было большое ликование. В гарнизоне произошла демобилизация, а у рабочих, наоборот, концентрация сил и воли. С этого дня солдатам гарнизона было объявлено, что они должны оставить Тифлис и ехать домой. Все военные этому беспрекословно подчинились. Спор был только относительно оружия: они хотели ехать домой с оружием. Чтобы избавиться от этого опасного элемента, мы согласились дать им оружие, лишь бы они убралась. Они уехали. Казармы остались за нами. В них была поставлена стража. Гвардия начала разрастаться и стала главной опорой власти и военной силой. При ее помощи мы сумели обезоружить большевистские полки.

Правда, у нас был военный министр и целое военное ведомство, но они не вмешивались в это дело. Правительство опиралось на гвардию. Это военное ведомство было несколько странное. Приведу пример — однажды ко мне заходят военные пред-

ставители армян и представляют приказ помощника военного министра, генерала Одишелидзе, в котором сказано: выдать армянам из арсенала 13 000 винтовок для армянских полков. Я тотчас же протелефонировал в арсенал и потребовал сведений, сколько в арсенале винтовок. Мне ответили — всего 18 000. Я взял приказ генерала и поставил резолюцию — отказать. Армяне были удивлены и обижены. Только после этого начались переговоры между нашими тремя республиками, и, в результате переговоров, соглашение разделить оружие на три части. Армянам досталось только шесть тысяч. После этого инцидента я очень охладел к генералу Одишелидзе. Ясно было, что события очень на него повлияли, и он не отдавал себе отчета в том, что он делал. Я хотел его снять с поста, но никак не мог — у него было много защитников в нашей партии. Я с сомнением относился к его советам, избегал сношений с ним. Чем же он заслужил такое доверие в партии? Тем, что он соглашался со всеми политическими деятелями и никогда своего мнения не отстаивал. О нем пошла молва, что он единственный генерал, который примкнул к революции. Построив на этом свою карьеру, он дал возможность политикам иметь решительное влияние в военной комиссии. Но об этом ниже.

Мы еще надеялись, что в России смогут положить конец большевизму, сумеют создать нормальное правительство. Мы произвели выборы в Учредительное Собрание, где наши депутаты должны были представить собственную национальную программу. С этой целью мы организовали междупартийный комитет, где председателем был я. Комитет этот собирался на Фрейлинской улице в здании Грузинского Дворянского банка. Главным вопросом здесь стояла самозащита от турок и проведение национальных реформ в Учредительном Собрании в рамках империи. Ни одна партия, ни одно лицо, ни одна группировка не ставила вопроса о независимости, и об этом нельзя было в то время даже думать. К нашей границе двигались турецкие войска. Русские войска в то же время разлагались и стали небоеспособны. Наше физическое и этнографическое положение было очень опасным.

Мы решили созвать Национальное собрание и выработать общую программу действий. Выработать тезисы и представить их в Комитет поручили мне. Я составил их и прочитал Комитету. Они были приняты единогласно. Соответствующий доклад я сделал Национальному собранию. К этим организациям прибавилась еще одна: Закавказский центр рабочих, солдатских и

крестьянских депутатов (т. е. Краевой центр), председателем которого некоторое время был я, а движущей силой был полный динамизма Тифлисский Исполнительный рабочий комитет. Все резолюции, принятые в этом Комитете, представлялись в Краевой центр. Там на больших собраниях некоторые ораторы выступали часто против наших предложений, но, в конце концов, резолюцию принимали нашу. Это объясняется тем, что эти ораторы опирались только на самих себя и не представляли организаций, и оставались одинокими со своим красноречием. Особенно этим отличался Ираклий Церетели. Все на собраниях ему аплодировали. Удовлетворенный этим Ираклий садился в углу, и . . . что происходило кругом — он уже на это не обращал внимания! Происходило всегда одно и то же. Наша тактика и наши директивы не соответствовали его выступлениям и на собраниях проводилась все же всегда наша линия. Однажды в подобном случае я утешил Ираклия: — «Тебе же на собрании горячо аплодировали! И это для тебя достаточно. А ведение дела принадлежит нам!»

На Всероссийское Учредительное собрание мы не поехали. Только решили послать одно лицо, которое еще верило в Петербург. Таким был Ираклий Церетели, и его-то мы и послали⁵³). После разгона Учредительного собрания мы остались одни и должны были думать о себе. Это означало практически выделение из состава России и создание нашей жизни по собственному нашему усмотрению. Это заключение вытекало из следующих всем известных фактов — большевистский переворот в России, авторитета которого мы не признавали; оставление русскими войсками нашего Закавказского фронта; Брест-Литовский договор, вследствие которого мы теряли часть нашей территории. Раз Россия отказалась нас защищать и, наоборот, подарила Турции нашу территорию, было ясно, что она сама отказалась от нашей страны, сама ушла, и нас оставила одних. Мы не испугались, не потеряли голову и начали осуществлять нашу старую программу — организовывать нашу Закавказскую Автономную Республику с парламентом в Тифлисе. Эту идею мы сначала провели во всех революционных организациях, а потом ее осуществили. Так появился Закавказский Сейм.

---

⁵³) По рассказам разных лиц и самого И. Церетели, инициатива его поездки в Петроград для участия в Всероссийском Учредительном собрании принадлежала Церетели. Он не рассчитывал вернуться живым из этой поездки, но считал ее своим долгом в виду своей роли в Петрограде в 1917 г. [Ред.]

Но в то же время большевики не дремали. Ленин своим наместником Закавказья назначил Шаумяна, но тот скоро так перепугался, что скрылся. Большевистская организация созвала в Александровском саду митинг. Оттуда они должны были двинуться к зданию Сейма для разгона его и провозгласить Шаумяна главой правительства. Бюро Исполнительного комитета собралось и решило силою разогнать этот митинг, для чего послало особый отряд под командой Власа Имнадзе. Отряд применил оружие. Митинг был разогнан. Это обстоятельство вызвало большое недовольство среди Совета рабочих депутатов. Высказывались суждения, что нельзя стрелять в революционеров. Бюро Исполнительного комитета смотрело на это хладнокровно, сочувствовало отряду, но официально оно этого не заявило. Для удовлетворения левых элементов мы назначили комиссию для расследования этого инцидента, но заранее знали, что этот результат останется под сукном. В этот период я считал обязательными репрессии против большевиков: не дать им возможности действовать. Так как работа большевиков приняла характер антинациональный, то они были преследуемы как агенты Москвы и Турции. И скоро в нашей стране не оказалось защитников этих, так называемых, «революционеров».

В это же время, с одной стороны, турецкие войска двигались к нашей границе, и мы готовились к самообороне; с другой стороны, внутри страны большевики подготовляли восстания в разных местах. И мы, вместо посылки войск на фронт, отправляли их внутрь страны для успокоения обманутых восставших. Большевики стали явными изменниками, заслужили быть объявленными «вне закона». Первый их удар был с севера, со стороны Цхинвали, и окончился для них крахом. Потом они начали призывать население Сухума, Мингрелии и Лечхума к неповиновению. Все это происходило в то время, когда турецкие войска надвигались на нас, чтобы занять Батум. Таким образом, большевики и турки стали явными союзниками для овладения нашей территории и свержения грузинской власти. Я отправился на фронт с оружием в руках, чтобы показать пример и поднять дух войска. Со всех сторон стекались добровольцы для защиты Батума. Но силы были неравные. Нам было ясно, что дни Батума сочтены. Осмотрев батумские позиции, я вернулся в Тифлис. Гвардия обезоружила и успокоила Цхинвальский район, вернулась обратно, и я ее встретил в Гори. Дал им трехдневный заслуженный отдых, а потом приказал отправиться на Батумский фронт. Но, к сожалению, получил телеграмму, что

Батум взят уже турками. Гвардейским частям все же я велел двигаться в направлении Мингрелии и Гурии.

В Трапезунде, отправленная туда делегация во главе с Акакием Чхенкели не добилаь никакого соглашения с турками. Исполнение Брест-Литовского договора было минимумом их требований. — «Об остальных условиях, — заявили турки, — можем говорить только после того, как Закавказский сейм провозгласит независимость Закавказья». Подкладку этого требования было необходимо тщательно изучить: было ли оно сделано с дружеской или с вражеской целью? Я-то думал, что здесь скрывается какой-то маневр, и если мы хладнокровно его изучим, разгадать его будет не трудно. Турки налегали на Брест-Литовский договор, по которому им были уступлены две наши провинции, и пока мы находимся в пределах России, они не имели права требовать большего. Турок не удовлетворяло то, чего они добились. Они желали расширения своей территории за счет Закавказья. Это они могли сделать лишь в том случае, если бы Закавказье вышло из состава России, сделалось бы независимым и, значит, стало бы для них легкой добычей.

Вот этими соображениями я и руководствовался, когда произнес речь в Сейме. Я говорил: — «Независимость Закавказья отличное дело! Но признание его и границ Закавказья должно быть первым условием переговоров с турками». Я, конечно, прямо не обвинял Турцию, не раскрыл кавычки по дипломатическим соображениям, но поставленные мною условия ясно обрисовывали их содержание. К сожалению, мою осторожность не разделяли ни наша фракция, ни Сейм; все бросились в расставленную западню. Во время голосования я воздержался. Последствий не пришлось долго ждать — турки ворвались в Грузию и заняли Ахалкалакский уезд, весь Азербайджан и три четверти Армении. Только при помощи немцев мы сумели их остановить около Тифлиса. В их руках были города Баку и Батум, и они еще хотели присоединить Тифлис. Одним словом, Закавказье — свободное Закавказье — стало бы юридически и фактически турецкой провинцией. Только после этого Турция предложила бы нам: «Теперь будем говорить!» Москва умыла руки. Что Турция была для нас ненадежна, мы знали это из истории, но мы никогда не думали, что она сумеет так нас обмануть. Я был вначале неуверен и действовал осмотрительно; высказывал сомнения и требовал осторожности в отношении Турции. Конечно, в таких условиях начатые в Батуме переговоры могли принести только одно — капитуляцию. Но того, что произошло там, мы не ожидали.

Был я вызван в Батум. По прибытии туда я застал следующую картину: на одной стороне делегация Сейма, с другой стороны частная делегация мусульман просила и умоляла турок: «Мы ваши, не оставьте же нас». Армян там никто не слушал. Только грузины своим красноречием хотели защищать Кавказскую федерацию, что не имело никакой цены. Таким образом, Азербайджан нарушил территориальную цельность федерации и перешел в лагерь врага. Делегация Сейма распалась, последствием чего должен быть роспуск Сейма. Грузинская делегация продолжала совещаться. И мы нашли единственный выход — роспуск Сейма и объявление независимости всех трех наций. Азербайджан, как мы знаем, тянулся к Турции и тянул за собой и целое Закавказье. Лучше было отойти от него, пусть сам тянется к Турции. Армяне не поняли обстановку и на этот счет у меня был неприятный разговор с Александром Хатисовым. Он все время твердил: «Мы погибаем, лучше погибнуть вместе» и т. д. Это были его безнадежные выкрики. Наше грузинское предложение немцы одобрили и обещали нам помочь; для разрешения этого вопроса они обратились в Берлин. Таким образом, в порядок дня был поставлен вопрос о независимости Грузии. Это было совершенно неожиданное и непредусмотренное событие. Мы ломали голову, как провести в наших революционных организациях это новое решение, и с этой заботой мы вернулись в Тифлис.

Так как руководящую роль всегда играла тифлисская социал-демократическая организация, мы пригласили ее на собрание в Городское самоуправление. На нем были революционные представители районных комитетов и в полном составе Центральный комитет, а также представители и других национальных организаций. Начались дебаты. Все были возмущены поведением партии Мусават (мусульманская партия) и отступничеством Азербайджана. Единогласно была принята наша резолюция. Все члены собрания в ту же ночь принялись за работу: ознакомили рабочих со всем, что произошло в Батуме, и в двадцать четыре часа рабочий класс Грузии был переведен на национальные рельсы. Трудно забыть этот критический момент — наша партия выиграла новый и трудный экзамен. Неожиданно было осуществлено секретное постановление Ланчхутской социал-демократической конференции, в трагических условиях, как средство самозащиты.

Ввиду того, что главный фундамент был заложен, дальше уже эту идею провести было легко. Наша сеймовская фракция единогласно приняла ее. Я пригласил армян отдельно и позна-

комил их с обстановкой. Их лидер Агаронян ответил мне теплой речью. Этот вопрос был поставлен в Национальном Сейме. Нужно было составить Акт Независимости и провести его в Совете. Выделили комиссию, в которой я участвовал при обсуждении этого вопроса. Я предложил члену комиссии Г. Гвазава, как юристу, составить проект. Он это сделал и принес мне. Когда я с ним ознакомился, был удивлен. В том, что относилось к национальному вопросу, акт был составлен правильно, но рядом с этим были поставлены — восьмичасовой рабочий день, конфискация имений и т. д. Такие пункты я нашел неуместными. Нужно было выработать одну национальную платформу, откуда должны быть исключены все социальные моменты. Я исправил проект, выкинул все разъединяющие пункты классового характера, оставив только пункты национального и политического значения. Этот проект я представил и прочел в комиссии. Георгий Гвазава ничего не сказал, но на его лице я прочел удовлетворение. По всей вероятности, он подумал: — «Этот неисправимый революционер оказался более умеренным, чем я». Нельзя его обвинять за это — он нас не знал. Таким образом, была составлена декларация. Я огласил ее 26 мая, и она сделалась основной хартией нашей независимости⁵⁴).

---

⁵⁴) Для более подробных описаний этих событий см.: «Из истории армяно-грузинских отношений 1918 г.», Тифлис, 1919 г.; З. Авалов. «Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.». Париж, 1924 г.; Г. И. Уратадзе. «Образование и консолидация Грузинской Демократической Республики». Институт по изучению СССР. Исследования и материалы (серия 1, выпуск 29). Мюнхен, 1956. [Ред.]

ГЛАВА VIII

Грузия в период независимости. Давление извне и внутренняя консолидация

26 мая — возродилась Объединенная Грузинская Нация! Сразу же после этого большевики начали против нее работать — вести агитацию в отсталых уголках Грузии, и во многих из них даже устроили выступления. В особенно большом масштабе произошло это в Душетском уезде. Они сумели ввести туда кадры большевиков из России через Дарьяльское ущелье для подготовки восстания. Оно началось. Против него была двинута Рабочая гвардия, цель которой была борьба с большевистскими бандами. Другой силы в этот момент у нас не было. После некоторых усилий Гвардия разогнала большевистскую банду и отбросила ее на Северный Кавказ.

Общее положение у нас было тяжелое. Турки продвигались по нашей территории. Прибыли германские войска. Позади них издалека были видны англо-французские пушки. В этом хаосе никто не знал, кто кого победит. Из Берлина вернулся Нико Николадзе и сказал мне: «Победа Германии обеспечена. Поэтому мы можем принять нашу ориентацию на Германию. И это не только моя мысль, но также всей делегации во главе с Чхенкели и т. д. . . .» Я все же колебался. Часто были у нас совещания по этому поводу. Мы решили объявить полный нейтралитет. Мы опираемся только на самих себя. Какая коалиция не пришла бы, для нас безразлично! Мы будем иметь с ними дипломатические отношения только при одном условии — признание нашего суверенитета и невмешательство в наши внутренние дела.

Незабываемый пример нам дало германское военное командование. Мы — социалисты-демократы, они — монархисты и дворяне. Разница была между нами и политическая и идеологическая. И, несмотря на это, отношения между нами были ло-

яльные, дружеские и чистосердечные. Те же немцы в то же время на Украине вели себя совершенно по-другому. Там они по своему усмотрению ставили правительства, вмешиваясь во внутренние дела. Одним словом, вели себя как победители в побежденной стране. Разницу в их поведении можно объяснить лишь тем обстоятельством, что там, на Украине, была полная анархия, внутренняя борьба, большевистские выступления, партийная склока, беспорядок и безголовье. Немцам нужен был порядок и такое правительство, которое пользовалось бы доверием населения, представляло бы нацию и нормально управляло бы ею. Такого порядка не было на Украине, и они сами принялись создавать порядок. У нас они нашли то, что они искали, т. е. порядок и правительство, вокруг которого группировалась вся нация. Одним словом, они нашли у нас нормальное современное государство.

На официальном приеме командующий германскими войсками фон Крейсе обратился ко мне с речью на французском языке. Она была очень дружеская, благородная и честная. Он до конца держал эту линию, хотя были попытки некоторых помещиков Горийского уезда принудить его вмешаться в наши внутренние дела. Но немцы на это не пошли. Заговорщики были арестованы нами, и их планы разрушены. Если бы эта группа победила, то в Грузии произошла бы гражданская война, столкновение грузин с немцами, восстания в деревнях, и свободная Грузия погибла бы в шесть месяцев. Конечно, после этого Грузия уже не могла бы быть восстановлена. Тем более, что вдалеке уже видна была Англия, враждебно к нам настроенная.

Первый англичанин, который явился ко мне от имени английского командования был генерал Брайтфорд. Генерал прибыл на заседание правительства. Он вошел к нам как фельдфебель, грубый и невоспитанный, появился как властелин. Между нами произошла стычка. Он с угрозой нам объявил: «Вы здесь долго не будете господствовать!» — и ушел. Исполнения этой угрозы не пришлось долго ждать. Он организовал нападение на нас армян.

Что хотели они? — Англичане не сумели дать обещания армянам, удовлетворить их за счет территории Турции; они не сумели возратить Армении исторически принадлежавшие ей земли. Вместо этого хотели их вознаградить на счет нас, на территории Грузии. Армяне вообще были недовольны, что Тифлис стал грузинской столицей. Они думали, что этот город их. В Тифлисе раньше политически господствовали русские, а экономически армяне. Русские ушли и они считали, что город достанет-

ся им. По их мнению, настоящая Грузия — это Западная Грузия. В Восточной Грузии население перемешано с другими национальностями и здесь не должно было быть национального правительства. Грузинское национальное правительство должно было бы переехать в Кутаис, в Тифлисе же должно быть организовано межнациональное управление. Эту идею они проповедывали в Армении, и об этом открыто писалось в их печати. Поэтому ни на какие переговоры они с нами не шли, и чего-то ждали, и ожидали, оказывается, прихода англичан. Как только мы получили известие о внезапном нападении армян на наши войска, о захвате железнодорожной линии и наших бронированных поездов — для меня стало ясно, в чем дело. Целью их внезапного наступления и быстрого продвижения к Тифлису было вызвать восстание в Тифлисе, чтобы легче захватить его. В одну ночь мы мобилизовали гвардию, и посадили ее в поезда. Перед отправкой ко мне зашел Валико Джугели и Маисурадзе. Я им сказал: «Вот ваша задача — не увлекайтесь отобранием железнодорожных путей и бронированных поездов, а двигайтесь к деревне Болнисхачини, так как это самая короткая и прямая дорога к Тифлису, и остановите их наступление». Мой план оказался правильным: именно у деревни Болнисхачини сосредоточена была главная масса армянских войск, ясно — для движения на Тифлис. Здесь произошла решительная битва между армянами и грузинами, которая окончилась не в пользу армян. В это же время грузинская регулярная армия вышла на фронт и началась форменная война. Армяне не приближались к Тифлису; наоборот, грузины двигались к Эривани. Армянская армия отступала.

Вот в это время выступили англичане. Обманутые в своих расчетах, видя поражение армянских войск, они предъявили нам ультиматум — приостановить войну. Два дня мы вели переговоры. Наконец, согласились на том, что остановим наши войска в час ночи там, где они будут тогда находиться. В то же время мы сообщили на фронт командующему войсками, чтобы они как можно быстрее двигались вперед, захватили бы возможно больше территории и в час ночи приостановили наступление. Англичане быстро отправились на фронт и с большим неудовольствием видели, как наши войска двигались вперед, а армяне отступали. Они решили вмешаться и остановить наше наступление. Но главнокомандующий не согласился, заявив, что у него есть приказ прекратить наступление только в 1,00 ночи. Так кончилась эта война. Но англичане не успокоились. Они начали интриги в Батумской и Месхетской областях. Эти интриги всем известны. Скажу только одно: Англия прислала к нам в качестве пред-

ставителя друга нашей страны, моего старого знакомого О. Уардропа (O. Wardrop). Мы думали, что с его приездом изменится английская политика. Но скоро убедились, что на его доклады относительно нашей страны никто внимания не обращал. Англия продолжала работать против нас.

В общем, положение у меня было тяжелое: руководить партией, партийной жизнью, заниматься правительством, делать бесконечные доклады. Почему я должен всегда стоять во главе партии, когда рядом со мной находились очень опытные товарищи? Когда-то это объяснялось, но теперь стало непонятным. В то время всегда и повсюду главную роль играла наша партия, для которой сделалось главной задачей найти дорогу для координационной работы — проводить одну линию, выявить одну волю, работать с одинаковым динамизмом в разных учреждениях. «Партия постановила!» — значит, ее постановления проводятся повсюду. Помню, раз я защищал в Центральном Комитете мысль о неосуществимости в то время независимости Закавказья. Мое мнение было принято почти единогласно. Впоследствии выяснилось, что местные социал-демократические организации были против этого и требовали немедленно принять решение о независимости Закавказья, по предложению Акакия Чхенкели. Это обстоятельство сильно повлияло на Центр, и я остался на следующем заседании почти один при своем мнении, как в парламентской фракции, так и в Сейме (кажется, только Ираклий Церетели поддерживал меня).

***

В 1919 году собралась мирная конференция в Версале. Послали мы туда делегацию во главе с Карло Чхеидзе и Ираклием Церетели. На этих лицах мы остановились по следующим причинам: их знали в Европе еще со времени Петербурга, и благодаря этому они могли использовать свое влияние на европейцев. Они во внутренних делах не играли особой роли, и поэтому их отсутствие не причинило бы никакого ущерба. Вообще в нашей партии члены делились на два лагеря: к первому относились люди, практически работающие в организациях словом, и делом, и пером, а ко второй категории — люди, нужные для дипломатических переговоров, специальных поручений и для внешней агитации. И когда эти люди удалялись из Грузии, то это не отражалось на местной работе. На одном собрании шла речь насчет Ираклия Церетели. Он возвратился к нам с русской психологией

и понятиями, что не согласовывалось с нашими основными положениями. Русский бесхребетный меньшевизм был для нас неприемлем. Все согласились, что Ираклия, как одаренного и способного человека, надо послать работать за границу. Делегации дали письменную инструкцию, где были предусмотрены все возможности. Инструкция была передана Карлу для руководства, содержание ее было известно только некоторым членам делегации. Перед отъездом Карло явился с ней ко мне, и мы оба снова ее перечитали. Я взял перо и на свободном месте прибавил следующее: «Если не все наши предложения будут приняты, то мы готовы будем принять протекторат Англии или Франции, только с условием, что мы во внутренних делах будем суверенны». Это добавление было известно только мне и Карлу, и за моей ответственностью.

В период Закавказского Комиссариата у меня были большие затруднения насчет поляков. Когда разложилась русская армия и организовывались национальные части, польские представители тоже просили об организации польских частей. Этот вопрос был поставлен в Комиссариате. Русские и армяне встретили это предложение недружелюбно. Грузины, т. е. я, Евгений и Акакий⁵⁵⁾ поддерживали польскую просьбу в Комиссариате, но не достигли соглашения относительно этого. Тогда, по другой линии, мы удовлетворили польские притязания, а именно: постановлением Исполнительного комитета, в распоряжении которого были все казармы и все военные склады, сейчас же были очищены саперные казармы и переданы полякам. Назначили при них особого комиссара, который заботился о снабжении их частей. В общем из них была сформирована целая бригада, одета, вооружена и отправлена на родину. Конечно, мы никакого счета не предъявили полякам и ничего не требовали. Это объясняется тем, что в Грузии они пользовались популярностью и народ сочувственно относился к ним. В Государственной думе наши депутаты требовали независимости Польши, а польский представитель Дмовский требовал только автономию. Так что мы сумели организовать в Тифлисе значительную военную силу из поляков, но, несмотря на наше тяжелое внешнее и внутреннее положение, не использовали ее, а послали прямо на родину.

Формирование грузинской регулярной армии началось в эпоху Комиссариата, когда еще не была объявлена независимость. Закавказскому государству нужна была военная сила, состав-

---

⁵⁵⁾ Евгений Гегечкори и Акакий Чхенкели.

ленная из трех наций во главе с одним штабом. Но эта попытка оказалась неосуществима. Солдаты-грузины, вернувшиеся из разложившейся русской армии, уже были не наши. Они все были большевистски настроены. Поэтому мы их распустили. Задача защиты государства легла на рабочую гвардию. Как только была провозглашена независимость, мы приступили к созданию регулярной армии. Но мы начали ее формировать наскоро, ввиду неожиданного нападения на нас армян. Первые формирования были слабые; они представляли собою импровизацию. Поэтому реорганизация их стала на порядок дня. Во главе реорганизации стала Парламентская военная комиссия. К сожалению, эта комиссия понемногу начала подчинять себе военное министерство, и некоторые правительственные дела в этой области решала по своему усмотрению. Я написал в комиссию письмо, указав границы ее власти, но она не приняла во внимание моих советов. Главное — был подбор офицеров и восстановление руководящего аппарата в войсках.

На этой почве был целый ряд недоразумений. С тех пор как я стал председателем правительства, революционные организации постепенно передавали свои функции правительству. И таким образом сорганизовалось единое правительство с сильной властью. Достигнув этого, я всячески старался выйти из правительства, но никак не мог этого добиться. В конце концов, я думал, что с созывом Учредительного собрания я буду освобожден от этой функции. Я много говорил по этому поводу с ответственными товарищами, но они и слышать об этом не хотели. Они уверяли меня в том, что как только я уйду из правительства, революционные комитеты снова поднимут голову и постараются вернуть власть себе. Эти доводы повлияли на меня, и я остался. В этом идейном хаосе нужен личный авторитет, и я принужден был с ними согласиться и нести это ярмо. У нас были архидемократы, которые были очень идейные люди. Они служили не из-за денег, не для обогащения, а для работы. Были у нас и такие, которые только служили, не веря ни в наши реформы, ни в нашу свободу. У нас не было государственных традиций, одного общего национального прошлого и национальных навыков. В XIII веке прекратилось наше единение, наше государственное сознание, и оно воскресло в совершенно других условиях. Воскресло могучим, единодушным, демократическим. Но у нас за этот период было сделано много ошибок. Нужно сказать, что недостатков и ошибок было больше у руководителей, у интеллигенции, чем у народа. В психологическом настроении

народа особую роль играл личный авторитет, но пользование своим авторитетом должно быть ограниченным и применяться в соответствующие моменты.

***

В то время враги сменяли один другого. С одной стороны, место ушедших турок заняли англичане, с другой — их союзники, Добровольческая армия. Мусульманская Грузия⁵⁶⁾ стала ареной английских интриг, а берега Черного моря — Деникина. Английское командование представляло у нас не только интересы Англии, но также и интересы Деникина. Их главная миссия была, упразднение независимости Грузии. Они предлагали нам союз и подчинение Деникину с обещанием, что после победы над большевиками Белая армия даст нам автономию. С таким предложением, однажды, обратился ко мне генерал Бич. Это был человек очень воспитанный, тактичный и любезный. Он был сдержанный, неторопливый, и я заметил, что он выполнял приказы других, против своего убеждения. Конечно, ни в одном пункте мы не согласились, за исключением решения обменяться стенографическими записями нашего разговора на французском языке. С такой же миссией побывал и другой генерал у министра иностранных дел Гегечкори и получил от него такой же ответ. В отместку за это, англичане устроили нам блокаду: никаких съестных припасов, и вообще никаких сношений с Европой мы не могли иметь. Эта мера была принята с целью нас запугать. Но мы не испугались! Мы нуждались во всем, но нужду переносили стойко. Здесь проявилась воля нашего народа, стойкость его характера и уравновешенность. Народ всецело поддерживал нас и наше правительство.

С англичанами мы вели борьбу на два фронта: один в дипломатической сфере на Версальской конференции, а второй, активный, — в самой Грузии. Эта вторая борьба была опасной, весьма опасной, и требовалась чрезмерная предусмотрительность. Мы должны были вести эту борьбу, не впадая в крайность, чтобы не восстановить окончательно английское правительство против себя, и в то же время, чтобы достигнуть своей цели. Наша же цель была только одна — присоединение Мусульманской Гру-

---

⁵⁶⁾ Юго-западная часть Грузии — бывшая Батумская и Артвинская области.

зии, признание нашей независимости де-юре, наше вхождение в Лигу Наций и принятие нас под ее покровительство.

Однажды в мой рабочий кабинет вошел незнакомый мне англичанин. Он отрекомендовался как представитель Ллойд Джорджа и Керзона. Это был штатский человек, присланный из Англии для информации и выяснения некоторых вопросов. Мы беседовали два часа. Он больше всего интересовался нашими взглядами на советскую власть и положение ее в России. На все вопросы я дал исчерпывающие ответы. Я ему сказал приблизительно следующее: «Опирайтесь на силы Деникина — это бесплодное мечтание. Советское правительство прочно сидит, и внутренними силами его нельзя сбросить. Что касается признания его, то, конечно, надо признать, так как оно существует и фактически и юридически. Это дело факта, дело действительности. Раз существует, этого достаточно для его признания. Но на том же основании вы также должны и нас признать фактически и юридически». Ставя вопросы, я выяснил, что внутри английского правительства есть два течения — признать, или не признавать советское правительство. Когда мы прощались, он сказал, что моя информация решит вопрос о признании Советской России.

Я думаю, что я ничего не преувеличил и ничего неразумного не сказал. Я всегда был такого мнения, что мы будем требовать от Европы нашего признания, и мы, в свою очередь, ничего не будем иметь против признания Москвы.

Я не придавал особого значения таким визитам и беседам, всегда помня, что английским правительством руководил Ллойд Джордж — либерал, защитник и проповедник либеральных традиций и политики на Востоке. А эта политика известна — разрушение Турции русской силой. Для него необходима сильная Россия, верная и преданная союзница Англии. И, если он не сумеет восстановить старую Россию при помощи Деникина, он не побрезгает и союзом с большевистской Россией.

***

Наш социализм выразился, главным образом, в аграрной реформе. Она у нас пошла не революционным путем, а реформаторским. Почему? — Потому что она проведена была без насилия, без борьбы. Достаточно было закона, парламента и правительства — и этому подчинились безропотно все классы и, в первую очередь, сами помещики. Такая мера не проходила ни

в одной стране без революции, без насилия. В отношении к социализму аграрная реформа приняла специально грузинский характер. Земля была роздана крестьянам в собственность, что противоречило социалистической доктрине. Мы этим хотели показать крестьянам, что независимая Грузия дала им землю. Поэтому аграрная реформа приняла у нас национальную форму.

В отношении рабочего класса, должны сознаться, мы не могли многого добиться. Причина тому была слабость нашей промышленности. Но все же мы сумели организовать бюро труда, коллективный договор, легальные функции синдикатов и т. д. Рабочие проявили большую национальную и государственную сознательность. Они были главной опорой на поле битвы в лице своей гвардии. Между правительством и синдикатами ни разу не возникло конфликта, хотя некоторые вожаки-синдикалисты науськивали их на нас. В общем, главной осью действий и достижений Грузинской Республики были тифлисские рабочие, а остальное население следовало за ними и подражало их примеру.

Дело снабжения населения было очень плохо организовано. Россия — как Деникина, так и большевиков — не пропускала к нам хлеба. Из-за границы мы ничего не могли получить, потому что союзники устраивали нам блокаду. Поэтому хлеб выпекали у нас низкого качества, с примесью разных суррогатов. Иногда мы случайно прорывали блокаду, и доставали хлеб из-за границы. Нашим министром снабжения был Георгий Ерадзе, человек в высшей степени честный и безукоризненный. Часто он успокаивал рабочих больше своим ораторским искусством, чем дополнительными пайками хлеба. Тифлис недостаток продовольствия пополнял снабжением из деревень. Часто я сам лично получал продовольствие из деревни. Один раз приехала к нам в Тифлис мать с большой корзиной. Мы очень обрадовались, а мать пошутила: «Говорят, что ты у меня министр. Где же слыхано, что я должна содержать министра!» И, действительно, выходило, что не я ее содержал, а она меня. Это равенство в нужде сильно влияло на рабочих и они беспрекословно переносили все лишения. Весьма курьезное явление было с составом правительства. Во всех странах люди стремятся занять высшее положение и стать членами правительства. У нас, наоборот, избегали идти в правительство, боясь какой-либо ответственности. Приходилось многих просить и упрашивать занять тот или иной пост. Только два лица в уговорах не нуждались. Это — Евгений Гегечкори и Ной Рамишвили.

***

1919 год был у нас годом разрушения старой социальной структуры. Я всячески старался дать этому процессу легальный и безболезненный характер. Боролся с экспроприациями административным порядком. Один раз тифлисский городской голова сказал мне: «Я жду, когда ты уедешь из Тифлиса, чтобы осуществить свой проект». Я принял это за шутку и не обратил на его слова внимания. Оказалось, что, во время моего отсутствия из Тифлиса всего на одну неделю, все проекты реквизиций в городе, которые были представлены правительству под моим председательством и были отклонены, были снова поставлены на обсуждение и приняты. После этого я решил уезжать как можно реже. Как видно, большевистский дух реял вокруг нас; так происходит, как видно при всех революциях, где правительство не умеет управлять. В Караязском имении усилили работу большевистским методом — тем, что арестовывали безработных буржуев на Головинском проспекте и насильно посылали их на работу. После больших усилий я прекратил это безобразие.

Моя главная цель была — прочное утверждение нового режима при содействии всего населения и всех классов. Большевистские методы мы применяли только против большевиков. Вокруг нас, за нашими границами бушевала анархия, шло уничтожение одного другим; разорение и огонь. А маленькая Грузия сумела спасти себя от всех этих бед и избежать всякой внутренней борьбы. А этого можно было достичь только национальным единением, и это мы достигли.

Наша политика по отношению национальных меньшинств вытекала из нашей политической доктрины. Мы, социал-демократы, имели влияние именно потому, что всегда смотрели на национальные меньшинства, как на равные нам. Для нас не было ни эллина, ни варвара — все считались эллинами. Но эта теория осталась бы мертва, если бы историческая обстановка и события не позволили бы нам провести ее в жизнь. Для внутреннего мира необходимо было, чтобы все чувствовали себя равными и одинаковыми перед законом. И этот закон мы сумели осуществить. Не было случая, чтобы какого-нибудь требования национальных меньшинств мы не удовлетворяли. Вот этим можно объяснить редкое явление: во время выборов в Ахалкалакском уезде, где главная масса населения армяне, их национальная партия — Дашнакцутюн — осталась в меньшинстве, а в большинстве оказалась грузинская социал-демократическая партия. И в са-

мом Тифлисе, где грузины тогда составляли меньшинство, мы всегда получали большинство голосов. В руководящих органах партии, как-то — в Центральном комитете, в парламентской фракции или же в правительстве, никогда не было никаких расхождений по национальному вопросу. Удивительно, что даже националистические грузинские партии никогда не выступали против нашей политики в отношении других национальностей. Национальное единение не было нарушено. Наши соседи все время подсматривали и искали удобного случая, чтобы отнять у нас какой-нибудь кусок земли. Один из наших помещиков в Абхазии, князь Шервашидзе, недовольный нами, бежал на Северный Кавказ и на одном митинге преподнес ему всю Абхазию. Вместо того, чтобы спросить его, по какому праву или по чьему полномочию он говорит, там сразу приняли этот подарок и предъявили нам претензию: «Абхазия наша, уходите оттуда!» Вот какие соседи были у нас. Одним словом, вокруг Грузии господствовали, главным образом, авантюристические типы, которые никакой политической работы никогда не вели, никогда политикой не занимались — бывшие чиновники, офицеры, потерявшие свою карьеру и т. п., и все они впадали из одной крайности в другую.

Особенно тяжелым был для нас 1919 год. Внутри страны бесчинствовали туркофилы и большевики, а с внешней стороны угрожала белая Добровольческая армия. Москва, Турция и Добровольческая армия как бы объединились для разрушения нашей страны. Все они разными путями и разными средствами подкапывались под нас. Удивительно, почему они возненавидели эту маленькую нацию, маленькую страну, которая никому не причинила зла и только старалась охранить себя от разных вторжений и разорения. Эти два соседа, Турция и Россия, были и остались нашими врагами. Защита страны стала нашей главной целью.

В Учредительном собрании не было единодушия. Социал-демократы систематически наталкивались на непримиримую оппозицию национал-демократов. Это была оппозиция для оппозиции! Они не были люди дела. Мне часто приходилось с ними полемизировать. Мы делали все, что только можно было сделать в этих условиях, тогда как оппозиционеры ставили вопрос: «Что лучше в теории?». Мы сами хорошо знали, что мир лучше войны! И белый хлеб лучше черного! Нужно было удивляться не тому, что у нас не доставало, а тому, что у нас было, и как мы переносили все невзгоды, недостатки, и как боролись с разными затруднениями. Всегда в таком состоянии мне приходи-

лось делать доклады по текущим политическим вопросам, утверждать демократический строй, но... кто... как это понимал! Кто и как к этому стремился! В этой сфере был настоящий хаос. Поэтому необходимо было координировать все эти мысли, и главное — объединить в одну целую систему и так провести в жизнь. Мы начинали всё оттуда, откуда началась новая жизнь, а именно с Совета рабочих. И все, что они постановляли, обязательно проводилось сперва во фракции, и потом в Учредительном Собрании. Я делал доклады о главных конституционных вопросах, и именно в этих учреждениях. Бесспорно, что это отрицательно отзывалось на другой моей работе, на координационной работе министерств и на общем руководстве ими. Но не было другого выбора — никто не хотел занять мое место.

Первый раз в социал-демократической фракции возник вопрос об эмблеме Республики. Ираклий Церетели представил проект национальной эмблемы — прикованный Прометей. Это мне не понравилось, и я начал спорить с ним, приводя аргумент, что прикованный пленник, Прометей, как эмблема государства, совершенно не подходит к Освобожденной Грузии. Я предложил другой проект эмблемы — Белого Георгия, сидящего на коне и свободно летящего высоко в небе. После долгих дебатов этот проект был принят. Противники его приводили аргументы, что Белый Георгий это тот же Святой Георгий, что это клерикализм и т. д. Несмотря на подобные возражения, Белый Георгий стал нашей национальной эмблемой.

Были примеры, когда во фракции Учредительного Собрания возникали вопросы и дебаты. Центральный комитет вмешивался, и с его мнением считалась вся фракция. Конечно, были случаи, когда некоторые депутаты были этим недовольны, но не было случая, чтобы фракция восстала против Центрального комитета. Это объяснялось тем, что лидеры фракции, а также члены правительства входили в Центральный комитет и внутренний спор там же и разрешался.

Эта организационная система правящей партии представляла неприступную скалу, о которую разбивались внутренние и внешние враги. Именно вокруг этой стойкой, мощной силы постепенно собиралась вся нация. В 1917 году она была одна на поле действия. Остальное население либо примыкало, либо не боролось против нее. В 1918 году этот круг постепенно расширился. Широкие массы уверились в победе революции и начали поддерживать главный аппарат. Националистические элементы все же стояли еще далеко. В образовании Закавказской республики и Сейма они не принимали участия. Наоборот, Азербай-

джан и Армения провели, главным образом, националистов. В этой общей коалиции Сейма руководящую роль играли мы, как арбитры между армянами и татарами. В этом нам помогало еще и то, что в нашу фракцию входили и грузинские армяне, татары, русские, а также социал-демократы из Армении и Азербайджана. Этот интернациональный состав нашей фракции в закавказском масштабе был решительным фактором в границах Закавказья. После 26 мая наша база расширяется. Все силы Грузии концентрируются вокруг национальной республики. Процесс заканчивается в 1919 году. Революционная база превращается в национальную базу. Революционные органы уступают место государственным. В 1917 году было два течения: первое — революционное; второе — национальное. Между ними был какой-то личный, но не организационный, контакт. Все это за полтора года превратилось в одно течение, которое приняло название Независимая Грузинская Демократическая Республика.

Наше демократическое государство было идеологическим и национальным противопоставлением только одному государству — большевистской советской республике. Защитить себя от нее, стало для нас главной заботой. Но какими путями мы должны идти? — Только по двум: первый путь — распространение в населении антибольшевистской идеологии; второй — укрепление государства в международном отношении. Главное, мы должны стремиться, чтобы пропаганда большевиков не имела успеха в народе. Чтобы народные массы были в курсе разницы между нашей системой правления и той. Нельзя забывать того, что политический максимализм сопровождает всякую большую революцию, что грузины-солдаты вернулись с фронта большевиками, а также того, что Москва вела у нас усиленную агитацию. Нужно признаться, что несмотря на все наши усилия, мы не смогли убедить широкие массы в губительности большевизма в такой же степени, как убежден был в этом авангард тифлисских рабочих. Чем провинция была более отсталой, тем больше там неистовствовали большевики. Это настроение проявилось особенно после оккупации Грузии. Говорили: «До сих пор нами управляли меньшевики, теперь их заменили большевики. Какая же разница между ними?». Наши националисты были увлечены этой мыслью и начали с первых же дней переговоры с большевиками, хотели сотрудничать с ними. Один народ у другого ничему не учится и не пользуется его опытом; не знает ни его прошлого, ни его будущего. Он сам вырабатывает своим умом и своими традициями свою историю, свое настоящее и свое будущее. Несмотря на нашу пропаганду, народ не видел подлин-

ной физиономии Москвы. В 1917 году мы в нашей печати писали, что Ленин отказался от демократизма, поднял знамя: «коммунизм немедленно!». Большевики нам ответили, что это выдумка и недостойные выпады против Ленина. Спустя несколько месяцев они эту «выдумку» усвоили и объявили своим девизом.

Второе, чем защищались мы, это — внутреннее единение, создание национального фронта всех классов на почве национального суверенитета. Весь 1919 год наша деятельность проходила по этим двум линиям. Политически мы стояли на почве свободного режима — под этим подразумевалась демократическая республика. Но мы не защищали все формы свободы. Что касается прессы или агитации, то те газеты, как русские, так и армянские, которые не признавали нашей независимости, мы закрыли и не дали права выходить. Пресса была свободна только в рамках демократии и защиты нашей независимости. Кто не признавал эти две основы, тех мы преследовали. Именья были конфискованы, но их владельцы получали взамен разные привилегии и широко принимались на государственную службу. Духовенству и монастырям мы помогали деньгами. Помню, как католикос обратился к нам за помощью для путешествия в Абхазию, и мы его просьбу немедленно удовлетворили. Сванетское духовенство просило помощи и мы ее оказали. Монастырям мы вернули земли для обработки. Заседания правительства были полны разбором таких просьб.

После выборов Учредительного собрания, коалиционное правительство уступило место социалистическому, но между ними не было никакой разницы как в политической, так и в экономической сферах. Заседания правительства, главным образом, были посвящены внутренней организационной работе. На этих заседаниях я часто отсутствовал, но то предложение против которого я высказывался заранее, не принималось. Конечно, такое вето я применял не часто, так как заранее знал, какое ведомство и с каким проектом идет на заседание правительства. Сложные вопросы иностранной политики на этих собраниях не разбирались. Эта сфера принадлежала министерству иностранных дел и председателю или же совещанию министров, точно так же, как это происходит во Франции.

Большое совещание у нас было по вопросу — ввести ли наши войска в Аджарию, где хозяйничали англичане и белые русские. Ничего не постановили на этом заседании, а передали мне этот вопрос для самостоятельного решения. После долгого размыш-

ления и взвешивания обстановки, я дал приказ войскам перейти границу. Со всеми соседями и иностранными миссиями мы находили общий язык, кроме англичан и белых русских. У них были одинаковые взгляды и одинаковые методы действия! Англичане дошли до того, что отобрали у нас все автомобили, которые были куплены у германской армии, мотивируя тем, что это их военная добыча. Никакие наши доводы о покупке автомобилей не были приняты во внимание. Мы принуждены были им уступить и отдать свои автомобили. Не могли же мы затевать с Англией из-за них войны. Потом англичане потребовали, чтобы мы все полученные нами раньше военные материалы из Карской крепости, переслали Деникину, говоря, что это оружие оставили русские. Наше правительство ответило отказом. Мы мотивировали тем, что передача этого оружия послужила бы предлогом для требования о выдаче всего оружия, оставленного в Грузии русской армией. После нашего официального отказа англичане замолчали.

Вообще же к русским в Грузии мы относились хорошо. Приведу только один пример. Русский военный собор был объявлен государственной собственностью, но мы оставили его в руках русского духовенства для пользования им, как они хотели. Один раз ко мне зашел русский священник, бежавший из Ганджи. Бледный, в рваной рясе, начал объяснять свое несчастное положение... Я написал приказ о выдаче ему нескольких тысяч рублей. Несчастный так обрадовался, что чуть не упал в обморок и заплакал. Эта сцена глубоко повлияла на нас. Мы очень боялись, чтобы местные русские не снеслись бы с Москвой и не имели бы с нею тайной связи. К счастью, этого не случилось. Тифлисские русские были далеки от московских притязаний, и всегда были лояльны к нам, вплоть до последней войны. Мы и им оказывали всякую помощь, как от правительства, так и от частных организаций. Им везде были открыты двери.

На заседаниях министров и политических органов много раз обсуждались вопросы экономической политики. С этой стороны мы должны были материально укрепить наше молодое государство, с другой стороны, обязательно нужно было развить частную и общественную инициативу. После долгих дебатов эти оба принципа были объединены, и в октябре 1919 года правительство их приняло за основу. С этого пути мы не уклонялись при введении разных монополий.

Инициативу сближения с соседними республиками взяли мы. Для армян была неприемлема инициатива азербайджанцев, а для

последних инициатива армян. И поэтому мы созывали их представителей, добивались соглашения и подписывали с ними разные договоры. Особое внимание обратили мы на Горскую (Северный Кавказ) республику; и не было случая, чтобы мы ей в чем-нибудь отказали. В феврале горцы просили дать им оружие. Правительство постановило выдать им таковое. Никому не оказывали мы такую помощь, как им. Мы и сами страдали от недостатка оружия, собирали патроны, и за каждый платили два рубля. Мы сами нуждались, но горцам не отказывали. Почему? — Ясно: этого требовала охрана наших северных границ. Сильная независимая республика горцев — это крепость против Москвы. В ее существовании мы были все заинтересованы. Мы сумели установить дружественные отношения с Кубанским казачьим правительством, до тех пор пока его не проглотил Деникин. Казаки нам симпатизировали, и мы им. Все коммерческие договоры быстро оформляли. Между нами начался товарообмен. Но этому положил конец приход Деникина и захват им нагруженных пароходов. Когда Деникин занял Терскую область, он предъявил грузинскому населению (в количестве 15.000 человек) ультиматум немедленно убраться, или они будут уничтожены. Этот приказ он нам же и сообщил, на что мы ответили: «Если вы тронете грузин в Терской области, то мы еще хуже расправимся с русским населением в Грузии». Деникин уступил. Наша политика была мягкая и эластичная, но когда нужно было, она была резкой и решительной. Мы силе противопоставляли силу.

Так отвечали мы и внутренним врагам — московским агентам. Они решили запугать нас террором. Первой жертвой должен быть я. Мы ответили: за каждого убитого террористами отвечают арестованные у нас большевики. После этого они не решились привести в исполнение свои намерения. Нет, у нас не было свободы для всех! Свобода была для лояльных граждан. Борьба с нацией и режимом считалась преступлением и соответственно наказывались. Мы были либералами, но внутреннего переворота мы не потерпели бы. Наши социальные и аграрные реформы послужили для объединения народных масс, на базе народной демократии.

В такой трудной борьбе мы дошли до 1920 года. Грузия была независимой. Внутреннего врага мы не боялись. Народ был с нами, но до каких пор такое положение могло продолжаться?

ГЛАВА IX

Завоевание Грузии большевиками

Государство существует не только для себя — для внутреннего быта, но и для внешних сношений. С этой стороны из Европы приходили неутешительные известия. Версальская конференция кончилась, но нас она не признала. Ясно было, что с Россией, хотя и ослабленной, очень считались и не хотели ее расчленения. Нужно было к этому вопросу подойти и обойти его иначе. Так как прямыми переговорами и пропагандой ничего не было достигнуто, я решил начать это дело с Россией. Я думал, что если Москва нас признает, если она нашу самостоятельность утвердит, то с этим векселем мы можем предстать перед ареопагом Европы, и этим мы достигнем своей цели. Я решил послать человека в Москву. Последний должен был быть лично известным Ленину и его штабу, социал-демократом. Остановился я на Грише Уратадзе. Он был на Стокгольмском и Лондонском съездах. Был знаком со всеми. Я переговорил с ним. Он тотчас же согласился, несмотря на то, что ему предстоял тернистый путь. После его согласия, я посетил министерство иностранных дел, повидался с министром Евгением Гегечкори и поделился с ним своими мыслями. Он ответил: «Вот уже месяц один грузинский коммунист упрашивает меня отправить одного нашего представителя с ним в Москву. И обещает, что Ленин даст свое согласие на признание независимости Грузии». Этот грузинский коммунист был членом Центрального комитета коммунистической партии России. Он согласился и через две недели вместе с Гришей поехал в Россию по Черному морю. Для успеха этой миссии главное было — сохранить тайну, т. е., чтобы грузинские коммунисты ни в коем случае не узнали об этом, иначе они провалили бы дело. Об отправке в Москву Гриши не знал никто в Грузии. Я и теперь удивляюсь, почему Москва не запросила мнения своих единомышленников в Тифлисе. Для нас было нуж-

но, чтобы Москва признала независимость Грузии и ее границы. Все остальные условия для нас были второстепенными, и мы могли бы их обсудить после. С такими инструкциями я и послал Гришу Уратадзе. На успех переговоров я не имел больших надежд.

Я приступил к усилению единства и укрепления положения внутри страны. Нас беспокоили два явления: вызывающее отношение к нам англичан и наши финансы. Англичане продолжали старую политику, не считались с нами и продолжали покровительствовать правительству белых русских. Батум и его область они почти передали белым, а нам ставили всякие препятствия, несмотря на то, что представитель Англии в Грузии был наш друг Уардроп (Wardrop). Его доклады о нас никакого впечатления в Лондоне не производили. Объяснение этому мы узнали потом. Министр иностранных дел лорд Керзон и премьер Ллойд Джордж разошлись в мнениях. Первый был на нашей стороне и сочувствовал расчленению России; второй же, наоборот, был сторонником единой России и не признавал сепаратизма. Перевес был на его стороне как председателя правительства. Вообще, две правящие партии — консерваторы и либералы — держались разной политики по отношению России. Первые боролись против ее единства и защищали целостность Турции. Вторые, наоборот, защищали целостность России и ее силой хотели уничтожить Турцию

В это же время наши соседи тоже стали относиться к нам плохо. Особенно возмутительным было отношение Азербайджана.

Горская республика была атакована большевиками. Она обратилась к нам за помощью, и мы немедленно отправили воинские части по Бакинской дороге. Но Азербайджанское правительство их не пропустило; обезоружило их, а оружие присвоило себе. Началась переписка, угрозы. С большим трудом люди возвратились обратно. Потом азербайджанцы стали оправдываться тем, будто наши войска вели себя по дороге непристойно и т. п. Во всяком случае, поступок азербайджанского правительства был непростителен. Оно должно было бы сообщить нам о поведении солдат, и мы приняли бы меры. На самом же деле, такое враждебное отношение к нашим войскам со стороны Азербайджана было следствием их политики. В это время там уже работали агенты Турции Кемаля для сближения с Москвой и получения помощи русских войск против европейской Антанты. Этому мешало отсутствие общей границы у Советов с Турцией,

на что указывали и большевики. Если Горская и Азербайджанская республики станут советскими, то русские войска перейдут их границы и придут на помощь Анкаре. Вот поэтому ее агенты были заинтересованы в советизации Горской и Азербайджанской республик и в обезоружении наших войск, шедших на помощь горцам против большевиков. Эти факты были для нас плохими симптомами, и нам они стали ясны в январе месяце 1920 года. С другой стороны, армяне смотрели все время в сторону России и ждали ее прихода, как спасительницы от турецкой опасности. В деникинской армии было много армянских частей. Ничего удивительного, что все кавказские конференции не имели успеха. Бакинское правительство смотрело в сторону Турции, Ериванское — в сторону России. Остались одни мы, которые хотели иметь настоящую независимость.

Внутри нашего государства водворилось спокойствие. Полицейский аппарат был организован и закон охранял жителей от всяких посягательств. Только в финансовом вопросе у нас был беспорядок. И общественные организации и отдельные лица просили финансовой помощи у правительства, но никто не спрашивал — откуда оно может достать деньги. Единственный доход казны это налоги. Но никто не думал о взыскании их. Это дело было поручено земству, городским самоуправлениям, но они не принимали абсолютно никаких мер для сбора налогов. Единственным источником дохода была у нас печатная машина. Мы давали всем деньги займы, но никто не думал возвращать нам долги. Мы были весьма щедры, как старые князья. Помню, что какому-то китайцу мы дали сто пятьдесят тысяч рублей; и даже вынуждены были содержать на свой счет дипломатические представительства у нас Украины, Кубанского правительства, Польши. В общем мы на деньги смотрели весьма легко. Для прекращения такого хаоса мы обратились к Европе и послали туда министра финансов Константина Конделаки, который сумел заключить выгодные коммерческие соглашения, вследствие которых, если бы наша независимость сохранилась, мы сумели бы выйти из кризисов. В это время у нас развилась система реквизиций, против чего я категорически выступал, хотя мне приходилось очень трудно, потому что половина членов правительства сочувствовала этому.

***

В апреле я получил известия от Гриши Уратадзе из Москвы. Он сообщал о ходе переговоров и проект договора. Главные наши

требования были приняты. Спорными были мелочи. В особенности — тот пункт, чтобы на грузинской территории не было иностранных войск. Мы потребовали снятия этого пункта, потому что мы на своей территории суверенны. И Гриша передал нам по прямому проводу, что в Москве этот пункт не снимают, так как впоследствии мы могли бы свою территорию использовать, как иностранную базу для враждебных действий против Советов и т. д. . . . Я подумал: если большевики действительно сомневаются в этом, может быть они правы, и этот пункт надо принять. Евгений Гегечкори был против и говорил: не хотим их признания, если они вмешиваются в наши дела и т. д. Но для меня главным было, чтобы они нас признали юридически, что повело бы впоследствии к признанию нас и другими государствами де-юре. Я передал Грише Уратадзе разрешение подписать договор. Так создался этот договор, который впоследствии был утвержден Учредительным Собранием.

Точно гром грянул среди грузинских большевиков, когда мы его опубликовали. Они были и смущены и взволнованы, что не смогли узнать о нем заранее, чтобы помешать его осуществлению. Но они получили приказ из Москвы — замолчать! И они подчинились.

Признание нас Москвою произвело сильное впечатление и на англичан. Они этого не ожидали. В то время в Англии было сильное движение в пользу эвакуации их войск, находящихся на чужих территориях. Конечно, в это входила и Россия и отделившиеся от нее государства. В этой агитации главную роль играли московские агенты, которых было много и в обеих рабочих партиях и среди либералов. Это требование английское правительство начало удовлетворять. В 1920 году у нас оставались английские войска только в Батумском округе. Так как Советская Россия сама признала эту область грузинской территорией — англичане решили передать ее нам. Этому помогло еще и другое обстоятельство: белое движение было побеждено, и Батум уже не был им нужен, как база для содействия ему. В июле 1920 года англичане ушли из Батума и пригласили нашего министра иностранных дел на совещание в Лондон.

В апреле Азербайджан был действительно советизирован, без применения оружия и без борьбы; так исполнилось желание Турции. Оказалось, что Азербайджан представлял собой агентуру Турции и действовал по ее указаниям. Москва думала, что так же легко сможет овладеть Грузией и приказала своим войскам двинуться из Баку на Батум. Советские войска подошли к на-

шим границам в мае 1920 года. Мы приняли меры. Было объявлено военное положение; была мобилизована гвардия. Главнокомандующим был назначен генерал Квинитадзе. Среди нашего высшего генералитета мы считали его самым активным и быстрым в решениях. Но вместе с тем он был упрям. Лучшего у нас не было, и мы остановились на нем. В это время в Тифлисе была паника: «Русские идут! Как мы можем справиться с ними?». Так как главным военным элементом была Национальная гвардия, члены которой были ярыми антибольшевиками, то для поднятия их морали и морали страны мы распространили слух, что наступают азербайджанские войска по приказу их правительства. Первое столкновение произошло на Красном мосту, где большевики были разбиты. Но гвардейцы были удивлены, увидев только трупы русских, и говорили: «Как же это азербайджанцы бежали, а русские остались здесь и погибли?» Это обстоятельство сильно повлияло на всех, и они задавали вопрос: «Ну, кто же с нами воюет? Россия или татары?»

Вообще была большая боязнь России. Как раз в это время был подписан договор в Москве и война приостановилась. Ясно обрисовались две тенденции Москвы. Одна — политическая, соседская; вторая — империалистическая. Последнюю тенденцию возглавляли Троцкий — военный министр, и Сталин — министр национальностей. Первую же тенденцию возглавлял Ленин. Троцкий и Сталин приказали войскам, расположенным в Азербайджане, двинуться на Грузию и овладеть ею. Они думали, что легко ею овладеют. Но получили сильный контр-удар. Ленин увидел, что без кровопролитной войны не обойтись. Он решил заключить договор с нами. Теперь стали ясны всем последствия развала единого Закавказья. Азербайджан примкнул к Турции, принял турецкую ориентацию. Армяне мечтали о русских, говоря: «Только они одни могут спасти нас от турок». Грузия осталась одна. Только она одна желала независимости, но одинокая — со своими слабыми силами.

Наша главная задача была организовать военное командование. Грузины офицеры были воспитаны в русской армии и прошли ее школу, были ярыми антибольшевиками, но ничего не имели против белых. Офицерство, к сожалению, не понимало грузинских солдат. Среди многочисленного грузинского офицерства мы выбрали лиц наиболее способных. Среди них был назначен генерал Одишелидзе, бывший командующий одной из русских армий на германском фронте. К сожалению, этот генерал не обладал достаточной волей. Он все время проводил не свое мнение, а соглашался с мнением революционеров.

В 1920 году я был в Абастумани. Евгений Гегечкори приехал ко мне прощаться и оттуда уехал в Англию. Его функции исполнял военный министр Григорий Лордкипанидзе. А его помощником был генерал Одишелидзе, который начинал исполнять обязанности военного министра. Я написал Лордкипанидзе письмо, чтобы пост его помощника заняло бы более популярное лицо. Гриша Лордкипанидзе не согласился. Так генерал Одишелидзе остался фактическим руководителем военного министерства, т. е. министерство это осталось без руководства, без плановой работы, без подготовки. Начались непрерывные жалобы от воинских частей, назначались ревизии по поводу разных растрат и т. д.

Из Баку стала поступать плохая информация. Нам сообщали из большевистских источников, что Москва снова готовится к покорению Грузии. Мы должны были искать спасения в Европе. К этому нас толкали два события: вызов Евгения Гегечкори английским правительством и приезд социалистической делегации к нам. Конечно, первое имело громадное значение, но в то же время Москва также не дремала. Она принимала все меры, чтобы расположить к себе английское правительство. Этого она могла достичь только одним — выявив свое отношение к Турции. В это время в Англии было коалиционное правительство — либералов и консерваторов. Премьером был либерал Ллойд Джордж. Как уже сказано выше, его желанием было ликвидировать Турцию. А министр иностранных дел, консерватор Керзон, хотел сохранения Турции. Вот на этих двух различных струнах играли большевики. Премьера они уверяли, что готовы обуздать Турцию. А Керзона убеждали, что готовы всячески поддерживать существование Турции. Англичане привезли Евгения Гегечкори в Стамбул, где его задержали, как будто он был не министром, приглашенным Лондоном, а частным лицом. Ясно было, что произошла какая-то перемена. Красин, представитель большевиков в Лондоне, постепенно приобретал влияние, и не в его интересах было, чтобы наш министр приехал в Англию. Мы же были полны надежд и ждали положительных результатов. Мы не могли себе представить, что Ллойд Джордж может попасть на удочку большевиков, вся политика которых в отношении Турции ясно говорила, что между ними существует союз, а не борьба. Это было всем нам известно, и никто не мог подумать, что английское правительство этого не видело.

Приезд социалистической делегации мы считали самой лучшей для нас пропагандой в Европе. Приняли мы ее с большим почетом и доверием. Она достойно исполнила свою роль и оправдала все наши надежды.

Из Баку поступали новые сведения от нашего представителя, Габо Хундадзе. Он имел много друзей среди старых большевиков. По всей вероятности, среди них были некоторые, которые не сочувствовали покорению Грузии. Они давали точную информацию о том, что происходило в их среде. Один раз Хундадзе приехал в Тифлис и сделал нам подробный доклад, из которого стали ясны все намерения Москвы. Мы сейчас же принялись за работу, организовали Совет Обороны, начали заготовлять военный материал. Но все это происходило втайне. Совет Обороны был организован 11 ноября. Председателем Совета был я. Не было случая, чтобы мы не удовлетворили военного ведомства, когда оно чего-нибудь требовало. Не было никакого конфликта, все работало в согласии. Главный вопрос для нас был — о р у ж и е . Нужны были винтовки, патроны; чувствовался в них большой недостаток. А также следовало организовать продовольствие. Благодаря посредничеству военного представителя Франции Корбейля мы закупили во Франции 60 пушечных орудий в обмен за 30 000 пудов марганца. Но самое главное было достать ружья и патроны. Послали всюду телеграммы — никто нам не обещал. Только из Лондона получился категорический отказ. Так как Лондон в то время располагал всеми военными материалами союзников, было ясно, что мы ниоткуда ничего не получим. Франция обещала дать русские винтовки из Стамбула, но их мы получили в конце войны, к сожалению, все испорченные, наскоро починенные.

В это же время из Москвы приезжала делегация для переговоров и заключения транзитного договора. Этот факт выявил двойную политику Москвы. Переговоры велись, чтобы ввести нас в заблуждение; а одновременно шла тайная подготовка нападения на нас. По нашим сведениям, наступление красных войск должно было произойти в декабре. Как я указал раньше, мы подготовлялись втайне, не столько от Москвы, сколько от собственного народа, чтобы не было паники. Вообще, у населения было убеждение, что мы одни против русского народа ничего не можем сделать. В декабре генерал Лебединский неожиданно сообщил мне, что военный представитель Москвы, — кажется, по фамилии Толстой, — хочет со мной вести какие-то переговоры. Встреча должна быть тайной, на квартире генерала Лебединского. Начали мы переговоры. Из них выяснилось, что лично военный атташе, по всей вероятности, под влиянием генерала Лебединского, не хотел бы, чтобы Москва напала на Грузию. Он прямо мне сказал, что у Москвы есть намерение атаковать нас, и не можем ли мы во избежание этого пойти на новые

уступки. Например, нельзя ли освободить большевиков. Я ответил, что мы пошли на все уступки. Об этом свидетельствует транзитный договор. Что касается арестованных большевиков, то мы обыкновенно высылаем их из Грузии в Россию, а оставшихся еще в тюрьмах мы тоже можем освободить и послать в Россию, если Москва этого официально потребует. Вообще я поставил вопрос так — пусть скажут, что они хотят от нас? По какой причине готовится война против нас? Может быть, мы согласимся на все, кроме одного — отказа от нашей независимости и национального суверенитета.

Он на это ничего конкретного ответить не мог. Тогда я решил немного запугать его и сказал: «Кавказские народы, которые находятся под вашим водительством, как вы хорошо знаете, недовольны вами, и если они до сих пор не восставали, причиной являемся мы, не помогая им. Но это настроение переменится сейчас же, как только вы на нас нападете. Восстания начнутся всюду, в тылу у вас». Эти доводы на него подействовали, и он ответил: «Ваши доводы очень серьезные, и я сообщу их Москве».

Так, наши переговоры закончились ничем. Но все же маленький результат был. В декабре нападение на нас не состоялось. Очевидно, в Москве была борьба между противниками и сторонниками войны. Эта отсрочка была для нас выгодна; мы имели больше времени, чтобы подготовиться. Мы имели сведения, что наступление начнется со стороны Борчалло и Москва преподнесет его Европе, как восстание внутри самой Грузии. Генералам Одишелидзе и Захарьядзе мы дали полную карт-бланш для укрепления Борчалинского района. В то же время мы послали туда армянских социал-демократов, грузинских граждан, для пропаганды. Сообщенные ими нам сведения были неутешительные. На митингах армянские оппозиционеры-националисты не выступали, не выставляли никаких требований, как будто они все довольны. Это внешнее спокойствие казалось нам подозрительным. Было ясно, что что-то втайне подготавливалось. Конечно, присоединение к нашей республике районов с чужеродным населением было нашей ошибкой, но этого требовали наши стратеги для защиты границ.

Произошло то, чего мы ожидали. 11 февраля «восстали» борчалинские армяне, но на самом деле наступала 11-я Красная армия, которая отбросила наши пограничные войска. Мы получили неожиданный удар. Вызвал я генерала Одишелидзе и потребовал объяснения. Он дал такое толкование: войска потерпели поражение, потому что они были разбросаны. Я удивился и сказал ему: «Почему они были разбросаны? Мы готовились к войне,

а Вы разбросали войска!» На это он ответил: «Я не при чем. Это распоряжение дано было в декабре председателем Военной комиссии Учредительного Собрания Акакием Чхенкели». Я рассердился и крикнул ему: «Кто начальник войск? Вы или Чхенкели?» Он был немедленно смнен. В это же время наши войска отходили от Борчало к Тифлису. На заседании правительства было решено назначить главнокомандующим генерала Квинитадзе. Другого кандидата у нас не было. Вызвали его для переговоров. При первой же встрече он напал на генерала Одишелидзе, начал чернить и других. Из его слов можно было понять, что никто ни на что не годится. Надо оставить Тифлис и укрепиться на Мцхетских позициях. Одним словом, было много планов, противоречащих один другому. В узком кругу я высказал отрицательное мнение о пригодности Квинитадзе как главнокомандующего. Но было поздно. Национал-демократы категорически требовали его назначения. В этом деле особую роль играл Давид Вачнадзе.

***

Война началась. Москва оповестила по радио весь мир, что в Грузии начались восстания. А на Кавказе они заявили, что Армения напала на Грузию и требует присоединения к себе Борчало. Однажды вечером ко мне пришел Гогита Пагава (член главного штаба Народной гвардии) и сообщил следующее: «Только что советское посольство получило шифрованную телеграмму — завтра советские войска атакуют Пойлинский мост». — «Откуда вы это знаете?» — задал я ему вопрос. Он ответил: «Шифровальщик посольства наш человек, и он мне это сегодня сообщил». Я сейчас же известил об этом штаб Совета Обороны и частей, которые защищали Пойло⁵⁷⁾. Как раз на второй день на рассвете началось наступление красных войск на Пойло. Теперь выяснилось, что наступают Советы.

Не буду описывать хода военных действий. Они уже описаны и всем известны. Укажу только на атмосферу, которая господствовала в штабе. Сколько раз я ни посещал его, столько же раз генерал Квинитадзе уверял меня, что единственный выход — это отступление, укорочение фронта. Надо укрепиться на Мцхетских высотах, расположить там артиллерию. Если же мы

---

⁵⁷⁾ Пойло — это мост на границе Азербайджана, недалеко от границы.

останемся здесь, они нас окружают и отрежут путь к отступлению. Этот вопрос я поставил в Военной комиссии; на заседании лица были пасмурные, дело считалось проигранным. Ни от кого я не слышал ободряющего слова. Только Спиридон Кедия, национал-демократ, один из всей оппозиции был против оставления Тифлиса. А также против этого было и правительство и Совет Обороны. Поэтому мы все спорили с Квинитадзе, и все его удерживали, чтобы он не сделал этого шага. 24 февраля вечером я зашел к нему в штаб. Главнокомандующий... смотрел на карту. Там же сидел генерал Одишелидзе как мой советник. Квинитадзе круто обернулся и, не здороваясь со мной, сказал: — «Мы отступаем!» И тут же продиктовал своему адъютанту приказ для передачи на фронт. Я потребовал объяснения причин и сказал: «Пока что мы победители. А обыкновенно отступают побежденные!» Он ответил — «Это теория. Дело же решают конкретные обстоятельства; мы окружены, дороги отрезаны. Остается одна тропа к Мцхету, и, если этой ночью мы не отступим, то завтра мы принуждены будем сдать в плен!» При этом он назвал два пункта — по Сабуртальской дороге движутся большевики, а из Кахетии наступает их конница.

Эти его доводы и сведения показались мне сомнительными. У меня были на это основания. К сожалению, информация штаба часто была неточной. Моя же информация всегда оправдывалась. Ее мне давал генерал Лебединский. Раз он мне сообщил, что наступают три тысячи кавалерии под командой Жлобы. Я сообщил об этом генералу Квинитадзе. Он не поверил и поднял это сообщение на смех: «Кто-то вас обманывает!» И вообще сведения, которые я ему передавал, он находил ложными. Исходя из этого, я потребовал от него точного объяснения его решения. Он указал два основания: Сабуртало заняла московская конница. Значит, дорога открыта. Военные авторитеты говорят — где пройдут несколько разведчиков, там может пройти целая рота. А где пройдет рота, там может пройти целый полк. С другой стороны, направо от нас, около Мцхета, расположены русские войска на расстоянии 10-11 верст.

Когда он представил эти факты, я ничего возразить не мог. Только задал ему вопрос: «Запросили ли вы начальников боевых участков относительно этого?» — «Нет», ответил он. «Это мое дело. Они должны исполнять то, что я им приказываю!»

Я покинул зал, со мной вышел генерал Одишелидзе. Я спросил его: «Имеет ли право главнокомандующий принимать единолично такое решение?» На это он мне ответил: «По закону он имеет такое право».

С объявлением войны я вел и политическую работу. Все председатели иностранных государств сочувствовали нам. Только я с сомнением относился к турецкому послу Казим-бею. На второй день после объявления войны он явился ко мне и категорически заявил: — «Интересы моей страны требуют, чтобы Грузия была независимой, и для защиты ее мы готовы объявить войну большевикам. Таково мнение нашего правительства!» Для нас это было счастливым фактом. Казим-бей соединил нас по прямому проводу с нашим представителем Симоном Мдивани, который держал нас в курсе своей деятельности. В то же время Казим-бей попросил, чтобы мы дали ему возможность установить прямую связь между Анкарой и Москвой. Это нам не понравилось. Но так как обещания были большие, было бы нелояльно с нашей стороны этому препятствовать. Казим-бей часто говорил из штаба с Анкарой и Москвой. И мы никак не могли узнать, о чем он разговаривает. Ясно, что в это время Москва купила нейтралитет Турции, уступкой Ардаганского и Артвинского округов. Это подтвердилось вскоре нападением турецких войск на нас с тыла. После этого Казим-бей уверял меня, что, соглашаясь на эту уступку, мы навсегда приобретаем дружбу и помощь Турции. Но мы ему уже не верили.

Из Европы ничего конкретного не приходило — никакой помощи. А со стороны Турции были враждебные действия. Дипломатическая работа оказалась бесплодной, а потому мы перешли к политической агитации, в международном масштабе, чтобы произвести впечатление на Москву. Наши телеграммы и информация помещались по всей европейской прессе. Были выступления против Москвы. В этой кампании Москва заняла лживую позицию. Она уверяла, что никакой войны с Грузией она не вела, а что там произошли восстания. Этому никто не верил, кроме подкупленных коммунистами газет. В это же время я лично по радио обратился к Ленину и Троцкому, просил приостановить военные действия и войти с нами в переговоры. Нужно было выяснить, чего они желают? Какие вопросы хотят решить? Нет сомнения, что кампания в Европе произвела большое впечатление на Ленина и его сторонников, которые не сочувствовали в грузинском вопросе Троцкому и Сталину. Еще когда мы были в Тифлисе, им был послан для переговоров Енукидзе. Мы дали ему точные указания относительно границ Армении и Грузии. Но, когда он прибыл в Тифлис, мы были уже в Кутаиси, и он увидел, что обстановка переменилась.

24 февраля в полночь началось отступление. Я сидел в своем кабинете, и мне со всех сторон каждую минуту телефонировали,

что вывезти и что доставить в Кутаиси. Мы думали, что оттуда мы будем доставлять снаряжение и провиант на Мхетские позиции нашей армии. До трех часов утра давал я нужные распоряжения. И когда я все закончил, покинул Тифлис последним поездом. Заснул я в вагоне. А когда проснулся, я увидел станцию Скра. Между тем у меня было назначено свидание в Мцхете. Остановил поезд, сошел на платформу и спросил сопровождающих меня, в чем дело. Они ответили, что «в Мцхетах нас никто не встретил, не дали никакого сигнала, чтобы остановиться. Мы спросили, где находится военный штаб? Нам ответили, что здесь никакого штаба нет. Все двигаются в Гори. И мы также двинулись сюда». В это время показались отходящие части, шедшие ускоренным шагом. Остановил я их, расспросил. Они были все взволнованы. В Мцхетах они никого не встретили, никакого приказа не получили. И двигаться они будут до тех пор, пока им кто-нибудь не укажет, где расположиться. Теперь я понял, что «Мцхетский фронт» был только ширмой для окончания войны.

В Гори я нашел штаб и генерала Квинитадзе в вагонах. Все потеряли голову. Никаких мер не предпринимали для продолжения войны. Они мне сказали, что на Сурамском перевале расположены войска. Я был болен, но все же нашел силы сесть на лошадь и поехать для осмотра наших позиций. На перевале я не обнаружил никаких укреплений, никаких траншей. Вообще не было принято никаких мер для защиты. Наблюдалось большое дезертирство и беглецов никто не останавливал. Я приказал, чтобы это было прекращено немедленно; и немедленно были организованы военно-полевые суды. Это подействовало и началось восстановление дисциплины. Что касается нашего пребывания в Кутаиси и проведения нашего плана, то об этом нельзя было и думать.

Ясен был наш трагический конец. Уже в Гори начались разговоры между офицерами об эмиграции за границу. Начали составлять списки. Это я узнал в Батуме. Я был так уверен, что наше отступление было стратегического характера, и что мы скоро возвратимся в Тифлис, что перед отъездом зашел в редакцию «Эртоба» и написал воззвание к населению, что наше отступление временное и обещал наше скорое возвращение. Это воззвание взял и распространил Шалва Маглакелидзе.

Необходимо было найти где-нибудь в Грузии военную базу и там укрепиться. Думал я укрепиться в Аджарии и Сванетии, но и там большевистские банды наступали с Северного Кавказа и подходили к Кутаиси. В это же время московские войска на-

ступали в сухумском направлении. Их обстреляла французская эскадра адмирала Дюмениля. В конце концов, решили остановиться на левом берегу Риона — на границе Имеретии и Гурии и здесь дать решительное сражение. Население здесь было надежное, сознательное. Было у нас достаточно провианта. И позиция стратегически была приемлема. Но этот план не смогли осуществить из-за Турции. Неожиданно она ударила на Батум и хотела захватить город в свои руки. У нас не было выхода. Мы должны были либо признать московскую оккупацию, или же отправиться за границу с национальными знаменами для продолжения борьбы. Для выигрыша времени мы согласились на переговоры с большевиками для выработки условий мира. Делегатом мы послали Григория Лордкипанидзе с поручением затянуть переговоры.

В это время в Батуме состоялось совещание Учредительного Собрания, которое утвердило список правительства для заграничной работы. Правительство решило расширить свой состав представителями партии национал-демократов и социал-федералистов. По этому проекту в правительстве должно было быть шесть членов. Но эти партии отказались войти в правительство, и в нем осталось четыре члена — все социал-демократы. В это же время усилилась агитация среди оппозиции в партии социал-демократов. Появились сторонники роспуска правительства и примирения с большевиками. Они устраивали объединенные заседания с участием «Схивелеби» — социал-демократической внутренней оппозиции. Так как мы были категорически против этого, они задумали арестовать нас. Организовали для этого отряд. Один раз вижу из вагона, что подозрительная конная банда подошла к вагону и начала его рассматривать. Я этим заинтересовался и тогда узнал в чем дело. Сейчас же вызвал бронированный поезд под начальством Володи Гогуадзе. Объяснил ему в чем дело и дал задачу охранять наш вагон. Таким образом, понадобился караул для внутренней безопасности. Между этими заговорщиками большую работу вели большевики. Они обещали все, лишь бы не допустить нашего отъезда в Европу.

Арестованные в Батуме большевистские лидеры были освобождены. Они явились ко мне в вагон для переговоров. Беседа была короткая. Я им сказал: «В наших общих интересах, чтобы Батум и его область остались в пределах Грузии, какой бы режим в ней не существовал. Если Вы можете, работайте по этой линии, помогите нашим войскам выбросить турок из Батума». На этом мы расстались.

В это время происходило собрание партии социал-демократов и ее депутатов. Только эта партия не была сломлена и стояла на позиции борьбы с большевиками. Нас благословили на поездку за границу, но правительство все же не хотело так быстро ехать. Наш выезд был ускорен одним обстоятельством: из Аджарии нам протелефонировал аджарский депутат, что кавалерия Жлобы перешла Аджарский перевал и движется к Батуму, чтобы захватить правительство. Проверили, и сообщение оказалось правильным. На улицах Батума шли кровопролитные бои между турецкими и грузинскими войсками. 16 марта мы заняли места на пароходе. Там встретил я генерала Квинитадзе. Мы думали, что он руководит боем. Я потребовал от него, чтобы он сошел на берег, лично познакомился бы с обстановкой и сам руководил бы сражением. Он действительно оставил пароход и сошел на берег. Но через несколько часов он вернулся. Выехал он за границу по его собственной инициативе, никакого постановления об этом не было.

Вообще Учредительное Собрание послало с миссией за границу только правительство. Остальные добровольно покинули свою страну. Наш лозунг был — оставаться дома, продолжать, прежде всего, политическую борьбу и стоять около народа. По специальному постановлению был отправлен за границу Президиум Учредительного Собрания, как юридическое выражение его и для совместной работы с правительством. Утром 17 марта мы получили известие, что Жлоба расположился около Батума бивуаком, и в это же время начали подходить к Батуму красные войска со стороны Саджевахо. В тот же день наш итальянский пароход отошел в сторону Стамбула.

В Стамбуле меня встретили представитель Франции, Шевалье, и представитель Италии, Черути. Оба они от имени своих правительств пригласили нас на свою родину. Я принял это как хорошее предзнаменование и думал, что Франция и Италия предпримут шаги перед Москвой относительно нашего вопроса. Так как особое значение я придавал Франции, я принял ее приглашение и выразил Черути благодарность.

В первых числах апреля мы были в Париже. С нами был и Шевалье. Ни одно официальное лицо нас на вокзале не встретило, что на нас сильно подействовало. Шевалье был тоже удивлен, но ничего не сказал. Это был плохой признак. Нас приняли не официально, а как частных лиц. После некоторого отдыха мы принялись за дело вместе с нашим послом Акакием Чхенкели. Я начал выступать с докладами. Прежде всего в Централь-

ном комитете Социалистической партии, которая приняла известную всем резолюцию. Такой же доклад я сделал в другой социалистической партии с теми же последствиями. Потом я присутствовал вместе с Акакием Чхенкели и Шевалье на собрании сената. Собрание окончилось так, что не было задано ни одного вопроса, не произнесено ни одной речи, не вынесено никакой резолюции. Это ясно указывало, что официальная Франция не интересуется больше судьбой Грузии. Несмотря на это, я посетил президента Мильерана, премьера Бриана — с такими же последствиями. Встречали везде равнодушно.

После этого я поехал в Бельгию, а оттуда в Англию для зондирования почвы. В Бельгии сделал два доклада: в Центральном комитете Социалистической партии и на большом митинге в Антверпене. Оба собрания вынесли резолюцию протеста. Виделся с министром иностранных дел Жаспари. Кроме вежливого приема — ничего! Там я попросил визу в английском посольстве. Лондон мне отказал в ней. Положение было ясным — Ллойд Джорджа не интересовала наша страна. Но я не примирился с таким грубым обращением и при помощи Рабочей партии получил визу. Там я прежде всего встретился с лордом Сесилем, известным деятелем Лиги Наций и большим другом Грузии. Когда я ему сделал небольшой доклад, он мне ответил: «Что Вы хотите теперь, господин? Дело надо считать законченным». Никакого интереса ни у кого, кроме вождей Рабочей партии. Они просили меня сделать доклад на Брайтанском конгрессе. После такого холодного приема у лорда Сесиля, я считал бесполезным работать среди официальных лиц и отправился на конгресс в Брайтан. Переводчиком был бельгиец Гюисманс (впоследствии премьер Бельгии). Я сделал доклад Центральному Комитету, он принял резолюцию и представил конгрессу, где по поводу нее выступила жена Сноудена. Там было несколько большевизанов во главе с Ламберри. Просили меня снять эту резолюцию. Я отказался: «Центральный комитет представил резолюцию. Как я могу ее снять?» — сказал я. Конгресс принял ее единогласно.

С болью в сердце я вернулся в Париж. Никто не интересовался нами, кроме социалистов. Ни одна из других партий не вынесла о Грузии сочувственной резолюции. Ни на одно правительство захват и уничтожение молодого государства не произвели впечатления. Для нас стало ясно, что европейское общество устало, оно не чувствует и не замечает чужого горя и заботится только об одном — быть самим собой, спокойно жить в самодовольствии.

С этого дня я изменил линию своей деятельности. Пусть другие продолжают работать в общественных кругах Европы. А для меня лично важнее всего было сохранить в грузинском народе волю к борьбе и углубить ее; войти в связь с нелегальными организациями, работающими против большевиков, и при посредстве их иметь постоянный контакт с нацией. Главное было, чтобы воля нации не была сломлена и, может быть, когда-либо международное положение изменится в ее пользу, и этим она сможет воспользоваться. С другой стороны, я придавал большое значение сохранению политического единения в эмиграции, созданию ее боевых органов и руководству ею. Вот эти две задачи наметил я в своей работе, а усталую и самодовольную Европу передал другим. Несмотря на такое решение, меня все же заставили поехать на интернациональные конгрессы в Гамбурге и Марселе. После этого я на конгрессах уже не бывал. Здесь я не буду описывать события, которые произошли впоследствии. Об этом много напечатано. Я писал дневники, в которых много материала. Кто проявит интерес к изучению этих дел, может найти много источников.

Ванв, Франция.
1939 год

БИБЛИОГРАФИЯ

сочинений Н. Н. Жордания на русском языке

Отдельные издания:

Жордания Н. Н. — За два года. (С марта 1917 по 1 марта 1919 г.) Доклады и речи. Тифлис. Исп. Комис. И. К. Совета рабочих депутатов. 1919. 224 стр.

Жордания Н. Н. — Большевизм. Берлин. Изд. ЦК с.-д. рабочей партии Грузии, 1922, 35 стр.

Статьи:

Избирательная кампания в Тифлисе. — И. К. «Отклики современности», 1906, № 4, стр. 138-147.

Городские выборы в Тифлисе. — И. К. «Отзвуки», 1907, август, стр. 70-48.

Речь Жордания на суде (О Выборгском воззвании). «Голос с.-д.», 1909, № 13.

По поводу письма с Кавказа. — Ан [против «Письма с Кавказа» К. Ст. (Сталина) в том же номере, направленного против кавказских меньшевиков]. «Дискуссионный листок» (приложение к «Социал-демократу»), 1910, № 2.

Еще о подполье и открытом движении. — Ан. «Луч», 1913, № 95.
К национальному вопросу. — Ан [полемика с большевиками]. «Новая Рабочая газета», 1913, № 103.

Национальный вопрос. — Ан. «Борьба», 1914, №№ 2, 3 и 5.

Борьба течений и вопросы единства. — Ан [о внутрипартийных разногласиях]. «Борьба», 1914, № 4.

К нашим разногласиям. — Ан [о с.-д. тактике]. «Борьба», 1914, № 7/8.

Национальный вопрос на Кавказе. «Дело», 1916, № 7/8, стр. 10-19.

Марксизм и радикализм. — Ан [о позиции в вопросе о войне]. «Самозащита» (сборник), 1916, стр. 71-78.

Трагедия Кавказа. Письмо Центр. Комитету РСДРП. — Н. Н. Жордания, И. Церетели. [Об объявлении независимости Грузии]. «Наш голос», М. 1918, № 9.

Советская Россия и Грузия. (Письмо к социалистическим партиям и рабочим синдикатам Европы о нападении Советской России на Грузию). — Н. Н. Жордания, Ир. Церетели. «Социалистический вестник», 1921, № 5.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абашидзе Кита 27
Агаронян 87
Агниашвили 19
Айзенштадт И. С. см. Юдин
Аксельрод 64
Андрей см. Жордания Ной
Андроникашвили Луарсаб 55
Ахназаров 31

Б

Батурский 62
Бич 94
Блюменфельд 19
Богданов А. А. 59
Болквадзе Иофан 10
Брайтфорд (генерал) 89
Бриан 119

В

Варский (А. Варшавский) 59
Варшавский А. С. см. Варский
Вачнадзе Давид 69, 113
Верещак 74, 75, 76, 81
Виткинд Яков Мойсеевич 14
Витте 65

Г

Габашвили Екатерина 31
Гапон 41
Гвазава Георгий 87
Гегечкори Евгений 55, 56, 92, 94,
96, 105, 108, 110

Гед Жюль 20
Гелейшвили Петр 13
Гельфанд см. Парвус
Гогебашвили 31
Гогуадзе Володя 117
Гольденберг И. П. см. Мешков-
ский
Горев — Гольдман см. Игорь
Григорий см. Зиновьев Г. Е.
Грязнов (генерал) 45
Гуковский 19
Гуриели (князя) 6
Гюисманс 119

Д

Дан Ф. 43, 53, 58, 59, 78
Дарчиашвили Л. (Ладо) 26, 55
Дарчиашвили М. 26
Дейч Лев 19
Деникин 94, 95, 96, 102, 103
Джапаридзе Ч. 40, 54
Джибладзе Сильвестр (Сильва)
15, 17, 18, 26, 27, 29, 32, 34, 35,
45, 50, 51
Джорбенадзе Зосиме 69
Джорджадзе Арчил 40
Джорджиашвили А. 45
Джугашвили Иосиф см. Сталин
Джугели Валико 74, 80, 90
Джугели С. 56
Дзержинский 59
Дмовский 92
Дон-Яго см. Манташев
Дубровинский И. Ф. см. Инно-
кентий
Дюмениль 117

Е

Ельяшвили И. (доктор) 43
Енукидзе 115
Ерадзе Георгий 96

Ж

Жаспари 119
Жлоба 114, 118
Жордания Инна, ур. Коренева
(Тамара) 41, 43, 45, 50, 57, 59,
60, 61
Жордания Кондратий 1, 6, 7
Жордания Николай
(отец Ноя Ж.) 10, 35
Жордания Ной Николаевич (Ко-
стров, Андрей) 4, 5, 13, 27, 29,
31, 33, 34, 35, 42, 43, 49, 52, 54,
56, 59, 66, 74, 76, 79, 121
Жордания Тедо 8
Жорес 63
Журули Георгий 29, 30

З

Засулич Вера 19
Захарьядзе 112
Зиновьев Г. Е. (Григорий) 59
Зурабов Аршак 37, 38, 42, 54, 62

И

Игорь (Горев-Гольдман Б. И.) 59
Имнадзе Власа 76, 84
Имнадзе Коте 76
Ингороква Игнатий 15
Иннокентий
(И. Дубровинский) 59
Иловайский 8
Иогихес Леон см. Тышко
Ионов (Ф. М. Койген) 59

К

Казим-бей 115
Каменев Л. Б. 59
Камо-Петросиан 52
Карло см. Чхеидзе Николай
Карцивадзе Антон 6, 7
Карцивадзе Илико (эсер) 74, 75
Каутский Карл 13, 20, 21
Квинитадзе 109, 113, 114, 116, 118
Кедия Спиридон 114
Керзон 95, 106, 110
Кецховели 25
Киквадзе Т. 11
Кикодзе 5
Киладзе Самсон 26
Кипшидзе Александр 27, 31
Кнунянц 37, 38
Койген Ф. М. см. Ионов
Конделаки Константин 107
Копельзон Т. 14
Корбейль 111
Костров см. Жордания Ной
Красин 110
Крейсе, фон 89
Крыжановский (закон Кр-го) 55
Кузнецов 80

Л

Ламберри 119
Ласкишвили Г. 27, 40
Лафарг Поль 20
Лебединский 111, 114
Ленин 39, 41, 42, 43, 50, 52, 53, 54,
59, 84, 101, 105, 109, 115
Либавский (латыш) 59
Либер 78
Литвинов 58
Ллойд Джордж 95, 106, 110, 119
Лордкипанидзе Григорий 110, 117
Лузин (И. И.) 26, 27

М

Маглакелидзе Шалва 116
Маисурадзе 90
Макар (В. П. Ногин) 59

Малянтович 65
Манташев (Дон-Яго) 60, 61
Марат (В. Л. Шанцер) 59
Маркс К. 13, 26
Мартов Юлий Осипович (Цедербаум) 14, 38, 39, 52, 53, 58, 62, 78
Мартынов А. С. 59, 78
Махарадзе Герасим 75
Махарадзе Филипп Иесеевич 11, 12, 14, 38, 42, 73, 74, 79, 80
Мачабели Г. 69
Мгеладзе Власа 29, 33, 63
Мдивани Симон 115
Мелия Б. 26
Мешковский
(И. П. Гольденберг) 59
Мильеран 119
Милюков 50, 51
Мирианашвили 19
Михайловский Н. 13
Морозов (фабрикант) 52
Муссолини 64, 65
Мухаринский 75, 76
Мышлаевский 67

Н

Накашидзе И. 27
Николадзе Като 51
Николадзе Нико 51, 88
Николай II 22, 61
Ниношвили Игнатий 15, 17, 18, 25
Ногин В. П. см. Макар

О

Одишелидзе 82, 109, 110, 112, 114
Окуашвили (рабочий) 29
Орджоникидзе М. 40

П

Пагава Гогита 71, 113
Парвус (Гельфанд) 21

Пескин-Сомов И. 14
Петр см. Ной Рамишвили
Плеханов Георгий Валентинович
15, 19, 37, 39, 47, 58, 59
Плеханова Розалия Марковна 37
Попов 76
Посталевский 25
Потресов 58, 59

Р

Рамишвили Исидор 18, 43, 49
Рамишвили Ной (Петр) 43, 59, 66, 69, 70, 76, 96
Рунич (жандармский ротмистр) 33

С

Сараджишвили Давид 32, 57, 61
Сесиль, лорд 119
Скворцов 65
Скобелев И. М. 57, 61
Сноуден 119
Соколов Ник. Дмитр. 54, 60
Сталин 46, 47, 52, 109, 115
Столыпин 60

Т

Тамара см. Жордания Инна
Тилипучури (ресторан) 35
Тимошкин 57
Толстой 111
Топуридзе Д. 37, 38, 39
Троцкий Л. Д. 58, 59, 62, 78, 109, 115
Туратти 64
Тышко (вернее Тышка)
(Иогихес) 19, 59

У

Уардроп О. (O. Wardrop) 91, 106
Уратадзе Гриша 56, 66, 70, 87, 105, 106, 107, 108

Х

Хакель 30
Хатисов Александр 55, 76, 86
Хашник см. Чичуа Захарий
Хизанишвили 31
Хилашвили 1
Хомерики Ной 34, 43, 66, 70
Хундадзе Габо 111

Ц

Цабадзе Васо 25
Цедербаум см. Мартов Ю. О.
Церетели Акакий 6
Церетели Анастасия 26, 32
Церетели Георгий 26, 27, 28, 31
Церетели Ираклий 50, 51, 54, 77,
78, 83, 91, 99, 121
Церетели К. 43
Церетели Михаил (Михако) 67, 68
Цинцадзе Георгий 75
Цинцадзе Коте 80
Цитладзе Арсен 18
Цулукидзе Ал. 38, 42
Цулукидзе Георгий 35
Цхакая Михо 38, 42
Цхветадзе (Цхведадзе) 31, 61

Ч

Чавчавадзе Илья 27, 31, 40, 42, 61

Черекезишвили В. 22
Чернышевский 4, 8
Черути 118
Чиаберашвили Андрей 80
Чиковани (генерал) 66
Чичинадзе Захарий 4
Чичуа Захарий (Хашник) 45
Чодришвили М. (рабочий) 29
Чубинашвили (словарь) 3
Чхеидзе Николай (Карло) 18, 26,
29, 55, 57, 61, 65, 77, 91, 92
Чхеидзе (рабочий) 29
Чхенкели Акакий 85, 88, 91, 92,
113, 118

Ш

Шанцер В. Л. см. Марат
Шаумян 46, 84
Шевалье 118
Шервашидзе 98

Э

Энвер-паша 67

Ю

Юдин (И. Л. Айзенштадт) 59

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

«Аванти» 64, 65
Автономия
    культурная 60
    территориальная 60
Аграрный вопрос 38, 46-47, 95-96
Акт Независимости 87
«Ахали Квали» («Новый след») 66

Б

«Бог в природе» (книга) 3
Большевики, 38, 39, 40, 41, 43, 46, 47, 50, 51, 52, 53, 58, 59, 62, 73, 78, 79, 80, 81, 84, 88, 97
Большевистский переворот 79
«Брдзола» («Борьба») 35
Брест-Литовский договор 83, 85
Булыгинская дума 44
Бунд 19, 52
Бундовцы 19, 46, 52, 59
«Бунебис кари» («Двери природы») 1, 2, 4, 11

В

Версальская конференция
    см. Мирная конференция
    в Версале
Взятие арсенала 80—81
Виленская социал-демократическая группа 19
«Война и мир» (статья) 66
Война

    с армянами 89—90
    с большевиками 105—118
    с турками 82, 84
Временное правительство 71, 75, 76, 77
Всероссийский Совет рабочих и солдатских депутатов 18, 77
Вторая Государственная дума 50, 51, 52, 53, 54
Второй съезд РСДРП (Лондонский) 15, 18, 36, 37, 39, 46, 49, 52, 58, 105
Выборгское воззвание 50, 56, 57

Г

«Голос социал-демократа» 57
«Горка дум» 4, 5, 11, 17, 28
Горская республика 98, 103, 106, 107
«Грузинские националисты» (брошюра) 47
Грузинский комитет (в Германии) 68
Группа «Освобождение труда» 19, 47
Гурийский общекрестьянский комитет 30

Д

«Дашнакцутюн» (арм. журнал в Париже) 41
Дашнакцутюн (партия) 97
«Двери природы» см. «Бунебис кари»
«Деда ена» («Родное слово») 1

Демократическое совещание
(Предпарламент) 77, 78
Добровольческая армия 94, 98
Дума Витте 44

Ж

Женева 18, 19, 37, 39, 40, 41, 43,
63, 68

З

Закавказская Автономная
Республика 83, 99
Закавказский сейм 18, 83, 84, 85,
86, 99
Закавказский центр рабочих,
солдатских и крестьянских
депутатов (Краевой центр)
82, 83
Закавказье 35, 84, 85, 86

И

«Иверия» 5, 25, 27, 28, 30, 31, 42,
61
Издательство группы
«Освобождение труда» 19
Интернационалисты 62
«Искра» 38, 39, 43
Исполнительный совет рабочих
79, 80
«История прессы»
(статьи Жорданиа) 31

К

«Караманяни» 11
«Квали» 5, 19, 21, 25, 26, 27, 28,
29, 30, 31, 32, 33, 42, 44, 68
Квирилы
первая партийная конферен-

ция грузинских социал-демо-
кратов 17, 26, 86
экспроприация 52
Коалиционное правительство
всероссийское 78
грузинское 101
«Колокол» (герценовский) 4
Конференция в Таммерфорсе 50
Конференция в Тифлисе
(февраль 1893) 18
Координационный комитет 37,
38, 39
Краевой центр см. Закавказский
центр рабочих, солдатских и
крестьянских депутатов
Кружки нелегальные 8, 13, 25,
26, 29, 51
Куртани (куртанчики) 14

Л

Ланчхутская социал-демократи-
ческая конференция (по во-
просу о независимости) 69, 86
«Лесные братья» 52
«Ликвидаторы» 58, 59
Лондонский съезд РСДРП
см. Второй съезд РСДРП
(Лондонский)

М

Манифест коммунистической
партии 39
Марксизм 14, 19, 20, 22, 25, 29,
30, 39, 43
Марксисты 19, 25, 28, 39
Меньшевики 38, 39, 41, 43, 46, 47,
50, 51, 52, 53, 58, 58, 62, 74, 77,
78, 79
«Месаме-даси» 15, 18
Мирная конференция в Версале
91, 94, 105
Мирные переговоры с большеви-
ками 105, 107—108
«Могзаури» («Путешественник»)
42

Московское восстание 45
Мусават (мусульманская партия)
86

Н

Народная гвардия 74, 80, 81, 84,
85, 96, 109, 113
Народники
— грузинские 8, 12, 13, 14, 17—
19, 23, 40
— русские 13, 19, 23, 34, 39, 44
Национал-демократы 98, 113
Националисты
грузинские 67, 68, 99, 100
Национальное собрание 82
Национальные полки 79, 80 92
— польские 92
Национальный вопрос 5—8, 16—
18, 20, 22, 25—29, 38, 53—55,
59—60, 62, 87
Национальный сейм (грузинский)
87
Независимость Грузии 86, 87, 88
—120
«Нейе Цейт» 21

О

Оборонцы 62
ОЗАКОМ (Особый Закавказский
Комитет) 75, 76, 92
Октябрьская революция 54
Организационный комитет 61, 62
Особый Закавказский Комитет
см. ОЗАКОМ
«Отрезки» 38

П

Оборонцы 62
Первая Государственная дума
18, 49, 50, 60
Первая мировая война 63
Первая партийная конференция
в Квирилах 17
Первая русская революция 37, 41

Первая социал-демократическая
фракция Думы 49
Первый Интернационал 38
Петроградский Совет рабочих и
солдатских депутатов 18, 73, 77
«Подполиты» 26, 29
ППС (Польская социалистиче-
ская партия) 16, 17, 21, 47
Правая оппозиция
(груз. с.-д. партии) 55
«Правда» (Троцкого) 58, 59
Предпарламент
см. Демократическое совещание
Пресса 101
«Пролетарий» 59

Р

Рабочая гвардия 80, 81, 84, 85, 88,
90, 93, 109, 113
Рабочий совет 73, 74
«Родное слово» см. «Деда ена»
«Родное слово»
(русский учебник) 1
РСДРП (Российская социал-
демократическая рабочая
партия) 18, 34
Руссофильство грузинских
крестьян 5, 6, 28

С

Сакартвело 7
«Сакартвело» (журнал) 40
Самоопределение наций
(право на . . .) 47, 54
«Свет» (рукописный журнал) 12
СДКПиЛ (Социалдемократия
Королевства Польского и
Литвы — польские социал-
демократы) 21, 46, 47, 58, 59
«Скиви» («Луч») 44
Снабжение населения 96
Совет Обороны 111, 113, 114
Совет рабочих депутатов 74, 75,
76, 77, 79, 81, 84, 99

Совет рабочих и солдатских
депутатов 73
Совет солдатских депутатов 74,
75, 76, 81
«Социал-демократ» 43, 44, 59, 79
Социал-демократическая
фракция Гос. думы 62, 65
Социал-демократы 25, 26, 27, 28,
24, 37, 40, 41, 44, 45, 51, 53, 55,
62, 65, 67, 76, 77, 79, 81
Социализм
грузинский 30, 41, 43—44, 53
европейский 14, 28, 43
русский 13, 14, 18, 43, 44, 49, 79
Социал-федералисты 40, 41, 42
Социальная революция 79
«Союзный комитет Кавказа» 35
Стокгольмский съезд 37, 46—47,
50, 105
«Схивелеби» 117

Т

Таммерфорская конференция 50
Тифлисская духовная семинария
3, 8, 11, 12, 13, 19
Тифлисский комитет социал-
демократической организации
33, 39, 42, 44, 49, 86
Тифлисский Исполнительный
рабочий комитет 83
Третья Государственная дума 18,
54, 55
«Троцкизм» 62

У

Учредительное собрание
— всероссийское 77, 82, 83
— грузинское 15, 18, 93, 98, 99,
101, 108, 117, 118

Ф

Февральская революция 72, 73

Ц

«Цветок» (рукописный журнал)
12
Цензурный комитет 29, 30
Центральный комитет (грузин-
ской партии с.-д.) 42, 49, 54, 58,
59, 62, 69, 79, 80, 86
«Цнобис пурцели»
(«Листок новостей») 42

Ч

Четвертая Государственная
дума 18, 57, 61

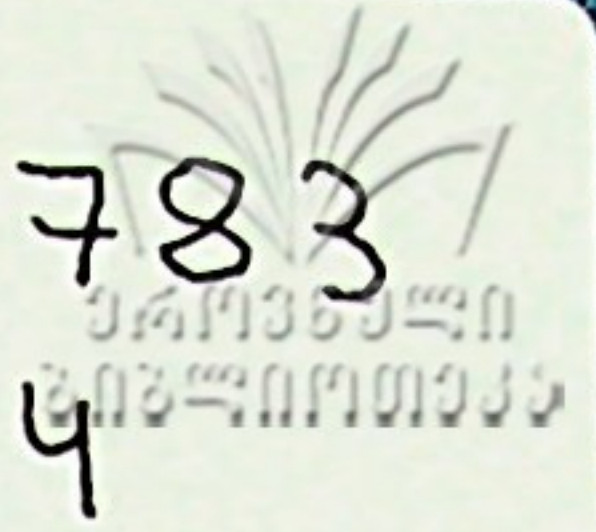
Э

«Эртоба» 116
Эсеры 74, 76, 78, 79, 81
«Эксы» (экспроприации) 52, 58,
59

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. В поисках мировоззрения	1
II. Студенческие годы в Варшаве и политическая эмиграция	13
III. Возвращение на родину. Газета «Квали». Первый арест и побег за границу	25
IV. Второй съезд РСДРП и раскол грузинской социал-демократии. Первая русская революция. Стокгольмский съезд	37
V. Первая Государственная дума. Лондонский съезд. Второй арест и вторая эмиграция	49
VI. Первая мировая война. Оборонцы и интернационалисты в грузинском меньшевизме	63
VII. Годы революции (1917—1918)	73
VIII. Грузия в период независимости. Давление извне и внутренняя консолидация	88
IX. Завоевание Грузии большевиками	105
Библиография	121
Именной указатель	123
Предметный указатель	127

T 3. 783 /

4

T 3. 783.
4